

Научный рецензируемый журнал

Scholarly peer-reviewed journal

**ВЕСТНИК
ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Основан в 2008 г.
Выходит 4 раза в год

**PERM UNIVERSITY
HERALD.
JURIDICAL SCIENCES**

Founded in 2008
Published 4 times a year

2026
Выпуск 3(73)

2026
Issue 3(73)

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Founder and Publisher:

PERM STATE UNIVERSITY

Рассматриваются фундаментальные
и прикладные проблемы юридической науки.
Исследуются современное состояние российского
законодательства, правоприменительная
практика, формулируются предложения
по развитию и совершенствованию различных
отраслей права. Анализируются теоретические
и исторические аспекты государственно-правовых
явлений, международное и зарубежное
законодательство, проводится сравнительное
изучение правовых институтов в России и других
странах.

Fundamental and applied issues of juridical
science are considered. The current state of
Russian legislation, law enforcement
practice are investigated, suggestions on
development and improvement in different
branches of law are formulated. Theoretical
and historical aspects of state legal
phenomena, international and foreign
legislation are analyzed, legal institutions of
Russia and other countries are investigated
in the comparative aspect.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук (по группе научных специальностей 5.1. – Право).

Журнал включен в международную базу данных Web of Science Core Collection.

Журнал включен в национальную информационно-аналитическую систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66479 от 14 июля 2016 г.

Распространяется бесплатно и по подписке. Подписка на журнал осуществляется онлайн на сайте «Урал-пресс» https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8650364/?sphrase_id=396140. Подписной индекс 41046

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Голубцов Валерий Геннадьевич, д. ю. н., профессор, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета (*председатель редакционного совета*)

Бублик Владимир Александрович, д. ю. н., профессор, ректор, профессор кафедры предпринимательского права Уральского государственного юридического университета
Бурханова Лейла Мариусовна, к. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права Ташкентского государственного юридического университета

Валеев Дамир Хамитович, д. ю. н., профессор, заместитель декана юридического факультета по научной работе Казанского (Приволжского) федерального университета

Вивер Рассел Л., профессор права Университета Луисвилла, Школа Права имени Льюиса Д. Брендиеса

Габов Андрей Владимирович, член-корреспондент РАН, д. ю. н., главный научный сотрудник сектора предпринимательского и корпоративного права Института государства и права РАН, заслуженный юрист РФ

Грачева Елена Юрьевна, д. ю. н., профессор, зав. кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ

Ефремова Марина Александровна, д. ю. н., доцент, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия

Кодан Сергей Владимирович, д. ю. н., профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета, заслуженный юрист РФ

Лосавио Майкл, доктор права, профессор факультета юстиции Университета Луисвилла

Максимов Олег Александрович, д. ю. н., доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса Ульяновского государственного университета

Мацкевич Игорь Михайлович, д. ю. н., профессор, ректор Университета прокуратуры Российской Федерации

Нешатаева Татьяна Николаевна, д. ю. н., профессор, зав. кафедрой международного права Российского государственного университета правосудия

Новоселова Людмила Александровна, д. ю. н., профессор, зав. кафедрой интеллектуальных прав Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ

Средкова Красимира, д. ю. н., профессор, зав. кафедрой трудового права и социального обеспечения Софийского университета

Тужилова-Орданская Елена Марковна, д. ю. н., профессор, зав. кафедрой гражданского права Института права Башкирского государственного университета

Хабриева Талия Ярулловна, академик РАН, д. ю. н., профессор, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, заслуженный юрист РФ

Чернядьева Наталья Алексеевна, д. ю. н., доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Российского государственного университета правосудия (Крымский филиал),

Щенникова Лариса Владимировна, д. ю. н., профессор, зав. кафедрой гражданского права Кубанского государственного университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Килина Ирина Владимировна

к. ю. н., доцент, заместитель декана юридического факультета по научной работе, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета (*главный редактор*)

Васильева Юлия Валерьевна

д. ю. н., профессор, зав. кафедрой трудового и международного права Пермского государственного национального исследовательского университета

Кузнецова Ольга Анатольевна

д. ю. н., профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московской государственной юридической академии имени О. Е. Кутафина;

профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета

Матвеев Антон Геннадьевич

д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права, профессор кафедры теории и истории государства и права Пермского государственного национального исследовательского университета

Пастухов Павел Сысоевич

д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета

Адрес учредителя и издателя:

614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Адрес редакционной коллегии:

614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
юридический факультет
Тел. +7(342)239-62-75, +7 963 0126422
E-mail: vesturn@yandex.ru
Сайт: <http://jurvestnik.psu.ru/>

Редакторы: Е. И. Герман, О. И. Кирьянова (англ.)

Компьютерная вёрстка, дизайн обложки: Т. А. Абасова

Отпечатано в ООО «Типография ДПС»

614000 Пермь, ул. Танкистов, дом 12

Тел.: 8 (342) 206 46 47

E-mail: dps@dps.perm.ru

Подписано в печать 29.09.2026. Выход в свет 30.09.2026

Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 15,78. Тираж 100 экз. Заказ 645

EDITORIAL COUNCIL

Valery G. Golubtsov, Doctor of Juridical Sciences,
Perm State University (*Chairman of the Editorial Council*)

Vladimir A. Bublik, Doctor of Juridical Sciences,
Ural State Law University

Leila M. Burkhanova, Candidate of Juridical Sciences,
Tashkent State Law University

Damir Kh. Valeev, Doctor of Juridical Sciences,
Kazan (Volga region) Federal University

Russell L. Weaver, Professor of Law, University of Louisville,
Louis D. Brandeis School of Law

Andrey V. Gabov, Corresponding Member of the Russian
Academy of Sciences, Doctor of Juridical Sciences, Institute
of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
Honored Lawyer of the Russian Federation

Elena Yu. Gracheva, Doctor of Juridical Sciences,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Honored Lawyer of the Russian Federation

Marina A. Efremova, Doctor of Juridical Sciences,
Kazan Branch of the Russian State University of Justice

Sergey V. Kodan, Doctor of Juridical Sciences, Ural State
Law University, Honored Lawyer of the Russian Federation

Michael Losavio, Doctor of Law, University of Louisville

Oleg A. Maksimov, Doctor of Juridical Sciences,
Ulyanovsk State University

Igor M. Matskevich, Doctor of Juridical Sciences,
University of the Prosecutor's Office of the Russian
Federation

Tatiana N. Neshataeva, Doctor of Juridical Sciences,
Russian Academy of Justice.

Liudmila A. Novoselova, Doctor of Juridical Sciences,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Honored Lawyer of the Russian Federation

Krasimira Sredkova, Doctor of Juridical Sciences,
Sofia University

Elena M. Tuzhilova-Ordanskaya, Doctor of Juridical
Sciences, Bashkir State University

Talia Ya. Khabrieva, Academician of the Russian Academy
of Sciences, Doctor of Juridical Sciences,
Institute of Legislation and Comparative Law under the
Government of the Russian Federation,
Honored Lawyer of the Russian Federation

Natalya A. Chernyadeva, Doctor of Juridical Sciences,
Russian State University of Justice

Larisa V. Shchennikova, Doctor of Juridical Sciences,
Kuban State University

EDITORIAL BOARD

Irina V. Kilina

Candidate of Juridical Sciences, Perm State University (*Editor-in-Chief*)

Yuliya V. Vasileva

Doctor of Juridical Sciences, Perm State University

Olga A. Kuznetsova

Doctor of Juridical Sciences, Kutafin Moscow State Law
University (MSAL), Perm State University

Anton G. Matveev

Doctor of Juridical Sciences, Perm State University

Pavel S. Pastukhov

Doctor of Juridical Sciences, Perm State University

Address of the Founder and Publisher:

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

Address of the Editorial Office:

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia
Perm State University, Faculty of law
Phone +7(342)239-62-75, +7 963 0126422
E-mail: vesturn@yandex.ru
Website: <http://jurvestnik.psu.ru/>

Editors: *Elena I. German (Russ.)*, *Olga I. Kiryanova (Eng.)*

Computer layout: *Tatiana A. Abasova*

Print House DPS: 12, Tankistov st., Perm, 614000

Phone +7 (342) 206 46 47

E-mail: dps@dps.perm.ru

Signed in print 29.09.2026. The publication 30.09.2026.

Printed Format: 60×84/8. Conventional Printed Sheet: 15,78.

Circulation: 100 copies. Order 645.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Hasanov E. L. (г. Гянджа, Азербайджан)

Multi-Religious Features of Law and Authority in the Russian Lands During the 13th–14th Centuries .. 402

Кузнецова О. А. (г. Москва, Пермь)

Гражданско-правовая дидактика: парадигмальный сдвиг в эпоху искусственного интеллекта 412

II. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Samarina O. A. (г. Мапуту, Мозамбик)

Legal Regulation of Environmental Assessment in the Republic of Mozambique 421

III. ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Одинцов С. В. (г. Москва), *Грибановская М. С.* (г. Брянск)

Ограничение прав должника в банкротстве физических лиц и альтернативных процедурах в России и в Австралии 431

Колодуб Г. В. (г. Саратов)

Методологические основания исследования инфраструктурной услуги в рамках концепции транспортных организационных договоров 450

Лаптев В. А. (г. Москва)

Концепция развития корпоративного законодательства Российской Федерации 463

Сидиков Д. А. (г. Душанбе, Таджикистан)

Определение правового режима результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием искусственного интеллекта по законодательству Республики Таджикистан 485

IV. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Козубенко Ю. В. (г. Екатеринбург)

Миграционная политика в образовании как средство противодействия вербовке в экстремистские образования 511

Правила оформления и представления рукописей статей в журнал

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ 525

CONTENTS

I. THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Hasanov E. L. (Ganja, Azerbaijan)

Multi-Religious Features of Law and Authority in the Russian Lands During the 13th–14th Centuries ... 402

Kuznetsova O. A. (Moscow, Perm)

Civil Law Didactics: A Paradigm Shift in the Age of Artificial Intelligence 412

II. PUBLIC LAW (STATE-LEGAL) SCIENCES

Samarina O. A. (Maputo, Mozambique)

Legal Regulation of Environmental Assessment in the Republic of Mozambique 421

III. PRIVATE LAW (CIVIL) SCIENCES

Odintsov S. V. (Moscow), *Gribanowskaya M. S.* (Bryansk)

Restrictions on Debtors' Rights in Personal Bankruptcy and Alternative Procedures
in Russia and Australia 431

Kolodub G. V. (Saratov)

Methodological Foundations for Studying Infrastructure Services Within the Concept of
Transport Organizational Contracts 450

Laptev V. A. (Moscow)

Concept of Corporate Legislation Development in the Russian Federation 463

Sidiqov D. A. (Dushanbe, Tajikistan)

Establishing the Legal Regime of Intellectual Property Created With the Use of Artificial
Intelligence Under the Legislation of the Republic of Tajikistan..... 485

IV. CRIMINAL LAW SCIENCES

Kozubenko Yu. V. (Yekaterinburg)

Migration Policy in Education as a Means of Countering Recruitment into Extremist Organizations 511

Guidelines for Preparing and Submitting Articles for Publication in the Scientific Journal

PERM UNIVERSITY HERALD. JURIDICAL SCIENCES 525

I. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Информация для цитирования:

Hasanov E. L. Multi-Religious Features of Law and Authority in the Russian Lands During the 13th–14th Centuries // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2026. Вып. 3(73). С. 402–411. DOI 10.17072/1995-4190-2026-73-402-411. EDN YTFATN

Hasanov E. L. Multi-Religious Features of Law and Authority in the Russian Lands During the 13th–14th Centuries. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2026. Issue 3(73). Pp. 402–411. DOI 10.17072/1995-4190-2026-73-402-411. EDN YTFATN (In Eng.)

УДК 34.01

DOI 10.17072/1995-4190-2026-73-402-411

EDN ytfatn <https://elibrary.ru/ytfatn>

EDN YTFATN

Multi-Religious Features of Law and Authority in the Russian Lands During the 13th–14th Centuries

E. L. Hasanov

Ganja Branch of the Azerbaijan National Academy of Sciences

E-mail: lnurh273@gmail.com

Received 25 Feb 2026

Introduction: this article reinterprets the multicultural environment in the territory of the Golden Horde (*Ulus of Jochi*) as a site of religious authority formation. The paper also examines several recurring authority signals that can be compared across reigns and regions: patronage of jurists and educational institutions (appointments, court scholars, madrasas, juridical language); Sufi mediation (*tariqa* affiliations, lodges/khanakas, shrine patronage, saintly genealogies, vernacular ethical instruction); public markers of Islamic presence (mosques, cemeteries, architectural patronage, urban religious space); and explicit negotiations with non-Islamic or extra-juridical norms (customary law, steppe political practice, and pragmatic accommodations). The **purpose** is to examine the mechanisms of this formation through a three-stage analysis of successive reigns. First, for each period, the study reconstructs the dominant “authority package” – the combination of political-administrative mechanisms, juridical actors and claims, and Sufi-mediated institutions through which religious legitimacy was produced. Second, it evaluates the likely social reach of this package by asking how it could extend beyond the court through patronage, education, ritual affiliation, and dispute settlement. Third, it compares the three reigns to identify shifts in the locus of authority and their implications for the social embedding of Islam. Focusing on the reigns of Berke Khan, Uzbek Khan, and Janibek Khan, the analysis examines how successive configurations of authority emerged at the intersection of Islamic legal normativity, Sufi-mediated institutions, and khanate governance. **Methods:** the methodology is based on comparative-historical and hermeneutical analysis of key narrative corpora and modern historiography. **Results:** the study contrasts three models: an elite-symbolic model of Islamization associated with Berke’s courtly patronage; a mediated integration model under Uzbek Khan, in which Sufi network, particularly the Yassawiyya, translated Islamic ethics into Turkic

© Hasanov E. L., 2026



Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

social contexts while accommodating legal pluralism; and a later reconfiguration toward more formalized Sharia-centered governance under Janibek Khan. **Conclusions:** the article argues that Islam's integrative capacity in steppe polities depended less on formal adoption than on institutions capable of mediating between law, spirituality, and existing normative orders. Conceptually, it proposes a transferable typology of Islamization as a process of negotiation between juridical authority, ethical-spiritual mediation, and political organization, offering a comparative lens for other pluralistic pre-modern empires.

Keywords: Golden Horde; Russian lands; religion; culture; Middle Ages; multiculturalism

Исследование мультирелигиозных показателей закона и власти на русских землях в XIII–XIV веках

Э. Л. Гасанов

Гянджинское отделение Национальной академии наук Азербайджана

E-mail: lnurh273@gmail.com

Статья поступила в редакцию 25.02.2026

Введение: в статье переосмысливается мультикультурная среда в русских землях периода Золотой Орды (Улуса Джучи) как формирование религиозной власти. Рассматриваются следующие значимые вопросы: покровительство юристам и образовательным учреждениям (назначения, придворные ученые, медресе, юридический язык), а также суфийское посредничество (принадлежность к тарикам, логи/ханакы, покровительство святыням, генеалогии святых, этические наставления на местных языках), публичные признаки исламского присутствия (мечети, кладбища, архитектурное покровительство и городское религиозное пространство) и, наконец, явные переговоры с неисламскими или внеюридическими нормами (обычное право, степная политическая практика и прагматические компромиссы). **Цель:** исследовать механизмы формирования религиозной власти в мультикультурной среде Золотой Орды (Улуса Джучи) на основе анализа трех этапов. Во-первых, для каждого периода правления реконструируется доминирующий «пакет полномочий»: сочетание политико-административных механизмов, юридических субъектов и претензий, а также институтов, созданных при посредничестве суфиев, через которые формировалась религиозная легитимность. Во-вторых, оценивается вероятное социальное влияние «пакета полномочий» через анализ того, как он мог распространяться за пределы двора через покровительство, образование, ритуальную принадлежность и разрешение споров. В-третьих, проводится сравнение трех периодов правления для выявления изменений в центре власти и их последствий для социального укоренения ислама. На примере правлений Берке-хана, Узбек-хана и Джанибек-хана анализируется, как последовательные конфигурации власти возникали на пересечении исламской правовой нормативности, институтов, опосредованных суфизмом, и ханского управления. **Методы:** сравнительно-исторический и герменевтический анализ ключевых нарративных корпусов и современной историографии. **Результаты:** исследование противопоставляет три модели: элитарно-символическую модель исламизации, связанную с придворным покровительством при Берке; опосредованную интеграционную модель при Узбек-хане, в которой суфийские сети, особенно Яссавийя, переводили исламскую этику в тюркский социальный контекст, одновременно учитывая правовой плюрализм; и более позднюю реконфигурацию в сторону более формализованного шариатского управления при Джанибек-хане. **Выводы:** утверждается, что интеграционная способность ислама в степных государствах зависела не столько от формального принятия, сколько от институтов, способных выступать посредниками между правом, духовностью и существующими нормативными порядками. Концептуально предлагается типология исламизации как процесса взаимодействия между юридической властью, этико-духовным посредничеством и политической организацией, которая может быть использована для сравнительного анализа других плюралистических досовременных империй.

Ключевые слова: Золотая Орда; русские земли; религия; культура; Средневековье; мультикультурализм

Introduction

Formation and development of the multi-religious authority in the medieval Russian lands of the Golden Horde period is often narrated as a top-down event: a ruler converts, the polity becomes Islamic, and religious institutions follow. While this political chronology is indispensable, it can obscure the social and institutional pathways through which Islamic normativity became meaningful and enforceable in the multiethnic, largely mobile empire and combined nomadic governance, urban nodes, and a layered legal environment in which traditional political culture, Turkic customary norms, and Islamic jurisprudence could coexist.

The Golden Horde's historical geography amplified this complexity. The khanate controlled steppe corridors and riverine routes linking the Black Sea and the Volga-Ural zone to Central Asia and the Near East. These routes facilitated the movement of merchants, scholars, emissaries, and ritual specialists. They also sustained religious plurality: Islam circulated alongside inherited Mongol religious practices and the established presence of Christian communities and other traditions in frontier and urban contexts. Islamization therefore cannot be reduced to doctrinal substitution; it is better approached as an evolving settlement within a pluralistic imperial ecology.

From a religious-studies perspective, Islamization is treated here as the gradual social embedding of Islamic normativity – ritual, ethical, legal, and institutional – within a political community. “Religious authority” denotes the socially recognized capacity to define, transmit, and (where possible) enforce that normativity. Authority is therefore relational: it is produced through interaction between rulers, jurists (*ulama*), Sufi shaykhs, and local communities, and it is shaped by the available infrastructures of mediation (courts, waqf patronage, educational networks, lodges, ritual lineages, and moral exemplars) [18].

This article asks a focused question: how did Islamic law and Sufi networks operate individually and in combination as instruments for constructing and contesting religious authority in the Golden Horde? Rather than asking when the Horde “became Islamic,” the analysis compares three reigns often treated as turning points – Berke Khan, Uzbek Khan, and Janibek Khan – to identify shifts in the locus of authority and their likely consequences for social integration.

The article advances three contributions. First, it integrates political, legal, and Sufi perspectives into a single authority-centered framework. Second, it clarifies the state-supporting functions and limits of Kubrawiyya-linked patronage, Yassawiyya mediation, and Sharia-centered legal institutionalization in a steppe environment characterized by legal pluralism. Third, it proposes a typology of Islamization as authority negotiation between law, spirituality, and political organization as an approach that can travel beyond the Golden Horde case.

Historiographical and Conceptual Context

Scholarship on the Golden Horde Islamization has tended to privilege one explanatory register at a time. Classical political historiography foregrounds elite conversion and state policy, reading Islamization through court alliances, diplomatic alignments, and confessional declarations [4; 5; 6]. This work established crucial chronologies, but its emphasis on rulers and diplomacy often leaves the mechanisms of social penetration underspecified: it is not always clear how Islamic norms moved from court rhetoric into everyday moral and legal expectations.

Legal-centered studies assess Islamization through the expansion of Sharia and the emergence of juridical institutions. They underline that Hanafi legal reasoning and courtly patronage of “*ulama*” did not automatically produce uniform Sharia implementation across the ulus; instead, Islamic law interacted with customary and administrative norms in context-dependent ways [15]. The key insight here is legal pluralism: Sharia became one authoritative vocabulary among several, and its reach varied by region, social milieu (urban vs. steppe), and political priorities [2].

Sufism-centered approaches shift attention to mediation and lived religion. In steppe and frontier contexts, Sufi institutions could translate Islamic ethics and ritual into vernacular, culturally resonant forms, operating through moral authority, communal affiliation, ritual discipline, and symbolic continuity [7; 16]. Within Turkic religious history, the Yassawiyya is frequently treated as a paradigmatic vehicle for such translation because of its vernacular orientation and adaptability to nomadic social organization [12; 13].

Recent scholarship has increasingly attempted to bring institutions and material culture into the picture, using the spread of mosques, madrasas, khanakas, cemeteries, and architectural patronage as indicators of Islam's growing public presence [9; 11]. Research in Golden Horde-focused venues has also refined discussions of chronology and institutional incorporation [3; 14], while broader syntheses situate the Horde more explicitly within Islamic imperial connectivities [8]. This work is valuable insofar as it resists equating elite conversion with social transformation. However, built evidence still needs to be interpreted through the lens of authority: the presence of institutions tells us that Islamic infrastructures existed, but not automatically how they mediated between state policies, jurists, and local communities [14].

Despite these advances, fewer accounts systematically compare how different configurations of authority operated across successive reigns within the Horde. The present study therefore treats Islamization as a sequence of authority settlements – always partial, negotiated, and reversible, in which rulers could shift their reliance among jurists, Sufi networks, and inherited normative orders. This comparative focus helps explain why certain arrangements supported cohesion while others generated frictions between formal norms and local practice.

Analytically, a “model of religious authority” is defined here by three dimensions. Normative reference: which norms are invoked as binding (Sharia, customary law, Chinggisid political norms, or hybrid forms). Institutional carriers: which actors and institutions are empowered to articulate and transmit the norms (jurists and courts; Sufi shaykhs and lodges; rulers and administrative agents; or combinations). Modes of compliance: whether normativity is pursued primarily through coercive enforcement, distributive patronage, reputational mechanisms, or ethical cultivation. Mapping these dimensions helps clarify why two periods that are both “Islamic” at the level of elite identification can differ sharply in their social reach.

Framed in this way, Islamization becomes an institutional problem as much as a theological one: it concerns how Islamic normativity is carried into social life and how it competes with, accommodates, or reorders existing norms. This framing also reduces the temptation to read later legal-institutional forms back into earlier periods. A ruler’s piety or legal rhetoric matters, but its social effects depend on the authority infrastructures available to translate rhetoric into practice.

A recurring theme across these literatures is legal pluralism. Even when khans endorsed Islamic norms, Sharia rarely operated as an exclusive system. It interacted with steppe customary regulation and with Chinggisid political norms that continued to structure coercion, taxation, and adjudication. This matters analytically because the “degree” of Islamization cannot be inferred from legal rhetoric alone: the same khanate may display Hanafi legal discourse at court while relying on customary procedures in peripheral uluses, especially where mobility and lineage politics constrain bureaucratic reach [10; 15]. Treating Islamization as authority formation therefore requires tracking not only the presence of jurists but also the institutional channels through which legal normativity could be made practically binding.

Sufi orders appear here not as a mere “mystical add-on” to Islamic law, but as mobile institutional frameworks that could travel with populations. In steppe and semi-steppe environments, wandering shaykhs, interconnected lodge systems, shrine-centered devotional practices, and moral instruction in local idioms provided replicable ways to build shared recognition and allegiance without deep or intrusive state administration. In DeWeese’s view, this intermediary role is crucial for understanding how Islam becomes socially operative beyond the conversion of elites, while Trimmingham’s typology helps explain how *tariqas* could persist as durable communities that tied courtly patronage to local moral economies [7; 16].

Finally, the present article uses Berke, Uzbek, and Janibek as analytically convenient “moments” in which different balances between law, mediation, and political organization become visible. This is not meant to imply that each reign is uniform across space or that other rulers were unimportant. Rather, the periodization is a

heuristic device for comparing configurations of authority: Berke highlights the possibilities and limits of courtly conversion; Uzbek illustrates mediated integration as a state-building strategy; and Janibek foregrounds the promises and risks of stronger juridical institutionalization [4; 8].

Materials and Methods

This study uses a qualitative historical comparative design based on textual and historiographical analysis. It draws on narrative compilations and chronicles commonly used in Golden Horde studies, alongside modern research on Jochid governance, legal pluralism, and Sufi institutions [1; 4; 6; 7].

The analysis proceeds in three steps. First, it reconstructs for each reign the dominant “authority package”: the mix of political-administrative mechanisms, juridical actors and claims, and Sufi-mediated institutions through which religious legitimacy was produced. Second, it evaluates the likely social reach of that package by asking how it could travel beyond the court through patronage, education, ritual affiliation, and dispute settlement. Third, it compares the three reigns to identify shifts in the locus of authority and their implications for the social embedding of Islam.

Hermeneutical reading is used to interpret how sources frame legitimacy, law, and religious practice, recognizing that narrative materials encode ideological claims rather than transparent reportage. The method therefore focuses less on extracting “facts” in isolation and more on identifying patterned representations of authority (e.g., the invocation of Sharia, the moral portrayal of rulers, the prominence of shaykhs and scholars, and the language of piety and reform).

Two limitations follow. The article does not attempt a comprehensive regional survey across the ulus, and it does not treat material culture as a direct proxy for belief. Instead, it uses institutional presence and reported patronage patterns as indicators of shifting authority relations, while acknowledging unevenness and local variation across urban centers and mobile populations.

To operationalize the comparison, the analysis treats reported instances of patronage, appointment, and institutional sponsorship as “authority signals.” These include: references to qadis and courts; the presence of endowed learning and ritual spaces; narratives of shaykh–ruler interaction; and claims about the enforcement of Sharia norms. The goal is not to produce a quantitative index, but to identify recurring patterns through which sources describe the production of legitimacy and norm compliance.

In operational terms, the study distinguishes between claims to normative authority (how sources describe Islamic rule, Sharia, or saintly charisma) and authority infrastructures (the institutions that make such claims actionable). This distinction helps prevent the common slippage between the existence of Islamic vocabulary and the social embedding of Islamic practice.

The analysis therefore reads narrative and historiographical sources “against the grain,” asking what kinds of actors and institutions are presupposed when a text portrays a khan as a Muslim ruler or as an enforcer of Sharia.

For coding purposes, the article treats the following as recurring authority signals that can be compared across reigns and regions:

- patronage of jurists and educational institutions (appointments, court scholars, madrasas, juridical language);
- Sufi mediation (tariqa affiliations, lodges/khanakas, shrine patronage, saintly genealogies, vernacular ethical instruction);
- public markers of Islamic presence (mosques, cemeteries, architectural patronage, and urban religious space);
- explicit negotiations with non-Islamic or extra-juridical norms (customary law, steppe political practice, and pragmatic accommodations).

1. Berke Khan: Elite Conversion and Courtly Patronage

Berke Khan is often presented as the first major Jochid ruler to align the Horde decisively with the Islamic world. This alignment had geopolitical consequences (especially in the context of relations with neighboring powers) and it also created new possibilities for legitimating Jochid rule through Islamic idioms. Yet the social meaning of this shift depends on whether Islam was embedded beyond the court. The evidence most strongly supports an early configuration in which Islam functioned primarily as elite affiliation and diplomatic resource.

At this stage, the khan’s patronage could attract Muslim scholars and Sufi figures connected to Central Asian urban centers. Such figures could provide an “Islamic language” of rulership, moral exemplarity, justice, and pious sponsorship without necessarily generating durable institutions capable of regulating everyday life in mobile constituencies. This matters because in steppe politics authority does not flow only through centralized administration; it is negotiated through dispersed leadership structures and the practical management of conflicts and alliances.

Historiographical reconstructions emphasize continuity in political structures: Chinggisid governance and Turkic customary norms retained significant regulatory weight during this period [4]. In such a setting, Islamic normativity could circulate as a legitimating vocabulary, but it would compete with other normative orders that already organized taxation, arbitration, and military obligations. Islamization here is therefore best described as “symbolic-patronage” rather than “institutional consolidation.”

The Kubrawiyya is frequently associated with early courtly Islamization in the Jochid realm. As an urban-linked Sufi tradition, it could provide recognized spiritual

genealogy and learned prestige, particularly valuable at court. However, the structural limitation of such a model is social reach: authority anchored in courtly and urban milieus is less capable of mediating Islamic norms into dispersed steppe constituencies. Where mediation is thin, Islamic symbols can remain detached from the everyday governance of disputes, ritual life, and ethical discipline.

Accordingly, Berke’s reign illustrates a first authority configuration: the khan’s adoption of Islamic identity is significant, but it does not yet imply a thick institutional ecology of Sharia courts, endowed religious infrastructures, and wide Sufi-mediated communal networks. This configuration establishes key precedents – especially the possibility of Islamic legitimacy for Jochid rule – while leaving open the question of how Islam could become socially embedded across the ulus.

A key feature of the Berke configuration is that the primary arena of Islamization is the court. The khan’s Islamic identity could be amplified by foreign-policy positioning and by engagement with Muslim polities and mercantile networks. In such contexts, Islam operates as a language of alliance and moral distinction. Yet, because mobile constituencies were not governed through dense bureaucratic penetration, court Islamization did not automatically reorganize the everyday normative order of the steppe. The authority problem remains: who mediates Islamic norms into local arbitration and communal practice, and with what institutional resources?

From this angle, Berke’s Islamization can be read as a court-centered legitimacy project that operates through diplomatic alignment and selective patronage rather than through systemic juridical change. Sources that emphasize Berke’s Muslim identity tend to foreground his position within wider Islamic geopolitics, but they provide thinner evidence for the routine regulation of steppe social life through Sharia. The likely outcome is an authority pattern in which Islamic norms function as a prestige language at the centre, while customary adjudication and Chinggisid political practice continue to organize conflict management in the peripheries [4; 5; 6].

2. Uzbek Khan: Mediated Integration Through Sufi Networks and Managed Pluralism

Uzbek Khan’s reign is widely regarded as a decisive stage in the Horde Islamization because Islam gained a more systematic role in governance and public legitimation. The distinctive feature of this stage, however, is not simple “legalization” of rule. Rather, it is the emergence of a mediated settlement in which Islamic norms were promoted while legal pluralism and steppe social structures were managed rather than abolished.

On the political plane, Uzbek Khan’s sponsorship of Islamic identity strengthened imperial connectivity to wider Muslim circuits of learning and legitimacy. In practice, such connectivity could be expressed through the patronage of mosques, learning, and ritual specialists,

and by presenting the khanate as operating within the broader Sunni ecumene. Yet the success of this policy depended on translation mechanisms. In the ulus, authority was not produced exclusively through centralized courts; it relied on informal leadership, tribal structures, and moral economies. Sufi institutions could operate as mediators precisely because they combined portable practices with charismatic authority and communal discipline [7].

The Yassawiyya, in particular, is often described as culturally resonant within Turkic contexts because its ethical instruction and vernacular orientation allowed Islamic concepts to be integrated without dismantling existing social idioms [12; 13]. In authority terms, the Yassawiyya provided a bridge between state-level Islamic legitimacy and local moral life: it offered a repertoire of practices, lineages, and ethical expectations through which Islam could be internalized as a lived norm rather than only a courtly symbol. Such mediation is especially consequential where populations are mobile and where political authority cannot rely solely on fixed bureaucratic infrastructures.

Importantly, mediated integration does not mean the absence of law. Uzbek Khan's policies can be read as attempting to expand Islamic normativity while avoiding overreach. Juridical authority (within the Hanafi-Maturidi tradition) could be patronized and used selectively, especially in urban centers and administrative settings, while customary law and local arbitration continued to structure many disputes. Legal pluralism thus persisted, but its balance could shift: Sharia became more visible in public legitimation and in certain institutional settings without necessarily becoming the exclusive normative order.

This constellation of factors helps account for why the Uzbek period is frequently characterized as comparatively stable. In contexts where Sufi forms of mediation retained their institutional strength, religious authority could be reproduced and transmitted through trust-based ties, vernacular moral instruction, and practices of communal affiliation, thereby mitigating the likelihood that formal legal norms would be experienced as external, unfamiliar, or merely coercive. On this reading, Uzbek Khan's Islamization is most accurately conceptualized as a form of "mediated institutionalization": a synthesis of political endorsement with culturally flexible networks capable of translating normative commitments into locally intelligible social practice and of sustaining ethical discipline over time.

In the Uzbek configuration, this authority problem is addressed more directly. Sufi mediation expands the channels through which Islamic identity becomes locally meaningful: initiation lineages, ethical teaching, ritual repertoires, and reputational authority create forms of belonging that travel with mobile communities. At the same time, state patronage can stabilize these channels by supporting endowed infrastructures in urban nodes – settings in which juridical and educational institutions are more viable. The resulting system is not fully

centralized, but it is more densely mediated: Islamization gains depth because multiple carriers (political, juridical, and Sufi) reinforce one another rather than operating in isolation.

This configuration reflects a form of mediated Islamization in which Sufi networks, juridical institutions, and political authority reinforce one another rather than functioning independently [17].

Material and spatial indicators are consistent with this mediated integration. Urban growth and architectural patronage under Uzbek Khan increased the visibility of Islam in public space, particularly in major centers associated with khanate authority. Archaeological work on Golden Horde cities underscores that mosques, cemeteries, and related institutions can be read as evidence of expanding Islamic infrastructures, while studies of mosque decorum and regional variation caution against assuming uniformity across the ulus [9; 11]. Read together with institutional analyses of administrative incorporation, these findings suggest a pragmatic state-building package: strengthen Islamic public presence, connect the court to Hanafi learning, and rely on culturally resonant Sufi mediation to translate norms into steppe social idioms [3; 14].

3. Janibek Khan: Reconfiguration Toward Sharia-Centered Institutional Authority

Janibek Khan's reign is frequently described as a period of stronger commitment to Sharia and the authority of jurists. In principle, legal institutionalization can deepen Islamization by establishing predictable norms, courts, and scholarly infrastructures. In practice, in a pluralistic steppe polity, legal expansion creates a coordination problem: law becomes socially effective only when it is mediated, internalized, and seen as legitimate across diverse constituencies.

Legal-centered scholarship highlights that even where rulers promoted Sharia, implementation remained uneven and selective [1]. This unevenness reflects the layered normative environment of the ulus, in which customary law and inherited administrative practices remained functional. Attempts to privilege Sharia as the dominant language of governance could therefore generate friction if they outpaced the capacity of institutions to translate legal norms into everyday practice.

From the perspective of religious authority, Janibek's reconfiguration can be framed as a shift in the locus of legitimacy from a settlement in which Sufi mediation and managed pluralism buffered legal authority, toward greater reliance on jurists and formal norms. This shift does not imply that Sufi networks disappeared, but it suggests that their mediating role could be reduced in the state's legitimation strategy. In turn, jurists and courts could become more prominent as symbols of "proper" Islamic governance.

The potential consequence is a weakening of informal channels that previously linked imperial authority with local communities. Where mediation is diminished,

Sharia-centered governance risks becoming administratively visible yet socially thin: its norms may be invoked in elite and urban contexts while remaining contested, ignored, or selectively adapted elsewhere [15]. In such conditions, legal formalization can produce clarity for the state but ambivalence for local actors whose normative expectations are shaped by customary orders, kinship-based structures, and mobile social organization.

Janibek's reign therefore illustrates a third configuration: "institutional legal consolidation" pursued in a context where the integrative capacity of mediation may have been less robust than in the Uzbek period. This configuration is analytically important because it shows that increasing formal Islamic governance does not automatically increase social cohesion; the outcome depends on whether juridical authority is accompanied by credible, culturally resonant mediating institutions.

The Janibek configuration illustrates the tension that can arise when the balance shifts toward juridical authority. Legal consolidation promises uniformity, but uniformity is difficult to achieve across a polity that spans cities, frontier zones, and steppe corridors. If juridical authority is perceived as closely aligned with the center and insufficiently mediated into local moral economies, it can provoke strategic compliance (invoked when advantageous) rather than deep internalization. The analysis therefore treats Janibek's period not as "more Islamic" in a simple sense, but as differently Islamic: it privileges a distinct technology of authority with distinct risks.

The authority trade-off becomes clearer if Janibek's legalism is placed against the baseline of managed pluralism. Where customary law remained socially authoritative, stronger juridical expectations could be experienced as external or "courtly," especially if enforcement depended on urban institutions and sedentary

specialists. Legal pluralism therefore does not disappear; it becomes more politicized, because competing normative registers are now linked to competing claims about who may legitimately speak for Islam. In such contexts, Sharia-centered institutionalization may deepen Islamic governance in some locales while simultaneously eroding the integrative capacity of informal religious networks elsewhere [15].

4. Comparative Synthesis: Three Authority Configurations

Comparing these reigns suggests that the key variable in Golden Horde Islamization is not simply the ruler's confessional stance, but the institutional distribution of religious authority. Berke's period is marked by elite-symbolic Islamization with limited institutional depth, Uzbek's – by mediated integration combining Sufi networks and selective legal patronage, and Janibek's – by a tilt toward Sharia-centered consolidation that risked outpacing mediation. The comparative implication is that Islamization in pluralistic steppe polities is best understood as a sequence of negotiated authority settlements rather than a uniform transition.

Seen in this way, conversion functions as an enabling condition rather than a sufficient cause. It opens a space for Islamic idioms of legitimacy, but whether those idioms become socially durable depends on the institutions that carry them. Sufi networks and juridical infrastructures represent different modes of carrying: the first emphasizes ethical translation and affiliation; the second emphasizes normative standardization and adjudication. Political authority can combine these modes, but it must also manage the continued operation of customary norms and administrative practices that remain effective in steppe contexts.

Table

Schedule of the basic authority issues of the Golden Horde reigns

Period/ruler (ideal type)	Primary authority carriers	Key mediating infrastructures	Legal environment	Expected social embedding
Berke Khan (symbolic– patronage)	Khan and court; selected scholars/shaykhs	Court patronage; limited institutional ecology	Strong customary and Chinggisid norms; Sharia weakly routinized	Shallow beyond elites; Islam as prestige language
Uzbek Khan (mediated integration)	Khan + jurists + Sufi networks	Yassawiyya-type mediation; public institutions expand	Managed pluralism (Hanafi discourse alongside custom)	Broader embedding via translation; cohesion benefits
Janibek Khan (institutional– legal)	Jurists and state- linked legal institutions	Courts/education; mediation relatively reduced	Push toward Sharia- centered governance within pluralism	Deeper legal presence in centers; friction risk in peripheries

The Table above summarizes the argument in schematic form. It should be read as comparative heuristics rather than a claim that any reign was internally uniform. Its value is to make visible the distinct combinations of actors and infrastructures that can, in principle, generate "Islamization" as a social

fact: courtly conversion and patronage without deep routinization; mediated integration that translates norms into local idioms while managing pluralism; and juridical consolidation that expands legal authority but may lose integrative flexibility if mediation is weakened.

5. Authority Infrastructures Across Space: Court, City, and Steppe

The three configurations also imply different spatial logics. In the court and major urban centers, juridical and educational institutions can be more visible: scholars can gather, courts can operate with more regularity, and endowed spaces can anchor teaching and ritual. In the steppe, where populations are more dispersed and mobility is a structural condition, authority tends to rely more heavily on portable and relational mechanisms – personal leadership, reputational bonds, and institutions that can travel (including Sufi lineages and itinerant teaching).

Berke's symbolic patronage Islamization is concentrated at court and in elite circles, with limited evidence of dense mediation into steppe society. Uzbek's mediated integration strengthens the bridge between spaces: Islamic identity is supported at the center while Sufi networks provide an interface with local communities. Janibek's legal consolidation tends to emphasize the urban–administrative end of the spectrum. Where this emphasis is not matched by strong mediating institutions, the centre–periphery interface can become fragile.

This spatial framing helps avoid an all-or-nothing measurement of Islamization. The same polity can display different degrees and modes of Islamization in different spaces, and rulers may calibrate authority strategies accordingly. The analytical question is therefore how authority carriers connect (or fail to connect) these spaces into a coherent normative order.

The spatial contrast between court, city, and steppe also illuminates how different authority models could coexist without direct contradiction. Jurists, courts, and educational institutions were typically node-bound: they concentrated in urban centers such as Sarai and regional towns, where literate administration, stable patronage, and settled audiences enabled routine adjudication and teaching. By contrast, Sufi mediation was both node-bound and networked. Lodges, shrines, and burial sites provided local anchors, yet authority could also travel through itinerant preaching, disciple chains, and portable ritual repertoires. In practice, this meant that a legalist turn could deepen Islamization in cities while leaving the steppe governed through negotiated pluralism. Conversely, a Sufi-mediated strategy could widen the social reach of Islamic ethics in the countryside even when formal courts remained thin. Seen this way, Islamization is not a single scalar process, but a patterned distribution of infrastructures across space. Any assessment must therefore specify which spaces are being measured (court, urban nodes, or pastoral peripheries) and which mechanisms connect them (taxation and patronage, pilgrimage and shrine veneration, or the movement of specialists) [9; 11].

Discussion

Islamization as negotiation between law, mediation, and political organization.

The Golden Horde case clarifies why “Islamization” is a misleadingly singular term. What changes historically is the configuration of authority through which Islamic normativity becomes actionable. Three analytical claims follow.

First, juridical authority and political authority do not map neatly onto one another. Sharia can be endorsed by rulers without being uniformly enforceable, and the presence of jurists or courts does not guarantee social embedding. Legal pluralism is therefore not a residual anomaly but a structural condition in steppe empires, where multiple normative vocabularies remain operational. The key question is not whether pluralism exists, but how rulers and religious actors manage it through selective patronage, negotiated adjudication, or the tolerance of parallel normative domains [13].

Second, Sufi mediation should be treated as an institutional technology of translation. In societies where formal administrative penetration is limited and social order relies on personal bonds, Sufi networks can provide portable institutions lodges, lineages, ritual repertoires, and moral exemplars that render Islamic normativity socially meaningful. Such networks also create reputational economies: affiliation can signal moral standing, while shaykhs can function as brokers between rulers and communities.

The Yassawiyya's historical significance lies less in doctrinal novelty than in its capacity to align Islamic ethics with Turkic social idioms, thereby expanding the social reach of Islam without demanding immediate juridical uniformity [12]. Where such mediation is strong, Islam can appear as a shared moral language that supports cohesion; where it is weak, legal norms can remain abstract or contested.

Third, the relationship between religion and political stability is contingent. Religion supports cohesion when it supplies widely recognized legitimacy and reduces transaction costs between centre and periphery. In the Uzbek configuration, mediated authority helped Islam function as a shared moral and symbolic framework across diverse communities. Where authority shifts toward formalization without sufficient mediation, legal claims can become sites of contestation rather than integration, especially under conditions of succession tension, regional diversity, and economic stress. Religious authority can therefore be stabilizing or destabilizing depending on its institutional ecology [4].

These claims can be summarized as a transferable typology of Islamization as authority negotiation:

- symbolic – patronage Islamization (elite conversion, limited institutional reach);
- mediated integration (Sufi networks translating Islamic norms while legal pluralism is managed);
- institutional – legal consolidation (expansion of juridical authority with risks if mediation weakens).

Applied comparatively, this typology suggests that the depth of Islamization depends less on confessional declarations than on the balance among jurists, Sufi mediators, and political-administrative structures.

A practical implication for the Golden Horde historiography is that debates over “how Islamic” the khanate was should be reformulated into questions about which authority infrastructures were operative in which spaces (court, city, steppe), and how these infrastructures interacted. This directs attention to patronage patterns, the social reach of educational and Sufi networks, and the negotiated coexistence of Sharia and customary norms, rather than to conversion as a single causal switch.

One advantage of an authority-centered approach is that it clarifies what is at stake in debates about the relative influence of jurists and Sufi shaykhs. These actors are not simply “competing religious groups”; they often represent different mechanisms of norm production and social control. Jurists provide standardized categories for adjudication and governance, which can be crucial for administrative coherence. Sufi shaykhs can provide moral discipline and community-making mechanisms that socialize norms in contexts where formal legal reach is limited. In many pre-modern settings, durable Islamization involves some settlement between these mechanisms rather than the outright triumph of one.

The Golden Horde case also suggests why later phases of legal institutionalization may not always translate into stronger cohesion. If legal authority becomes a primary marker of legitimacy, disputes over who controls legal interpretation (which jurists, which courts, which patronage networks) can become politically charged. Conversely, where mediation is robust, Islam can operate as a shared moral economy that reduces the salience of legal contestation by embedding norms in ethical practice and communal affiliation.

A further implication concerns the “transport” of authority. In mobile polities, authority is persuasive when it can circulate through interpersonal ties, ritual repertoires, and recognizable lineages, not only through fixed institutions. This helps explain why tariqa-based mediation could outperform purely legalist strategies in steppe settings: it offers portable forms of recognition (shaykh-disciple relations, shrine networks, vernacular didactic genres) that do not require dense bureaucracy. In this respect, Sufi mediation is less a rival to law than a mechanism that can render legal and ethical norms socially intelligible, thereby widening the audience for juridical claims [7; 12; 16].

The analysis is necessarily constrained by the unevenness of the source record. Courtly narratives and later compilations tend to overrepresent elite viewpoints, while archaeological indicators of Islamic presence can show institutional expansion without directly revealing how norms were practiced or contested in everyday life. Future work can sharpen the typology by pairing regional case studies with material-culture datasets (urban religious space, funerary practices,

architectural patronage) and with closer attention to how legal pluralism was administered on the ground. Such a program would complement existing institutional reconstructions and help specify where, and for whom, the balance among jurists, Sufi mediators, and khanate governance was most consequential [9; 11].

A complementary way to read the three models is through the policy instruments that make religious authority operational. In a Chinggisid polity, endorsing Sharia or sponsoring jurists was not only a confessional gesture; it could also standardize transactions in urban nodes (marriage, inheritance, commercial disputes) and provide a recognizable grammar of legitimacy for diplomacy and taxation. Yet juridical authority is costly to extend: it requires literate personnel, institutions, and a degree of social trust in adjudicators. Sufi networks, by contrast, can supply trust and recognition through personal ties and ritual repertoires that travel, lowering the social friction of norm adoption, but they can also become alternative centers of loyalty if not integrated into state strategies. The Uzbek configuration can therefore be interpreted as a relatively successful equilibrium: legal discourse and public institutions expand, while mediation provides cultural translation and stabilizes compliance. The later turn toward heavier legal institutionalization may deepen normative clarity in some spaces but risks brittleness where mediation weakens and plural norms remain authoritative [8].

Conclusions

This article has argued that Islamization in the Golden Horde is best analyzed as a contested and shifting formation of religious authority. Across the reigns of Berke Khan, Uzbek Khan, and Janibek Khan, the locus of authority moved among elite patronage, Sufi-mediated translation, and Sharia-centered institutionalization. The comparative record suggests that Islam became socially durable when Islamic normativity was embedded through institutions capable of mediation between law, spirituality, and existing normative orders.

The Uzbek period illustrates the stabilizing potential of mediated integration, particularly when culturally resonant Sufi networks help align Islamic ethics with Turkic social contexts while legal pluralism is managed. Later moves toward stronger juridical formalization demonstrate that legal consolidation alone can be socially thin if mediation is insufficient. The proposed typology therefore offers a generalizable way to compare Islamization processes across pre-modern pluralistic polities, shifting attention from conversion events to authority configurations and their institutional supports.

Beyond the Golden Horde, the typology proposed here offers a comparative lens for other pluralistic and post-imperial settings in which rulers sought Islamic legitimacy while governing populations with strong customary repertoires. It redirects attention from conversion narratives to the infrastructures that make religious authority durable: courts and educational institutions,

Sufi networks and ritual spaces, and the fiscal and patronage mechanisms that connect specialists to communities. Applied comparatively, the approach suggests two testable expectations. First, legal consolidation is most likely to widen everyday practice where administrative penetration and trusted local intermediaries exist; where they do not, it risks remaining a courtly project. Second, mediated integration can generate cohesion by translating norms into local idioms, but its political utility depends on how rulers manage the relationship between mediators and jurists. Future research could refine these expectations by combining textual work with regional archaeological datasets and by tracing how particular networks (jurists, lodge affiliates, shrine patrons) intersected with trade routes and urbanization [8].

References

1. Izmailov I. L. Islam i yazychestvo v Uluse Dzhuchi: problemy i diskussii [Islam and Paganism in the Ulus of Jochi: Problems and Discussion]. *Vostok – Zapad: Dialog kul'tur Evrazii. Problemy srednevekovoy istorii i arkheologii* [East – West: Dialogue of the Cultures of Eurasia. Problems of the Medieval History and Archaeology]. Issue 4. Kazan, 2004. Pp. 99–107. (In Russ.)
2. Hasanov E. L. Russian Empire Archive's Written Sources on the Medieval Historical–Architectural Heritage of Ganja City. *Vestnik Permskogo Universiteta. Istoriya – Perm University Herald. History*. 2025. Vol. 69. Issue 2. Pp. 58–66. (In Russ.)
3. Pochekaev R. Yu. Inkorporatsiia musul'manskikh institutov vo vlastnyu strukturu Zolotoi Ordyy i post–ordinskikh gosudarstv [Incorporation of Islamic Institutions into Political Structure of the Golden Horde and Post–Golden Horde States]. *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4. Issue 1. Pp. 115–127. (In Russ.)
4. Safargaliev M. G. *Raspad Zolotoi Ordyy* [Decay of the Golden Horde]. Saransk, 1960. 276 p. (In Russ.)
5. Tizengauzen V. G. Sbornik svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v srednie veka [Collection of

Materials About Nationalities Inhabiting Central Asia During the Middle Ages]. St. Petersburg, 1884. Vol. I 563 p. (In Russ.)

6. Bartold W. *Four Studies on the History of Central Asia*. Leiden: Brill, 1956. Vol. 1. 613 p. (In Eng.)
7. DeWeese D. *Islamization and Native Religion in the Golden Horde*. Pennsylvania: P. State University Press, 1994. 656 p. (In Eng.)
8. Favereau M. *The Horde: How the Mongols Changed the World*. Harvard: Belknap Press of Harvard University Press, 2021. 384 p. (In Eng.)
9. Fedorov–Davydov G. A. *The Culture of the Golden Horde Cities*. Oxford: BAR Publishing, 1984. 396 p. (In Eng.)
10. Hasanov E. L. Historical Research of the Theological Issues in South–Eastern Russia During the Medieval Period. *European Journal of Science and Theology*. 2026. Vol. 22. Issue 3. Pp. 93–106. (In Eng.)
11. Kançal-Ferrari N. Contextualising the Decorum of Golden Horde–Period Mosques in Crimea. *Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée*. 2018. Vol. 143. Pp. 191–214. DOI 10.4000/remmm.11002 (In Eng.)
12. Köprülü M. F. *Early Mystics in Turkish Literature*. Routledge, 2006. 496 p. (In Eng.)
13. Kutlu S. *Turkish Sufism and Religious Identity*. Otto Publishing, 2012. 248 p. (In Eng.)
14. Mirgaleev I. The Islamization of the Golden Horde: New Data. *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4. Issue 1. Pp. 89–101. (In Eng.)
15. Sadibekov T. *Sharia and Customary Law in Medieval Eurasia*. Fan, 2007. 460 p. (In Eng.)
16. Trimingham J. S. *The Sufi Orders in Islam*. Oxford: University Press, 1989. 320 p. (In Eng.)
17. Khalid A. Islam as a Local Practice: Religious Authority and Social Networks in Central Eurasia. *Central Asian Survey*. 2007. Vol. 26. Issue 3. Pp. 353–372. (In Eng.)
18. Zhandarbek Z. *Islamic Culture and Religious Authority in the Eurasian Steppe*. Astana: Central Asia Academic Press, 2010. 180 p. (In Eng.)

Информация об авторе:

Э. Л. Гасанов

Доктор философии, ученый секретарь,
Гянджинское отделение Национальной академии наук
Азербайджана
AZ 2000, Азербайджан, г. Гянджа, пр. Г. Алиева, 419

ORCID: 0000-0001-6358-593X

Статьи в БД Scopus / Web of Science:

DOI 10.17072/2219-3111-2025-2-58-66

DOI 10.52603/RA.XXI.2.2025_09

DOI 10.31250/2618-8619-2026-2(32)-206-217

DOI 10.52603/RA.XXI.1.2025_14

DOI 10.37892/2500-2902-2025-58-3-46-55

DOI 10.52603/RA.XXII.1.2026_22

About the author:

E. L. Hasanov

Ganja Branch of the Azerbaijan National Academy of
Sciences
419, prospekt G. Aliyeva, Ganja, AZ 2000, Azerbaijan

ORCID: 0000-0001-6358-593X

Articles in Scopus/Web of Science:

DOI 10.17072/2219-3111-2025-2-58-66

DOI 10.52603/RA.XXI.2.2025_09

DOI 10.31250/2618-8619-2026-2(32)-206-217

DOI 10.52603/RA.XXI.1.2025_14

DOI 10.37892/2500-2902-2025-58-3-46-55

DOI 10.52603/RA.XXII.1.2026_22

Информация для цитирования:

Кузнецова О. А. Цивилистическая дидактика: парадигмальный сдвиг в эпоху искусственного интеллекта // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2026. Вып. 3(73). С. 412–420. DOI 10.17072/1995-4190-2026-73-412-420. EDN YVDGPH

Kuznetsova O. A. Civil Law Didactics: A Paradigm Shift in the Age of Artificial Intelligence. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2026. Issue 3(73). Pp. 412–420. DOI 10.17072/1995-4190-2026-73-412-420. EDN YVDGPH (In Russ.)

УДК 347:37.02

DOI 10.17072/1995-4190-2026-73-412-420

EDN <https://elibrary.ru/yvdgph>

EDN YVDGPH

Цивилистическая дидактика: парадигмальный сдвиг в эпоху искусственного интеллекта

О. А. Кузнецова

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Пермский государственный национальный исследовательский университет

E-mail: kuznetsova_psu@mail.ru**Статья поступила в редакцию 03.06.2026**

Введение: статья посвящена проблемам цивилистической дидактики, вызванным стремительным развитием систем искусственного интеллекта и использованием их возможностей студентами при подготовке к учебным занятиям. Обоснована связь правовой дидактики и ожиданий рынка труда от выпускников-юристов в условиях активного применения искусственного интеллекта в практической юриспруденции. **Цель:** показать основные дидактические проблемы учебников и задачников по гражданскому праву и предложить некоторые пути их решения; привести примеры дидактических приемов использования искусственного интеллекта при проведении занятий по гражданскому праву («Битва с ИИ», «ИИ – сторона юридического процесса», «Создание правовой дидактической сказки», «Слайдология» и др.). **Методология:** диалектика, абстрагирование, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, междисциплинарный подход. **Результаты:** современный юрист должен не только обладать сугубо правовыми знаниями и умениями, но и знать общие и специальные системы искусственного интеллекта, иметь навыки юридического промпт-инжиниринга, уметь создавать профессиональных ИИ-агентов и проводить проверку результатов, полученных с использованием систем искусственного интеллекта. Цивилистическая дидактика должна обеспечивать эффективное, сбалансированное, экологичное использование студентами систем искусственного интеллекта в процессе обучения. **Выводы:** необходимо формировать новый тип обучения студентов-юристов профессиональному юридико-догматическому мышлению с использованием возможностей и знанием ограничений систем искусственного интеллекта.

Ключевые слова: цивилистическая дидактика; приемы цивилистической дидактики; преподавание гражданского права; искусственный интеллект в юридическом образовании; юридико-догматическое мышление; методы преподавания; гражданское право; лекция; семинар; практическое занятие

© Кузнецова О. А., 2026



Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Civil Law Didactics: a Paradigm Shift in the Artificial Intelligence

O. A. Kuznetsova

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Perm State University

E-mail: kuznetsova_psu@mail.ru

Received 03 Jun 2026

Introduction: the article discusses the problems of civil law science didactics caused by the rapid development of artificial intelligence (AI) systems and their use by students in preparation for academic classes. The author demonstrates the connection between legal didactics and the labor market's expectations from law graduates in the context of artificial intelligence being widely used in practical jurisprudence. **Purpose:** to highlight the main didactic problems found in textbooks and problem books on civil law while proposing ways to address them; to give examples of didactic techniques of using artificial intelligence in civil law classes ("A battle with AI," "AI as a party to a legal process," "Writing a legal didactic tale," "Slidology," etc.). **Methodology:** dialectics, abstraction, analysis, synthesis, deduction, the formal legal method, interdisciplinary approach. **Results:** modern lawyers should not only possess strictly legal knowledge and skills but also be familiarized with general and special AI systems, have legal prompt-engineering skills, be able to create professional AI agents and verify the results obtained using AI systems. The didactics of civil law science should ensure effective, balanced, and safe use of AI systems by students in the learning process. **Conclusions:** it is necessary to develop a new type of training in professional legal and dogmatic thinking for law students with the use of the capabilities of AI systems and taking into account limitations thereof.

Keywords: civil law science didactics; methods of civil law science didactics; teaching of civil law; artificial intelligence in legal education; legal and dogmatic thinking; teaching methods; civil law; lecture; seminar; practical lesson

Введение

Кардинальные изменения жизнеустройства общества часто влекли необходимость пересмотра содержания образования, но значительно реже – педагогической дидактики, то есть способов и приемов обучения. Так, в самом начале перестройки была опубликована известная статья В. П. Грибанова «О перестройке преподавания курса гражданского права» [9], в которой автор обосновывал необходимость перехода от обучения цивилистическому законоведению к обучению цивилистической науке. Эта статья вызвала большую дискуссию об изменении содержания самого учебного предмета, программ учебного курса и т. п. Необходимость пересмотра преподавания гражданского права в то время объяснялась действительно принципиальным сдвигом от плановой к рыночной экономике: переводом предприятий на хозрасчет, самофинансированием и самокупаемостью, переходом от административных к экономическим методам управления экономикой, использованием различных форм и видов индивидуальной трудовой деятельности [17, с. 23]. Это предопределяло расширение содержания гражданского права как учебной дисциплины за счет появления новых видов общественных отношений, нуждающихся в частноправовой регламентации.

Однако формы обучения гражданскому праву остаются в целом традиционными – лекции (хотя обосновывалось введение проблемных лекций вместо традиционных), теоретические семинары, практические занятия. Безусловно, цивилистическая дидактика прирастала новыми, преимущественно интерактивными, методами обучения (проблемное обучение, метод анализа конкретных ситуаций, деловые игры) [6, 18], однако в эпоху искусственного интеллекта и они нуждаются в существенном пересмотре.

Системы искусственного интеллекта (далее также – ИИ, системы ИИ), затронув все сферы человеческой жизнедеятельности, не могли не коснуться и сферы образования, в том числе юридического. Их появление и стремительное развитие требуют уже не столько пересмотра содержания учебных программ (например, в части включения в них вопросов о правосубъектности систем ИИ, субъекта исключительных прав на полученные с их помощью результаты и проч.), сколько пересмотра самой цивилистической дидактики, которая представляет собой закономерности, принципы, методы и средства обучения гражданскому праву. Главная задача дидактики – это ответ на вопрос, как учить, чтобы достигнуть целей обучения.

Необходимость изменения цивилистической дидактической парадигмы в эпоху ИИ обусловлена следующими основными причинами.

Во-первых, исчезновением студента, не пользующегося системами ИИ: никогда больше в учебную аудиторию не войдет ни один студент (аспирант), который не использует ИИ при подготовке к занятиям, при написании рефератов, курсовых, выпускных квалификационных и диссертационных работ.

Во-вторых, стремительностью совершенствования систем ИИ: уже сегодня они достойно справляются с юридическими задачами практикующих юристов, переходя из роли «помощника» в роль полноценного цифрового сотрудника-партнера, «готовящего» в режиме 24/7 проекты договоров и процессуальных документов, анализирующего позиции оппонентов в судебных процессах и переговорах, систематизирующего и рецензирующего большие объемы юридической информации.

В-третьих, неизбежностью массового внедрения искусственного интеллекта в юридическую практику в самом ближайшем будущем. При этом решение учебных казусов и написание учебных работ для современного искусственного интеллекта – очень простая задача. Ни один студент от такого цифрового компаньона не откажется, сколько бы его ни убеждали в необходимости и важности самостоятельности в прохождении пути профессионального познания.

С учетом вышеуказанного подход к преподаванию гражданского права должен быть кардинально и срочно изменен в сторону обучения студента экологичному использованию систем ИИ с параллельным научением критическому юридико-догматическому мышлению. Запрет на использование ИИ в процессе обучения юриста бесполезен, а во многих ситуациях и вреден. В научных источниках отмечается, что наилучший эффект при изучении гражданского права «приносит использование методик проблемного обучения, в результате которых глубокое и прочное усвоение знаний возможно только в ходе постановки проблемы, решаемой непосредственно студентом» [8, с. 86]. Однако сегодня здесь нужна важная поправка: «непосредственно студентом в тесном и экологичном содружестве с ИИ».

Формирование юридико-догматического мышления как цель правовой дидактики

Цель подготовки любого специалиста и в эпоху ИИ остается неизменной – обучить критическому, аналитическому мышлению. Президент РФ В. В. Путин 25 декабря 2025 г. в выступлении по вопросам подготовки кадров на Государственном Совете Российской Федерации отметил, что «новые технологии требуют пересмотра существующих и подготовки новых программ и методик обучения, массовой

переподготовки педагогических кадров всех уровней. Нельзя жить по старинке. Очень важно не терять фундаментальных основ нашей системы образования, в то же время – это формирование у школьников, студентов самостоятельного творческого мышления, навыков аналитической деятельности, в том числе способности критически оценивать предложения, сформированные искусственным интеллектом»¹. В целом преподаватели юридических вузов и будущие работодатели выпускников-юристов согласны с тем, что наличие критического, аналитического мышления остается неизменным требованием для юриста. Советские педагоги-цивилисты писали, что студента-юриста важно «обучить навыкам критической оценки действующего права и поиска путей его совершенствования» [5, с. 56]. Однако здесь и встает главный дидактический вопрос: как это сделать в условиях тотального использования студентами-юристами систем ИИ?

В течение последних двух-трех столетий обучение («по старинке») студента-юриста юридико-догматическому мышлению не претерпевало существенных изменений: студент *самостоятельно* посещал занятия и внимательно слушал лекции профессора, как правило, авторитетного ученого-правоведа; читал, анализировал, конспектировал учебники, дополнительную литературу при подготовке к семинарам и написании учебных исследовательских работ; искал, изучал, систематизировал нормативно-правовые акты, судебную практику при решении казусов и подготовке к деловым играм. Заметим, что даже, например, при неверном решении юридической задачи навык юридического мышления продолжал формироваться, так как и в этом случае студент сам проходил определенным мыслительным путем, тренируя свою догматическую «мышцу». Ошибочность полученного результата не отменяла самого факта состоявшейся ментальной тренировки. В результате такого многовекового традиционного «ментального фитнеса» у будущих юристов начинал выкристаллизовываться профессиональный метод мышления.

Но сегодня *ничего* из указанного студент-юрист не делает без использования систем ИИ! Так откуда же возьмется у него пресловутое и всем необходимое юридико-догматическое мышление? Вот на этот вопрос и призвана ответить правовая дидактика в эпоху искусственного интеллекта. Более того, обучить современных студентов-юристов такими же дидактическими средствами, какими обучали многие предыдущие поколения, уже в принципе невозможно – у них уже сформировался иной когнитивный механизм решения профессиональных задач, предполагающий *обязательное* сознательное использование ИИ. В связи с этим очевидно, что нужны принципиально иные упражнения для юридико-догматического фитнеса.

¹ URL: <https://ria.ru/20251225/putin-2064603783.html?ysclid=mmxdp3des3440193689> (дата обращения: 01.02.2026)

Изменение запросов работодателей на рынке юридического труда в эпоху искусственного интеллекта

Отсутствие кардинальных изменений в правовой дидактике может привести к тому, что юридические вузы скоро начнут выпускать «продукт», который не будет востребован конечным «потребителем» – работодателем. Никто сегодня не покупает видеокассеты по очевидной причине – отсутствие видеомagneтофонов, которые могли бы их воспроизводить. Современный юридический рынок требует юриста, умеющего использовать системы ИИ для решения задач работодателя/заказчика/клиента. Как следствие этого, важной дидактической задачей преподавания гражданского права в настоящее время является не только активное использование систем ИИ в процессе обучения, но и формирование профессиональных навыков применения возможностей этих систем на юридической практике в качестве одной из целей обучения. Работодатели уже сегодня ожидают от выпускников юридических вузов уверенного и системного владения такими навыками.

При этом важно понимать, что в самом ближайшем будущем заменят юристов не системы ИИ, а другие юристы – знающие разные системы ИИ и умеющие виртуозно ими пользоваться. В начале 2000-х годов обязательным навыком юриста было знание справочно-правовых систем (баз данных) и умение ими пользоваться. Юридические вузы довольно быстро сориентировались и начали оперативно обучать этому, конечно, при активном содействии владельцев таких систем.

Сегодняшние выпускники юридических вузов, помимо глубокого знания правовых дисциплин, должны знать общие и специальные системы ИИ и уметь пользоваться ими, уметь подбирать систему ИИ для решения разных юридических задач, знать основы юридического промпт-инжиниринга и уметь писать юридические промпты, иметь навык создания ИИ-агентов и ИИ-оппонентов и работы с ними, уметь профессионально проверять результаты, сгенерированные ИИ.

Этот запрос юридического рынка требует ответов как минимум на три вопроса: 1) есть ли у современных преподавателей указанные компетенции с учетом того, что нельзя научить тому, чем не владеешь сам? 2) обучают ли юридические вузы указанным знаниям, умениям, навыкам? 3) можно ли научить этим навыкам средствами традиционной правовой дидактики?

Заметим, что существующая цивилистическая дидактика оказалась практически не пригодна к таким вызовам рынка юридического труда. Большинство из используемых сегодня приемов обучения гражданскому праву предполагает изложение обстоятельств казуса и ожидания от студента ответа на традиционное: «решите дело». Такой дидактический прием побуждает студента скопировать текст казуса

и «задать» его в диалоговое окно системы ИИ. На этом навыки юриста по решению профессиональных задач в общем-то заканчиваются.

При этом юридический рынок, активно использующий ИИ, уже сегодня требует от юриста принципиально иных навыков: 1) выбрать наиболее подходящую систему ИИ под поставленную задачу; 2) сформировать эффективный, юридически грамотный запрос (промпт); 3) задать уточняющие, дополнительные вопросы (промпты); 4) проверить полученный результат; 5) создать для решения определенной юридической задачи ИИ-агента. Существующая цивилистическая дидактика эти ожидания и потребности юридического рынка, к сожалению, абсолютно не учитывает.

Современный педагог-цивилист не должен делать вид, что систем ИИ не существует или что студенты их не используют. Он должен показать и *возможности, и ограничения* использования ИИ при решении конкретных гражданско-правовых казусов и выполнении заданий.

Приемы цивилистической дидактики с использованием искусственного интеллекта

Можно предложить следующие варианты заданий, ориентированных на прямое использование систем ИИ студентами, изучающими гражданское право.

1. «Битва с ИИ». Преподаватель демонстрирует несколько вариантов ответов на задачу, данных разными системами ИИ, и просит студентов найти правильный вариант решения. Важно, чтобы ответы различались существенно, вплоть до диаметрально противоположных. Такой прием заставляет студентов пытаться, «проверяя ИИ», самостоятельно искать ответ в справочно-правовых системах и иных источниках. Кроме того, это позволяет студентам усомниться в слепом доверии к ИИ и начать разбираться в возможностях и пределах разных систем ИИ. Здесь возможно также использовать прием «дежурный по ИИ»: назначить студента, готовящего ответы при помощи различных систем ИИ.

2. «ИИ – конструктор/анализатор договора». Студентам дается задание подготовить чек-лист для ИИ с условиями договора и иными важными данными, после чего осуществить проверку составленного системой ИИ договора. Или обратное: проверить с помощью системы ИИ уже готовый гражданско-правовой договор на предмет анализа рисков и его соответствия законодательству РФ. Эти задания, среди прочего, позволяют студентам овладевать умением пользоваться специализированными системами ИИ, прямо нацеленными на конструирование и анализ договоров (DoczillaAI, Lawgeex, Ivo, Contract от Embedika, Riskover и др.).

3. Слайдология («визуализируй ответ на юридический вопрос»). Преподаватель дает задание посредством слайдов визуализировать ответ на

конкретный вопрос семинара. Современный юрист должен обладать навыками Legal Design. Не секрет, что представители современного молодого поколения в большинстве своем – это не «текстовики», а «визуалы», привыкшие воспринимать информацию не большими текстами, а картинками, слайдами. В будущем они заполнят рынок труда: одни из них окажутся заказчиками, а другие – потребителями юридических услуг, которые не будут готовы к чтению многостраничных правовых документов. Но и для любого человека, не обремененного глубоким юридическим образованием, независимо от принадлежности к тому или иному поколению, воспринимать юридические тексты достаточно сложно, поэтому неслучайно потребители юридических услуг ожидают получить не текстовое, а хорошо визуализированное правовое заключение по интересующему их вопросу. Способности к визуализации юридических данных востребованы и в среде общения исключительно юридической. Так, в суды представляются не многостраничные описания периодов выполнения работ или расчетов сторон, а, например, их демонстрация в виде графика, схемы, диаграммы и проч. ИИ можно эффективно использовать для изготовления интеллект-карт, которые в прошлом часто делались от руки и которые считаются хорошей альтернативой текстовым конспектам [1, с. 8–13].

4. ИИ – сторона в деловой игре по гражданскому праву. Здесь в роли одного из участников (например, судебного процесса или переговоров по заключению договора) выступает ИИ-партнер: «Деловая игра такого вида для студентов юридических специальностей имеет ряд уникальных особенностей, среди которых главным будет то, что один (или несколько) участников игры является не живым представителем процесса, а искусственным интеллектом. Для передачи вопросов и получения ответов от него один из студентов выступает в роли связующего звена (координатора), который следит за вводом и выводом информации через диалоговое окно или другие аудио и видео возможности интеллектуальной системы» [15, с. 72]. Подобное задание формирует и навыки, требующиеся будущему юристу в практической работе, связанные с подготовкой к судебным процессам, деловым встречам, переговорам, примирительным процедурам. Студент может увидеть, что система ИИ – это хороший тренажер-оппонент, проверяющий его собственные аргументы на слабые места, нуждающиеся в усилении, и фактически «натаскивающий» юриста на выступления в реальном юридическом процессе.

5. Создание системой ИИ дидактической правовой сказки. В задачниках по гражданскому праву часто встречаются краткие задания студентам на придумывание юридических задач, например «придумать задачу по теме прекращения права собственности». Однако студентам можно поручить более творческое задание – сформулировать промпт «придумать поучительную сказку». На основе имеющегося

в педагогической литературе промпта для дидактической правовой сказки можно сформулировать следующую задачу по теме «Защита права собственности и иных вещных прав» для системы ИИ: «1. Образовательная цель: сказка должна научить выбирать надлежащий способ защиты права собственности по российскому гражданскому праву. 2. Тема и сюжет: сюжет должен быть увлекательным и соответствовать интересам студентов, например: приключения в виртуальной реальности или космосе. 3. Главный герой и персонажи: главный герой – собственник, право собственности которого нарушено, а также другие персонажи, которые помогут или помешают главному герою. 4. Учебный момент: ясно показать, как верно выбрать способ защиты права собственности, который самым коротким путем приведет к восстановлению права собственности. 5. Язык и стиль: метафоричный и понятный. 6. Эмоциональное вовлечение: сюжет должен вызывать эмоции, такие как радость, удивление, сочувствие. 7. Завершение: позитивное, с выводом занятия. 8. Стиль рассказа: волшебная сказка или приключенческий рассказ. 9. Создай вопросы для обсуждения после прочтения» [10, с. 4]. Мы сформулировали задание по теме «Защита права собственности и иных вещных прав» для системы ИИ.

Система ИИ «АлисаAI» «сочинила» гражданско-правовую сказку на тему «Космическое право: приключение на планете Владения», по сюжету которой у Капитана космического корабля был похищен уникальный артефакт – Кристалл Гармонии, а герои сказки помогали собственнику артефакта его вернуть, выбирая надлежащий способ гражданско-правовой защиты (виндикационный иск, негаторный иск, признание права собственности или возмещение убытков). При этом система ИИ сформулировала и важные для процесса обучения по этой теме вопросы: «Какое право было нарушено у Капитана корабля? Какие способы защиты права собственности были предложены в сказке? Почему для возврата Кристалла был выбран именно виндикационный иск? Какие условия необходимы для подачи виндикационного иска по российскому гражданскому праву (ст. 301 ГК РФ)? В каких случаях вместо виндикационного иска нужно использовать другие способы защиты (негаторный иск, признание права и т. д.)? Как бы изменилась ситуация, если бы Кристалл был уничтожен похитителем? Какой способ защиты права собственности подошёл бы тогда? Приведите реальный пример из жизни или новостей, когда применялся виндикационный иск».

Такие задачи могут готовить не только студенты, но и преподаватели для практических занятий. Создание правовых сказок-задач может стать некоторой альтернативой казусам, представляющим собой прямое перефразирование фабулы из актов толкования высших судебных инстанций, которые легко «решаются» системами ИИ и не требуют от студента каких-либо когнитивных усилий.

Лекции по гражданскому праву в эпоху искусственного интеллекта

Значение лекций совершенно непонятно новому поколению студентов-юристов, которые недоумевают, что для передачи информации нужен какой-то посредник: зачем писать конспект, если вся эта информация у них уже есть в телефоне? К сожалению, ни профессионализм лектора, ни его педагогический талант, ни харизма, ни авторитетность в науке, ни красочное слайд-шоу не увеличивают количество студентов, посещающих лекционные занятия. Аудиозапись лекции, которую может сделать всего один студент с курса, легко расшифровывает и преобразует в удобный, доступный для всех остальных студентов текстовый документ любая система ИИ. Многие студенты предпочитают слушать видеолекции, объясняя их круглосуточной доступностью и возможностью выбора лектора практически из любого вуза.

Методики и виды лекций по гражданскому праву были хорошо разработаны советской дидактикой и неоднократно обсуждались на всесоюзных площадках [3, 11], необходимость чтения лекций, как несущих «эмоциональный заряд» и оказывающих на студентов «большое воспитательное воздействие», последовательно отстаивалась [12]. Подчеркнем, что В. П. Грибанов предлагал заменить традиционные лекции по гражданскому праву проблемными и в принципе уменьшить количество лекций на 30 %. Однако чтение проблемных лекций предполагает наличие у студентов определенных начальных отраслевых знаний. Н. И. Коняев, полемизируя с В. П. Грибановым в далеком 1988 году, справедливо заметил, что уменьшение количества лекций по гражданскому праву «совершенно неприемлемо при огромном массиве нормативного материала и научной литературы, который изучить самостоятельно студенты не смогут <...> А это неизбежно снизит качество подготовки специалистов. Проблемные лекции, конечно, нужны. Но постановка, уяснение и решение проблемы предполагает наличие определенной подготовленности обучаемых, знание ими хотя бы минимума (а лучше – оптимума) исходных позитивных данных» [16, с. 55].

В современных условиях и традиционные, и проблемные лекции «компрометирует» искусственный интеллект, способный в платной версии, режиме «рассуждения» и веб-поиска уже сегодня находить, структурировать и анализировать проблемы по теме лекции с актуальными ссылками на действующие нормативно-правовые акты, судебную практику и научные источники.

Вопрос о судьбе лекций в эпоху ИИ – открытый, в том числе с позиции дидактики: каким должен быть способ передачи знаний лектора студентам в

эпоху ИИ? Ясно только одно: как традиционный, так и проблемный формат лекции современным студентом-юристом воспринимается с трудом.

Учебники по гражданскому праву в эпоху искусственного интеллекта

По сравнению с учебниками советского периода российские учебники по гражданскому праву значительно увеличились в размерах. При этом каждое новое переиздание стремится выглядеть солиднее и объемнее предыдущего. Студенты-юристы старой школы привыкли к неизбежности чтения больших и сложных текстов, так как конспекты приходилось делать самостоятельно, а для этого текст должен быть полностью прочитан, проанализирован, резюмирован. Но мы должны принять как данность: современный студент учебники не читает, в самом лучшем случае он их «суммаризирует» при помощи системы ИИ: «суммаризация текста – это процесс создания краткой версии исходного материала с сохранением его ключевых идей и смысловой нагрузки. По сути, это искусство сжатия информации без потери значимого содержания. Представьте, что вы сжимаете огромный текстовый файл, но вместо случайной потери данных вы осознанно оставляете только самое важное. Основная задача суммаризации – выделить и сохранить наиболее релевантную информацию из исходного текста»¹. При этом с суммаризацией учебного материала даже не очень сильная система ИИ справляется блестяще.

Это очень серьезный вызов и авторам, и ответственным редакторам, и издателям учебников: читает ли ваш (наш) адресат (студент) 1000-страничный учебник или его «читает» только система ИИ? Не следует ли сразу самим авторам несколько «сжимать» учебный материал, или по крайней мере уменьшать объемы учебников, или добавлять в них отдельной вкладкой суммаризированный материал? Хорошая попытка реализовать этот дидактический прием предпринята в новом учебном издании по гражданскому процессу [13].

В любом случае научный и дидактический подход к подготовке цивилистических учебников должен быть самым серьезным образом изменен в части ориентации, в первую очередь на конечного адресата и условия, в которых он живет и обучается, а не на бесспорные способности авторского коллектива писать большие объемы учебных текстов.

Задачники и практикумы по гражданскому праву в эпоху искусственного интеллекта

Практическим занятиям, как приоритетной форме обучения гражданскому праву, всегда придавалось особое значение, так как «они позволяют

¹ Суммаризация текста: что это, зачем нужно и как применять. URL: <https://sky.pro/wiki/analytics/summarizatsiya-teksta-ctoeto-zachem-nuzhno-i-kak-primenyat>.

настроить студента на самостоятельное изучение законодательства, приобретение практических навыков в разрешении правовых проблем, профессиональном общении, на отстаивание своих взглядов и позиций» [14, с. 282]. Однако именно такая важная для практических занятий самостоятельность работы студента сегодня рушится под воздействием ИИ.

Традиционная методика решения практических задач известна: «...казус должен быть проанализирован на основе теоретических положений и положений законодательства (прежде всего гражданского). Затем студент готовит проект юридического документа (претензии, требования о компенсации морального вреда). Возможно также предложение обучающимся составить фрагмент искового заявления с соблюдением основных требований процессуального законодательства» [4, с. 32]. Всё это уже способен делать искусственный интеллект.

Проблема современных задачников и практикумов очевидна: учебные задачи система ИИ сегодня решает на достаточно высоком уровне и часто – правильно. Ошибки ИИ при решении юридических учебных задач связаны чаще всего не с самой системой, а с пользователем, который формулирует неверный или неточный промпт, не задает уточняющие вопросы, пользуется бесплатными версиями систем, не включает режим «рассуждение», не ставит запреты на использование судебной практики и нормативных правовых актов из неофициальных источников, не позволяет системе «не отвечать», если она не находит ответа, то есть не использует приемы экологичного взаимодействия с ИИ.

Изменение задачников и практикумов должно исходить из следующей посылки: любой казус или задание студент будет выполнять с использованием системы ИИ. Как заставить сегодняшних и тем более завтрашних студентов-юристов готовиться к семинарам и практическим занятиям без использования ИИ? Никак. Учебные задачи и задания должны предполагать, а в некоторых случаях – обязывать использовать ИИ.

Заключение

Великие российские правоведы и цивилисты-педагоги С. С. Алексеев и В. Ф. Яковлев еще полвека назад, в 1976 году, обозначили, в чем должна состоять подготовка юриста: «в овладении фундаментальными положениями науки о государстве и праве, которые позволили бы специалисту видеть закономерности их развития, глубоко осмысливать задачи своей деятельности, работать творчески, обнаруживать выдвигаемые жизнью проблемы и находить пути их решения, постоянно пополнять свои знания и самостоятельно повышать уровень профессиональной подготовки» [2, с. 76]. Спустя более тридцати лет, в 2008 году, эти задачи повторили и современные ученые: «...студенты-юристы должны самостоятельно анализировать гражданско-правовые нормы и обладать навыками практического использования

всего арсенала гражданско-правовых средств. У нынешних студентов следует развивать способность к систематической работе по повторению, обновлению и обобщению изучаемого материала» [7, с. 19].

Безусловно, эти критерии подготовки юридических кадров сохраняются и сегодня, однако сама подготовка уже невозможна без учета возможностей систем ИИ в решении профессиональных юридических задач, а это требует новых дидактических подходов.

В. Ф. Яковлев также писал, что учебный курс гражданского права «должен освещать проблемы сегодняшнего дня, отражающие реально существующие потребности общественной жизни, юридической практики, роль гражданского права, его механизма и инструментария в решении общественных задач» [19, с. 22]. Это справедливое и до сих пор актуальное замечание, но сегодня все эти проблемы должны освещаться во многом через призму использования систем ИИ в юридической практике.

В завершение, предупреждая возражения оппонентов, хотелось бы подчеркнуть, что в настоящей статье не предлагается категорического отказа от лекционных занятий, замены всех правовых предметов юридическим промпт-инжинирингом, издания вместо учебников комиксов и книжек-раскрасок, а вместо практикумов – сборников правовых сказок. Не думается, что преподавателя заменит или должен заменить искусственный интеллект, – скорее всего, преподаватель, использующий возможности такого интеллекта в дидактических целях, вероятно, заменит преподавателя, который этого не делает.

Главное решение проблем цивилистической дидактики видится в том, чтобы, продолжая обучать студентов-юристов, прививая так нужное им и государству в целом правовое догматическое мышление, преподаватели разумно учитывали бы объективную ИИ-реальность сегодняшнего дня.

Библиографический список

1. Алгазин И. И. Использование интеллектуальных карт в преподавании дисциплины «Гражданское право» // Человек и общество в нестабильном мире: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 3 марта 2020 г.) / отв. ред. Г. И. Тюменцева. Омск: Изд-во Сиб. юрид. ун-та, 2020. С. 8–13.
2. Алексеев С. С., Яковлев В. Ф. О модели юриста и обучении в юридических вузах // Правоведение. 1976. № 4. С. 73–81.
3. Андреев В. К. Повышать методику преподавания советского гражданского права (обзор конференции) // Правоведение. 1981. № 6. С. 109–111.
4. Барткова О. Г. Некоторые вопросы методики преподавания гражданского права: исторический и современный аспекты // Международная очно-заочная научно-практическая конференция (Тверь, 15 декабря 2016 г.). Тверь, 2016. С. 26–33.

5. Басин Ю. Г. Преподавание гражданского права в условиях перестройки (обсуждения) // Правоведение. 1988. № 6. С. 55–57.

6. Бондаренко Н. Л., Ермоленко Е. В., Кудрявцев Н. В. Использование активных методов обучения в ходе преподавания дисциплины «Гражданское право» // Инновационные образовательные технологии. 2011. № 2 (26). С. 34–38.

7. Бондаренко Н. Л., Халецкая Т. М. Размышления о некоторых проблемах изучения и преподавания юридических дисциплин на примере гражданского права // Инновационные образовательные технологии. 2008. № 4 (16). С. 18–22.

8. Бычко М. А., Комаривцева И. А. Особенности образовательного процесса в условиях пандемии коронавирусной инфекции (на примере преподавания гражданского права) // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 2. С. 84–89. DOI 10.37493/2409-1030.2021.2.12

9. Грибанов В. П. О перестройке преподавания курса гражданского права // Правоведение. 1988. № 1. С. 67–73.

10. Зорина Е. М. Создание дидактических сказок с помощью искусственного интеллекта для развития правовой культуры студентов // Международный научно-исследовательский журнал. 2025. № 4 (154). С. 1–8. DOI: 10.60797/IRJ.2025.154.72

11. Исакова Л., Федоровский С. А., Кондратенко О. П. Проблемы преподавания гражданского права (обзор конференции) // Правоведение. 1992. № 4. С. 118–120.

12. Калмыков Ю. Х., Архипов Н. П. Преподавание гражданского права (обсуждение) // Правоведение. 1988. № 2. С. 46–49.

13. Кейсбук. Учебник. Том 1: Гражданское процессуальное право / отв. ред. Д. Х. Валеев. М.: Статут, 2026. 760 с.

14. Кислицкий А. М. Всероссийская конференция об актуальных проблемах преподавания гражданского права (выступление проф. С. М. Корнеева) // Правоведение. 1999. № 3 (226). С. 276–284.

15. Коляда Д. М., Бугаева Т. И. Применение метода деловой игры и искусственного интеллекта в профессиональной подготовке будущих юристов // Вопросы методики преподавания в вузе. 2025. Т. 14. № 4. С. 68–80. DOI 10.57769/2227-8591.14.4.05

16. Коняев Н. И. Преподавание гражданского права в условиях перестройки (обсуждение) // Правоведение. 1988. № 6. С. 52–55.

17. Собчак А. А. Преподавание гражданского права в условиях перестройки (обсуждение) // Правоведение. 1988. № 3. С. 23–24.

18. Шахаева А. М., Гусейнова Л. В. Использование интерактивных методов в преподавании гражданского права // Закон и право. 2013. № 11. С. 71–73.

19. Яковлев В. Ф. Преподавание гражданского права в условиях перестройки (обсуждения) // Правоведение. 1988. № 3. С. 21–23.

References

1. Algazin I. I. The Use of Mind Maps in Teaching the Discipline "Civil Law". *Chelovek i obshchestvo v nestabil'nom mire* [Man and Society in an Unstable World]: Proc. of the International Scientific and Practical Conference (Omsk, March 3, 2020). Ed. by G. I. Tyumentseva. Omsk: Siberian Law University Publ., 2020. Pp. 8–13. (In Russ.)

2. Alekseev S. S., Yakovlev V. F. O modeli yurista i obuchenii v yuridicheskikh vuzakh [On the Model of a Lawyer and Training in Law Schools]. *Pravovedenie*. 1976. Issue 4. Pp. 73–81. (In Russ.)

3. Andreev V. K. Povyshat' metodiku prepodavaniya sovetskogo grazhdanskogo prava (obzor konferencii) [To Improve the Teaching Methodology of Soviet Civil Law (conference overview)]. *Pravovedenie*. 1981. Issue 6. Pp. 109–111. (In Russ.)

4. Bartkova O. G. Some Issues of the Methodology of Teaching Civil Law: Historical and Modern Aspects. *Mezhdunarodnaya ochno-zaochnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya* [International Scientific and Practical Conference with hybrid participation (Tver, December 15, 2016)]. Tver, 2016. Pp. 26–33. (In Russ.)

5. Basin Yu. G. Prepodavanie grazhdanskogo prava v usloviyah perestrojki (obsuzhdeniya) [Teaching Civil Law in the Context of Perestroika (Discussions)]. *Pravovedenie*. 1988. Issue 6. Pp. 55–57. (In Russ.)

6. Bondarenko N. L., Ermolenko E. V., Kudryavtsev N. V. Ispol'zovanie aktivnykh metodov obucheniya v hode prepodavaniya discipliny "Grazhdanskoe pravo" [The Use of Active Teaching Methods in Teaching the Discipline "Civil Law"]. *Innovatsionnye obrazovatel'nye tekhnologii* – Innovative Educational Technologies. 2011. Issue 2(26). Pp. 34–38. (In Russ.)

7. Bondarenko N. L., Khaletskaya T. M. Razmyshleniya o nekotorykh problemakh izucheniya i prepodavaniya yuridicheskikh disciplin na primere grazhdanskogo prava [Reflections on Some Problems of Studying and Teaching Legal Disciplines Using the Example of Civil Law]. *Innovatsionnye obrazovatel'nye tekhnologii* – Innovative Educational Technologies. 2008. Issue 4 (16). Pp. 18–22. (In Russ.)

8. Bychko M. Features of the Educational Process in the Context of the Coronavirus Pandemic (by the example of teaching civil law). *Humanities and Law Research*. 2021. Issue 2. Pp. 84–89. (In Russ.)

9. Gribanov V. P. O perestrojke prepodavaniya kursa grazhdanskogo prava [On the Restructuring of Teaching the Course of Civil Law]. *Pravovedenie*. 1988. Issue 1. Pp. 67–73. (In Russ.)

10. Zorina E. M. Creation of Didactic Fairy Tales with the Help of Artificial Intelligence for the Development of Legal Culture of Students. *International Research Journal*. 2025. Issue 4 (154). Pp. 1–8. (In Russ.)

11. Isakova L., Fedorovsky S. A., Kondratenko O. P. Problemy prepodavaniya grazhdanskogo prava (obzor konferencii) [Problems of Teaching Civil Law (conference overview)]. *Pravovedenie*. 1992. Issue 4. Pp. 118–120. (In Russ.)

12. Kalmykov Yu. K., Antipov N. P. Prepodavanie grazhdanskogo prava (obsuzhdenie) [Teaching Civil Law (Discussion)]. *Pravovedenie*. 1988. Issue 2. Pp. 46–49. (In Russ.)

13. *Keisbuk. Uchebnik. Tom 1: Grazhdanskoe processual'noe pravo* [CaseBook. Textbook. Vol. 1. Civil Procedural Law]. Ed. by D. H. Valeev]. Moscow, 2026. 760 p. (In Russ.)

14. Kislitsky A. M. Vserossiyskaya konferenciya ob aktual'nyh problemah prepodavaniya grazhdanskogo prava (vystuplenie prof. S.M. Korneeva) [All-Russian Conference on Topical Issues of Teaching Civil Law (speech by Prof. S. M. Korneev)]. *Pravovedenie*. 1999. Issue 3 (226). Pp. 276–284. (In Russ.)

15. Koliada D. M., Bugaeva T. I. Application of Business Game Method and Artificial Intelligence in Professional Training of Future Lawyers. *Teaching Methodology in Higher Education*. 2025. Issue 4(14). Pp. 68–80. (In Russ.)

Информация об авторе:

О. А. Кузнецова

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права

Московский государственный юридический университет
им. О. Е. Кутафина (МГЮА)
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9

Профессор кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0001-6880-5604
ResearcherID: D-1066-2016

Статьи в БД Scopus / Web of Science:
DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.9.11540
DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177
DOI: 10.17072/1995-4190-2015-2-61-70
DOI: 10.17323/2072-8166.2017.1.42.58
DOI: 10.17072/1995-4190-2019-46-651-671
DOI: 10.17072/1995-4190-2020-50-787-803
DOI: 10.17072/1995-4190-2022-57-348-371

16. Konyaev N. I. Prepodavanie grazhdanskogo prava v usloviyah perestrojki (obsuzhdenie) [Teaching of Civil Law in the Context of Perestroika (Discussion)]. *Pravovedenie*. 1988. Issue 6. Pp. 52–55. (In Russ.)

17. Sobchak A. A. Prepodavanie grazhdanskogo prava v usloviyah perestrojki (obsuzhdenie) [Teaching of Civil Law in the Context of Perestroika (Discussion)]. *Pravovedenie*. 1988. Issue 3. Pp. 23–24. (In Russ.)

18. Shahaeva A. M., Huseynova L. V. Ispol'zovanie interaktivnyh metodov v prepodavanii grazhdanskogo prava [The Use of Interactive Methods in Teaching Civil Law]. *Zakon i pravo – Law and Legislation*. 2013. Issue 11. Pp. 71–73. (In Russ.)

19. Yakovlev V. F. Prepodavanie grazhdanskogo prava v usloviyah perestrojki (obsuzhdenie) [Teaching Civil Law in the Context of Perestroika (Discussion)]. *Pravovedenie*. 1988. Issue 3. Pp. 21–23. (In Russ.)

About the author:

O. A. Kuznetsova

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, 125993, Russia

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

ORCID: 0000-0001-6880-5604
ResearcherID: D-1066-2016

Articles in Scopus / Web of Science:
DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.9.11540
DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177
DOI: 10.17072/1995-4190-2015-2-61-70
DOI: 10.17323/2072-8166.2017.1.42.58
DOI: 10.17072/1995-4190-2019-46-651-671
DOI: 10.17072/1995-4190-2020-50-787-803
DOI: 10.17072/1995-4190-2022-57-348-371

II. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Информация для цитирования:

Samarina O. A. Legal Regulation of Environmental Assessment in the Republic of Mozambique // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2026. Вып. 3(73). С. 421–430. DOI 10.17072/1995-4190-2026-73-421-430. EDN FGDJGP

Samarina O. A. Legal Regulation of Environmental Assessment in the Republic of Mozambique. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2026. Issue 3(73). Pp. 421–430. DOI 10.17072/1995-4190-2026-73-421-430. EDN FGDJGP (In Russ.)

УДК 349.6

DOI 10.17072/1995-4190-2026-73-421-430

EDN <https://elibrary.ru/fgdjgp>

EDN FGDJGP

Legal Regulation of Environmental Assessment in the Republic of Mozambique

O. A. Samarina

Polytechnic University (Maputo, Mozambique)

E-mail: olsamarina@gmail.com

Received 20 Apr 2026

Introduction: Environmental Assessment is one of Mozambique's main preventive tools for environmental governance. Its importance has grown in Mozambique as large extractive and infrastructure projects place increasing pressure in the country already exposed to serious climate risks. **Purpose:** this article examines the evolution and the current state of Environmental Assessment in Mozambique. It identifies the main legal weaknesses that limit the effectiveness of the existing system. **Methods:** the study employs doctrinal legal research based on the analysis of constitutional provisions, environmental legislation, subordinate regulatory instruments, and international legal standards. Historical, comparative, and systematic methods of legal analysis are used to examine the development of Environmental Assessment regulation and its interaction with international environmental governance frameworks. **Results:** the analysis demonstrates that Mozambique has built a fairly developed Environmental Assessment system, based on constitutional environmental guarantees and supported by specialized legislation. The current framework provides for project classification, environmental licensing procedures, public participation mechanisms, compliance monitoring, and environmental auditing. The framework is nevertheless far from settled, including legislative fragmentation, outdated statutory provisions, conceptual inconsistencies, insufficient systematization of environmental norms, and procedural shortcomings in public participation and stakeholder engagement. **Conclusions:** for Environmental Assessment to become more effective in Mozambique, the country needs to modernize and harmonize its environmental legislation, clarify institutional competencies, enhance public participation mechanisms, and, possibly, adopt a dedicated Environmental Assessment law. These reforms would improve environmental governance, promote sustainable resource management, and strengthen legal safeguards for environmental protection and socio-economic development.

Keywords: Environmental Assessment; Environmental Impact Assessment; environmental governance; Environmental Law; environmental protection; public participation; environmental licensing; biodiversity conservation; sustainable development; Republic of Mozambique

© Samarina O. A., 2026



Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Правовое регулирование оценки воздействия на окружающую среду в Республике Мозамбик

О. А. Самарина

Политехнический университет (г. Мапуту, Мозамбик)

E-mail: olsamarina@gmail.com

Статья поступила в редакцию 20.04.2026

Введение: оценка воздействия на окружающую среду (ОВОС) является одним из ключевых превентивных инструментов экологического управления в Республике Мозамбик. Ее значение существенно возросло в связи с реализацией масштабных проектов в сфере добычи природных ресурсов и развития инфраструктуры, оказывающих возрастающее воздействие на окружающую среду в стране, уже находящейся под влиянием серьезных климатических рисков. **Цель:** анализ эволюции и современного состояния института ОВОС в Республике Мозамбик, а также выявление основных недостатков правового регулирования, снижающих эффективность действующей системы. **Методы:** исследование выполнено с использованием доктринального метода, основанного на анализе конституционных положений, экологического законодательства, подзаконных нормативных правовых актов и международно-правовых стандартов. Применены историко-правовой, сравнительно-правовой и системно-правовой методы, позволившие исследовать развитие правового регулирования ОВОС и его взаимосвязь с международными механизмами экологического управления. **Результаты:** установлено, что в Республике Мозамбик сформирована относительно развитая система правового регулирования ОВОС, базирующаяся на конституционных экологических гарантиях и специальном природоохранном законодательстве. Действующее правовое регулирование охватывает классификацию проектов, процедуры экологического лицензирования, механизмы участия общественности, государственный экологический мониторинг соблюдения установленных требований и экологический аудит. Вместе с тем выявлены системные недостатки правового регулирования, выражающиеся во фрагментарности нормативной базы, сохранении устаревших законодательных положений, концептуальной несогласованности отдельных институтов, недостаточной систематизации экологического законодательства, а также несовершенстве процедур участия общественности и иных заинтересованных лиц в процессе принятия экологически значимых решений. **Выводы:** необходимо дальнейшее совершенствование правового регулирования посредством модернизации и гармонизации экологического законодательства, уточнения компетенции государственных органов, развития механизмов участия общественности и возможного принятия специального закона об ОВОС. Эти реформы позволят повысить эффективность экологического управления, обеспечить более рациональное использование природных ресурсов и усилить правовые гарантии охраны окружающей среды и устойчивого социально-экономического развития.

Ключевые слова: оценка воздействия на окружающую среду (ОВОС); экологическое управление; экологическое право; охрана окружающей среды; участие общественности; экологическое лицензирование; сохранение биоразнообразия; устойчивое развитие; Республика Мозамбик

Introduction

Today, the Republic of Mozambique has a broad legal framework for environmental protection and the sustainable use of natural resources. The constitutional foundations of this framework are defined in the Constitution of the Republic of Mozambique,¹ which vests ownership of land and natural resources in the State. The Constitution also recognizes every

citizen's right to an ecologically balanced environment and imposes upon the State a duty to promote policies aimed at environmental protection and the sustainable management of natural resources.

Strategic Environmental Assessment (SEA) and Environmental Impact Assessment (EIA) are widely recognized in international practice as the principal preventive instruments of environmental governance. In Mozambique, however, only Environmental Impact

¹ Constituição da República de Moçambique [Constitution of the Republic of Mozambique]. Lei n.º 1/2018, de 12 de Junho. *Boletim da República*. I série, n.º 115, de 12 de Junho de 2018.

Assessment (*Avaliação do Impacto Ambiental*) has been comprehensively regulated by legislation. No separate legal framework for SEA has yet been adopted. For this reason, this article focuses on *Avaliação do Impacto Ambiental*, referred to below as “Environmental Assessment”. In Mozambique, the term *Avaliação do Impacto Ambiental* is officially rendered in English as Environmental Impact Assessment. However, given the broad procedural and institutional scope of this mechanism, the present article uses the broader term Environmental Assessment, except where specific statutory provisions or official terminology are discussed.

Environmental Assessment can only work effectively if the legal rules behind it are clear, consistent, and enforceable. An examination of the legal regulation of Environmental Assessment in Mozambique is therefore particularly important at the current stage of the country’s legal and institutional development. Despite the existence of an extensive body of environmental legislation, the Environmental Assessment regime in Mozambique is still spread across several insufficiently systematized instruments, which makes it harder to apply it in practice. The purpose of this article is to analyze the legal framework governing Environmental Assessment in the Republic of Mozambique and to identify its principal structural and normative challenges.

Environmental Challenges and Drivers of Environmental Regulation in Mozambique

Mozambique possesses abundant and diverse natural resources. Its geographical location and extensive coastline have endowed the country with considerable natural resource wealth, including substantial mineral reserves [1], significant hydropower potential, extensive forest and agricultural resources, and valuable marine biological resources within its Exclusive Economic Zone. These resources are critically important for national food security and export revenues.

Mozambique is also home to ecosystems and biodiversity of global significance. Many areas of high conservation value are situated in close proximity to mining operations and major infrastructure corridors. This overlap creates serious risks to biodiversity conservation and ecosystem integrity [4]. It may also threaten the cultural heritage and traditional livelihoods of local communities.¹

At the same time, Mozambique is widely recognized as one of the countries most vulnerable to the im-

pacts of climate change and climate-related natural hazards, both in Africa and worldwide². This vulnerability is linked to geographical exposure, high susceptibility to extreme weather events, and underlying socioeconomic constraints.³ Although agriculture remains a cornerstone of the national economy, the industrial sector has expanded rapidly in recent years. On the other hand, the growth of large-scale extractive projects [8], especially in the northern provinces, where natural gas, coal, iron ore as well as precious and semi-precious minerals are extensively exploited, has produced significant environmental and social impacts. These include ecosystem degradation, biodiversity loss, and adverse effects on the rights and livelihoods of local communities.

These conditions explain why the development and effective implementation of environmental protection measures, risk management mechanisms, and legal instruments aimed at preventing and mitigating anthropogenic environmental impacts deserve closer and urgent attention from both policymakers and legal researchers.

Conceptual and Legal Foundations of Environmental Assessment

The legal framework governing Environmental Assessment in Mozambique seeks to protect natural ecosystems and ensure the realization of the constitutional right to an ecologically balanced environment by preventing and mitigating the adverse environmental effects of human activities. Article 18 of the Constitution of the Republic of Mozambique gives duly ratified international treaties and principles of international law domestic legal force equivalent to legislative acts adopted by the Assembly of the Republic and the Government.

Mozambique is a party to a number of international environmental agreements that have significantly influenced the development of the country’s environmental legislation. These include the Convention on Biological Diversity, the United Nations Framework Convention on Climate Change, the Paris Agreement, the Bamako Convention on the Ban of the Import Into Africa and the Control of Transboundary Movement and Management of Hazardous Wastes Within Africa, and the Nairobi Convention for the Protection, Management and Development of the Marine and Coastal Environment of the Eastern African Region.

The Environmental Law of Mozambique⁴ (Law No. 20/97), adopted in 1997, remains the main frame-

¹ Protecting Traditional Knowledge in Mozambique: Current legal and institutional frameworks. 2024. Available at: <https://natural-justice.org/wp-content/uploads/2025/05/MZ-TK-Legal-Framework-MZ-DRAFT-REPORT-Designed.pdf>

² MICOA – *Ministério para a Coordenação da Acção Ambiental* [Ministry for Coordination of Environmental Action]. *Estratégia Nacional de Adaptação e Mitigação de Mudanças Climáticas (2013-2025)* [National Strategy for Adaptation and Mitigation of Climate Change (2013-2025)]. Maputo, 2012. P. 1.

³ UNDP (*United Nations Development Programme*). Human Development Report 2023-24: Breaking the gridlock: Reimagining cooperation in a polarized world. New York, 2024. P. 291. Available at: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2023-24reporten.pdf>

⁴ Lei do Ambiente [Environmental Law]. Lei n.º 20/97, de 1 de Outubro. *Boletim da República*. 07 de Outubro de 1997. I Série. N. 40.

work statute for environmental protection. It establishes the fundamental principles of environmental governance and provides the legal basis for Environmental Assessment. Under Article 15, activities that are likely to have significant environmental impacts by reason of their nature, location, or scale are subject to specific licensing and registration requirements. An environmental license is therefore dependent on the completion of an Environmental Assessment and is a mandatory prerequisite for obtaining all other project-related permits and approvals.

Article 16 of the Environmental Law further requires the Environmental Assessment process to be supported by an Environmental Impact Study (*Estudo do Impacto Ambiental*) prepared by accredited entities. This requirement reflects the precautionary principle. Under this principle, where uncertainty exists regarding the potential environmental consequences of a proposed activity, decision-makers should give priority to environmental protection [13, p. 95]. The detailed procedures governing Environmental Assessment, including its various forms, stages, and related administrative requirements, are established through subsidiary legislation.

Within the Mozambican legal system, Environmental Assessment (*Avaliação do Impacto Ambiental*) is understood as a comprehensive decision-making process rather than merely a technical study. In this respect, the concept differs from approaches adopted in certain post-Soviet jurisdictions, where environmental assessment has traditionally been associated with a narrower expert-review procedure. More broadly, Environmental Assessment may be defined as the systematic identification, prediction, and evaluation of the environmental consequences of proposed actions prior to decision-making [11].

Most accounts trace the modern concept of Environmental Assessment to the U. S. National Environmental Policy Act (NEPA) of 1969, which first required the preparation of Environmental Impact Statements for major federal actions significantly affecting the quality of the human environment. Since then, Environmental Assessment has become a central instrument of environmental governance and a fundamental component of environmental decision-making systems worldwide.

International recognition of Environmental Assessment was consolidated by Principle 17 of the Rio Declaration on Environment and Development (1992). According to it, environmental assessment should be undertaken for proposed activities that are likely to have significant adverse environmental impacts and that are subject to a decision by a competent national authority. The United Nations Framework Convention on Climate Change, adopted at the same Earth Summit, also recognizes the importance of environmental assessment as an instrument for addressing climate-related challenges

while affirming the sovereign right of States to determine their own institutional and procedural arrangements to implement it.

As noted by Oliveira, Environmental Impact Assessment (*Avaliação de Impactos Ambientais*) constitutes an environmental management instrument applicable to activities and projects that actually or potentially cause pollution or environmental degradation [9]. Morrison further observes that Environmental Impact Assessment is widely recognized as a mechanism for identifying and evaluating the adverse impacts of proposed or planned developments and, subsequently, for avoiding, minimizing, or compensating for such impacts through appropriate project design and management measures [7].

According to Condesso, Environmental Impact Assessment serves as a principal instrument for preventing environmental harm arising from economic and territorial development activities and, consequently, for promoting sustainable development through the balanced management of natural resources while ensuring an adequate quality of life [2].

Melo emphasizes several practical advantages of Environmental Impact Assessment. It allows environmental problems to be identified at an early stage of the decision-making process, when changes to proposed activities can still be made at low cost. It also ensures the proper examination of controversial issues, supports informed decision-making, contributes to greater social and economic equity and improved natural resource management, and helps prevent serious environmental problems and reduce environmental protection costs by giving priority to preventive rather than corrective measures [6].

Despite differences in terminology and procedural design across jurisdictions, Environmental Assessment has now become a standard tool of preventive environmental governance and an important component of sustainable development policy in most states.

Historical Development of Environmental Assessment Regulation in Mozambique

Environmental Assessment was first incorporated into Mozambican legislation in 1991 through the Water Law.¹ That law required an ex ante assessment of the potential environmental and socio-economic impacts of hydraulic infrastructure projects as a precondition for their authorization. This approach was later reinforced by the Investment Law of 1993,² which required project proponents to carry out environmental assessment during the planning and implementation of investment projects in order to identify and evaluate their potential impacts on natural resources.

¹ Lei de Águas [Water Law]. Lei n.º 16/91, de 3 de Agosto. *Boletim da República*. 03 de Agosto de 1991. I Série. N. 31.

² Lei dos Investimentos [Investment Law]. Lei n.º 3/1993 de 24 de Junho. *Boletim da República*. I série, n.º 25, de 24 de Junho de 1993.

The next important step came with the adoption of the National Environmental Policy in 1995¹. The Policy identified the adoption of a comprehensive Environmental Law and its implementing regulations as a priority for national environmental governance. These efforts culminated in the adoption of the Environmental Law (Law No. 20/97) and, shortly thereafter, Decree No. 76/98, which approved Mozambique's first Regulation on the Environmental Assessment Process (*Regulamento sobre o Processo de Avaliação do Impacto Ambiental*). Together, these instruments established the country's first comprehensive legal framework governing Environmental Assessment.

The emergence of this legal framework must be understood in the broader political and economic context of the 1990s. After independence, a prolonged civil war, and the conclusion of the General Peace Agreement in 1992, Mozambique faced the challenge of post-conflict reconstruction and state-building. At the same time, the government sought to attract foreign investment to support economic recovery in a context of limited domestic capital and substantial dependence on external financial assistance [5]. Consequently, environmental regulation evolved alongside broader economic reforms aimed at market-oriented development and the sustainable management of the country's natural resources.² International financial institutions and development partners also played an important role in shaping and supporting these legislative and institutional reforms.

The first Regulation on the Environmental Assessment Process, approved by Decree No. 76/98 of December 29, 1998,³ remained in force for approximately five years. Although relatively simple in design, it established the basic procedural framework for Environmental Assessment in Mozambique by requiring an Environmental Impact Study (*Estudo do Impacto Ambiental*) for activities likely to have significant environmental impacts. Responsibility for administering the process was assigned to the Ministry for the Coordination of Environmental Affairs (MICOA). The Ministry became responsible for both the technical review of environmental studies and decision-making on the environmental viability of proposed activities.

Seen today, the concentration of these functions within a single institution may be regarded as a limitation of the initial regulatory model [12, p. 84]. However, this institutional arrangement reflected the realities of the period, when the State had limited administrative capacity, technical expertise, and financial resources. Despite these limitations, the 1998 Regulation was an important milestone in the evolution of Mozambican environmental governance. It introduced the first formal mechanisms for preventing and mitigating adverse environmental impacts, and laid the foundation for the subsequent development of Environmental Assessment legislation and institutions.

A more sophisticated regulatory framework was introduced by Decree No. 45/2004 of September 29, 2004⁴ and later amended by Decree No. 42/2008 of November 4, 2008.⁵ This reform expanded both the scope and the procedural complexity of the Environmental Assessment process. It introduced six procedural stages and established a classification system for proposed activities based on their anticipated environmental impacts, dividing projects into Categories A, B, and C.

The revised framework also specified the documentation to be submitted by project proponents and linked the scope of environmental studies to the category of the proposed activity. Decision-making authority was divided between the central and provincial levels of government according to the criteria established by the Regulation. Public participation also became a mandatory component of the Environmental Assessment process, and an intersectoral technical committee was established to review environmental documentation and provide technical recommendations.

These reforms considerably strengthened the institutional and procedural foundations of Environmental Assessment in Mozambique [10]. The 2004 regulatory framework remained in force until 2015, when a new Regulation on the Environmental Assessment Process was adopted to reflect both the experience gained in its implementation and developments in international environmental practice. The reform coincided with broader institutional restructuring within the environmental sector, including the transformation of MICOA into the Ministry of Land, Environment and Rural Development.

¹ Resolução n.º 5/95, aprova a Política Nacional do Ambiente [Resolution No. 5/95 approves the National Environmental Policy]. *Boletim da República*. I série, n.º 49, de 06 de Dezembro de 1995.

² Magid O. A. Recursos minerais serão principal fonte de divisas: uma Entrevista com o Ministro dos Recursos Minerais de Moçambique [Mineral resources will be the main source of foreign exchange: An interview with the Minister of Mineral Resources of Mozambique]. *Tempo*. 1985. 23 de Maio.

³ Decreto n.º 76/98, de 29 de Dezembro de 1998, aprova o Regulamento sobre o Processo de Avaliação do Impacto Ambiental [Decree No. 76/98 of December 31, 1998 approves the Regulation on the Environmental Impact Assessment Process]. *Boletim da República*. 29 de Dezembro de 1998. I série. N. 51.

⁴ Decreto n.º 45/2004, de 26 de Junho, aprova o Regulamento sobre o Processo de Auditoria Ambiental [Decree No. 45/2004 of June 26, 2004 approves the Regulation on the Environmental Audit Process]. *Boletim da República*. 26 de Junho de 2004. I Série. N. 123.

⁵ Decreto n.º 45/2008, de 04 de Novembro, altera os artigos 5,15,18, 20,24, 25 e 28 do Regulamento sobre o Processo de Avaliação do Impacto Ambiental, aprovado pelo Decreto n.º 45/2004, de 29 de Setembro. [Decree No. 45/2008 of November 4, 2008 amends Articles 5, 15, 18, 20, 24, 25 and 28 of the Regulation on the Environmental Impact Assessment Process, approved by Decree No. 45/2004 of September 29, 2004]. *Boletim da República*. 04 de Novembro de 2008. I Série. N. 44.

opment (MITADER). The new Ministry was given expanded responsibilities for environmental governance and the administration of Environmental Assessment. This gradual development has contributed to the present fragmented structure of Environmental Assessment regulation in Mozambique. The system has grown through successive reforms, but these reforms have not been fully consolidated into a single coherent legal framework.

The Current Legal Framework Governing Environmental Assessment

Environmental Assessment (*Avaliação do Impacto Ambiental*) is currently governed by the Regulation on the Environmental Assessment Process, approved by Decree No. 54/2015.¹ The Regulation defines Environmental Assessment as a preventive environmental management instrument designed to identify and assess the potential environmental and social impacts of proposed activities before a decision is made on their implementation. Its provisions apply to all public and private activities that may directly or indirectly affect the environment, subject only to the exceptions expressly provided by law.

The Regulation defines the responsibilities of the public authorities involved in Environmental Assessment. It sets out rules on administrative procedures, screening procedures applicable to all activities likely to have environmental effects, and criteria for determining the scope and parameters of the assessment. It also regulates environmental studies, the work of technical review committees, and the rights and obligations of experts, project proponents, and other participants in the process. In addition, it establishes procedural time limits for Environmental Assessment, regulates environmental licensing, defines the roles and responsibilities of environmental consultants and project proponents, provides for compliance monitoring and supervision mechanisms, sets out the system of fees and charges, and establishes administrative sanctions applicable to violations of environmental legislation.

The current framework is built around the classification of proposed activities according to their anticipated environmental impacts. Projects are divided into four categories: A+, A, B, and C. The classification depends on several factors, including the number of affected persons and communities, the characteristics and geographical extent of the affected area, the nature, probability, duration, and significance of anticipated impacts, as well as the potential for direct, indirect, cumulative, and irreversible environmental effects. The screening procedure may lead to the classification of a project into one of the four assessment categories or, in

exceptional circumstances, to the rejection of a proposed activity where it is considered environmentally incompatible. Annexes I–V to Decree No. 54/2015 provide indicative lists of activities for the purposes of project classification.

Category A+ covers projects of exceptional scale or complexity that are likely to generate significant or irreversible environmental impacts due to their scale, complexity, location, or nature. Such projects require enhanced scrutiny and the involvement of independent experts. By contrast, Category C encompasses activities expected to generate only minimal adverse environmental impacts and is therefore exempt from the requirement to undergo an Environmental Impact Assessment.

The scope of Environmental Assessment depends on the category assigned to a project. Depending on that classification, the applicable procedure may require a comprehensive Environmental Impact Study (*Estudo do Impacto Ambiental*), a simplified environmental report, or, in the case of Category C activities, compliance only with Environmental Management Best Practice Procedures. Category A+ projects also require review by an independent review panel. Proponents of Category C activities must submit only Environmental Management Best Practice Procedures (*Procedimentos de Boas Práticas de Gestão Ambiental*) in order to obtain environmental authorization.

The concept of environmental impact is central to the Environmental Assessment framework. In general terms, an environmental impact may be understood as a change in environmental quality resulting from alterations to natural or social systems caused by human activities [11]. In line with this approach, the Regulation defines environmental impact as any positive or negative change in the environment arising from human activities and affecting environmental components such as air, water, land, ecosystems, or human health.

The issue is that the Regulation classifies environmental impacts only partly. It refers to significant and irreversible impacts and also mentions climate-related and social impacts, but it does not establish a comprehensive typology of environmental impacts. The glossary annexed to the Regulation defines direct, indirect, cumulative, and residual impacts, but other categories commonly recognized in Environmental Assessment practice are not expressly addressed. This may lead to inconsistent interpretation and less predictable Environmental Assessment practice.

Another important legal instrument is the General Directive for Environmental Impact Assessment Studies, approved by Ministerial Diploma No. 129/2006² of the Ministry for the Coordination of Environmental Affairs. The Directive standardizes assessment methodologies

¹ Decreto n.º 54/2015, de 31 de Dezembro, aprova o Regulamento sobre o Processo de Avaliação do Impacto Ambiental [Decree No. 54/2015 of December 31, 2015 approves the Regulation on the Environmental Impact Assessment Process]. *Boletim da República*. 31 de Dezembro de 2015. I série. N. 104.

² Diploma Ministerial n.º 129/2006, aprova a Directiva Geral para Estudos do Impacto Ambiental [Ministerial Decree No. 129/2006 approves the General Directive for Environmental Impact Assessments]. *Boletim da República*. 19 de Julho de 2006. I Série. N. 29.

and provides practical guidance for stakeholders involved in the preparation and review of environmental studies. It establishes the structure, content, and methodological requirements applicable to Environmental Impact Studies and related documentation, thereby promoting greater consistency in Environmental Assessment practice.

Public participation is a mandatory component of the Environmental Assessment process. This requirement reflects internationally recognized principles of environmental governance, including Principle 10 of the Rio Declaration on Environment and Development¹ and Article 14 of the Convention on Biological Diversity.² By incorporating public participation into Environmental Assessment procedures, Mozambican legislation seeks to promote transparency, improve the quality of environmental decision-making, and ensure that local knowledge and stakeholder concerns are considered during the assessment and decision-making process.

At the domestic level, the legal foundations of public participation in environmental decision-making are primarily found in the Environmental Law. Article 4 establishes the principles of public participation in environmental management and respect for traditional knowledge and local customs that contribute to natural resource conservation. Article 8 further requires the Government to establish mechanisms enabling civil society and local communities to participate in the formulation of policies and strategies concerning natural resource management. Article 11 provides for the protection of environmental heritage, including its historical and cultural dimensions, through the involvement of local communities. Article 19 guarantees the right of access to environmental information.

Public participation is also recognized in Article 4 of the Law on the Protection, Conservation and Sustainable Use of Biological Diversity.³ This provision identifies public involvement in biodiversity-related decision-making as one of the fundamental principles governing biodiversity conservation, together with the precautionary principle and the principle of informed decision-making.

The Regulation on the Environmental Assessment Process defines public participation as a process through which individuals, communities, and other interested parties whose interests may be directly or indirectly affected by a proposed activity are informed and given an

opportunity to express their views. Public participation is designed to take place throughout the Environmental Assessment process and is implemented primarily through public consultations and public hearings. The procedures governing these mechanisms are set out in the General Directive on Public Participation in the Environmental Impact Assessment Process, approved by Ministerial Diploma No. 130/2006.⁴

Public consultation involves collecting opinions and comments from interested stakeholders, including individuals, community groups, and legal entities that may be directly or indirectly affected by a proposed activity. Public hearings, by contrast, provide a structured forum for dialogue between project proponents, public authorities, and affected communities. They allow stakeholders to raise concerns, seek clarification, and submit recommendations during the Environmental Assessment process.

The rules are relatively detailed, but there are still some significant gaps. In particular, the Directive does not require information concerning the proposed activity to be made available in local or indigenous languages, although it does require public hearing coordinators to know local languages and community dynamics. The rules on public hearings are also framed only in general terms. Both consultations and hearings must be documented in a final report summarizing stakeholder concerns and recommendations, but the legislation does not establish a clear mechanism requiring decision-makers to explain how these inputs have been taken into account in the final licensing decision. As a result, there is a risk that consultation procedures transform into a formal requirement rather than a meaningful part of the process.

In specific cases provided for by the Regulation, the Environmental Assessment process is supplemented by the Directive on Biodiversity Offsets.⁵ This instrument establishes the principles and procedures governing biodiversity offset measures and applies where a project proponent is required to prepare a Biodiversity Offset Management Plan. The Directive also regulates the associated public participation process. Notices of public consultations must be published in a national newspaper and broadcast through state and community radio stations to ensure that affected communities are informed of the proposed offset measures. Additional communication methods may be required depending on

¹ Rio de Janeiro Declaration on Environment and Development. Adopted by the United Nations Conference on Environment and Development, Rio de Janeiro, 1992. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/200866>

² Convention on Biological Diversity. Adopted at the UN Earth Summit Rio de Janeiro, 1992. Available at: <https://www.cbd.int/doc/legal/cbd-en.pdf>

³ Lei de proteção, conservação e uso sustentável da Diversidade biológica [Law on the protection, conservation and sustainable use of biological diversity]. Lei n.º 5/2017 de 11 de Maio. *Boletim da República*. 11 de Maio de 2017. I Série. N. 73.

⁴ Diploma Ministerial n.º 130/2006 de 19 de Julho, aprova a Directiva Geral para o Processo de Participação Pública no processo de Avaliação do Impacto Ambiental [Ministerial Decree No. 130/2006 of July 19, 2006 approves the General Directive for the Public Participation Process in the Environmental Impact Assessment process]. *Boletim da República*. 19 de Julho de 2006. I Série. N. 29.

⁵ Diploma Ministerial n.º 55/2022. Aprova a Directiva sobre Contrabalanços da Biodiversidade. [Ministerial Decree No. 55/2022 of May 19, 2022 approves the Directive on Biodiversity Offsets]. *Boletim da República*. 19 de Maio de 2022. I Série. N. 95.

the characteristics of the project and the affected population.

Once the Environmental Assessment is complete, the competent authority reviews the environmental studies and supporting documentation to determine the environmental viability of the proposed activity and whether an environmental license should be granted. The licensing process consists of three stages: the Provisional Environmental License, the Installation Environmental License, and the Operational Environmental License. Under Mozambican law, the operation of any activity without a valid Operational Environmental License is prohibited.

The Ministry of Agriculture, Environment and Fisheries (*Ministério da Agricultura, Ambiente e Pescas* – MAAP), established in 2025, is the principal state authority responsible for the administration and oversight of Environmental Assessment in Mozambique. The Ministry monitors compliance with environmental license conditions and may require environmental audits where necessary. Compliance monitoring is governed by the Regulation on Environmental Inspection and Surveillance Activities, approved by Decree No. 51/2024,¹ while environmental audits are regulated by the Regulation on the Environmental Audit Process, approved by Decree No. 45/2024.² These mechanisms matter because environmental control should not end with the issuing of a license. They extend regulatory oversight into the implementation phase and are intended to ensure that project proponents comply with environmental obligations and carry out the mitigation measures identified during the assessment process.

Mozambican legislation establishes administrative liability for a range of violations related to environmental licensing. These include carrying out activities without a valid environmental license, failing to obtain the necessary amendments to an existing license, and violating the conditions attached to an environmental authorization. Depending on the nature and gravity of the violation, administrative sanctions may include monetary fines, temporary suspension of activities, or permanent cessation of operations.³ In addition, Article 315 of

the Criminal Code of the Republic of Mozambique provides for criminal liability in certain cases involving unauthorized activities or deliberate failure to comply with environmental requirements.⁴

Environmental Assessment is also regulated through several sector-specific instruments. In the extractive industries, for example, the general Environmental Assessment framework is supplemented by the Environmental Regulation for Mining Activities, approved by Decree No. 26/2004,⁵ and the Environmental Regulation for Petroleum Operations, approved by Decree No. 56/2010.⁶ The coexistence of general and sector-specific regulations has generated scholarly debate regarding the appropriate degree of legislative specialization. Some authors argue that Environmental Assessment should be governed by a more unified legal framework, while sector-specific technical requirements could be regulated through subordinate normative instruments [12, p. 389]. However, the existing legislative framework does not provide line ministries with sufficient regulatory authority to adopt such instruments. As a result, the legal regime governing Environmental Assessment remains insufficiently systematized and fragmented, creating overlaps, regulatory inconsistencies, and legal uncertainty.

The result is a regime spread across legal instruments adopted in different periods and for different sectors. This fragmentation can create inconsistencies in interpretation and implementation, reduce legal certainty, and complicate regulatory enforcement. In practice, such shortcomings may affect both environmental governance and the investment climate.

Recent reforms show that the legislature is still trying to strengthen environmental regulation. These include the adoption of new regulations governing environmental inspections and audits, as well as a revised Investment Law establishing environmental obligations for investors.⁷ At the same time, discussions concerning the modernization of the 1997 Environmental Law remain

¹ Decreto n.º 51/2024 de 17 de Julho, aprova o Regulamento sobre a Actividade de Fiscalização Ambiental [Decree No. 51/2024 of July 17 approves the Regulation on Environmental Inspection Activity]. *Boletim da República*. 17 de Julho de 2024. I Série. N. 138.

² Decreto n.º 45/2024, de 26 de Junho, aprova o Regulamento sobre o Processo de Auditoria Ambiental [Decree No. 45/2024, of June 26, 2024 approves the Regulation on the Environmental Audit Process]. *Boletim da República*. 26 de Junho de 2024. I Série. N. 123.

³ Decreto n.º 54/2015, de 31 de Dezembro, aprova o Regulamento sobre o Processo de Avaliação do Impacto Ambiental [Decree No. 54/2015 of December 31, 2015 approves the Regulation on the Environmental Impact Assessment Process]. *Boletim da República*. 31 de Dezembro de 2015. I série. N. 104.

⁴ Lei de Revisão do Código Penal [Penal Code Revision Law]. Lei n.º 24/2019 de 24 de Dezembro. *Boletim da República*. 24 de Dezembro de 2019. I Série. N. 248.

⁵ Decreto n.º 26/2004 de 20 de Agosto, aprova o Regulamento Ambiental para a Actividade Mineira [Decree No. 26/2004 of August 20, 2004 approves the Environmental Regulations for Mining Activity]. *Boletim da República*. 20 de Agosto de 2004. I Série. N. 33.

⁶ Decreto n.º 56/2010 de 22 de Novembro, aprova o Regulamento Ambiental para as Operações Petrolíferas [Decree No. 56/2010 of November 22, 2010 approves the Environmental Regulations for Mining Activity]. *Boletim da República*. 20 de Agosto de 2004. I Série. N. 46.

⁷ Lei de Investimentos [Investment Law]. Lei n.º 8/2023. *Boletim da República*. I série, n.º 111, de 09 de Junho de 2023.

ongoing.¹ Further clarification of institutional responsibilities and greater harmonization of environmental legislation therefore appear necessary.

Any assessment of Environmental Assessment regulation in Mozambique should also consider the role of international financial institutions, particularly the World Bank. The Bank has been an important source of financial and technical support for infrastructure and development projects in Mozambique and has contributed to the introduction of international environmental and social safeguards.

Projects financed through the World Bank's Investment Project Financing (IPF) are required to comply not only with applicable domestic law but also with the Bank's Environmental and Social Framework (ESF) and its Environmental and Social Standards (ESS). These standards address, inter alia, environmental and social risk management, resource efficiency and pollution prevention, community health and safety, biodiversity conservation and the sustainable management of living natural resources, stakeholder engagement, and access to information.²

Compliance with the Environmental and Social Standards often entails environmental and social requirements that exceed the minimum obligations imposed by domestic law. The World Bank's Environmental and Social Framework therefore not only strengthens the implementation of Environmental Assessment in specific projects [3] but also serves as an important normative reference for the future development of Mozambican environmental legislation and administrative practice.

Conclusions

The analysis above shows that Mozambique has made significant progress in building a legal framework for Environmental Assessment (*Avaliação do Impacto Ambiental*).

One of its principal strengths lies in the existence of a clear constitutional basis for environmental protection and in the incorporation of the fundamental principles and standards of international environmental law into the domestic legal order. In addition, the Environmental Law and the associated subsidiary regulations establish the mandatory nature of Environmental Assessment and provide its basic procedural framework.

At the same time, the analysis reveals a number of systemic weaknesses that call for further legislative reform. These include the continued reliance on outdated legal instruments and the insufficient systematization of

environmental legislation, which contribute to regulatory fragmentation, inconsistencies in implementation, and legal uncertainty. The existing framework also contains significant shortcomings relating to the practical implementation of public participation requirements, particularly the absence of mechanisms ensuring meaningful consideration of stakeholders' views in environmental decision-making.

To improve the effectiveness of Environmental Assessment in Mozambique, several measures appear necessary:

- conducting a comprehensive review of environmental legislation relevant to Environmental Assessment;
- revising and modernizing outdated legal instruments, particularly the Environmental Law of 1997;
- considering the adoption of a dedicated Environmental Assessment Law that would provide a unified legal framework;
- harmonizing and systematizing legislation containing overlapping provisions relating to Environmental Assessment;
- strengthening public participation, inter alia, through the introduction of digital participation mechanisms and by ensuring access to essential project documentation in local languages.

The implementation of these reforms would contribute to the establishment of a more coherent and effective Environmental Assessment regime, strengthen environmental governance, enhance biodiversity conservation, and promote a more predictable legal environment conducive to balancing environmental protection and sustainable economic development.

References

1. Castel-Branco C. N. *Economia Extractiva e Desafios de Industrialização em Moçambique* [Extractive Economy and Challenges of Industrialization in Mozambique]. Maputo: IESE, 2010. 320 p. (In Port.)
2. Condesso F. d. R. *Direito do Ambiente* [Environmental Law]. Coimbra: Livraria Almedina, 2001. 620 p. (In Port.)
3. Coutinho P. B. Environmental Management Practices for the Sustainable Development of a New City in Mozambique. *Brazilian Journal of Operations & Production Management*. 2018. Vol. 15. Issue 1. Pp. 112–126 (In Eng.) DOI 10.14488/BJOPM.2018.v15.n1.a10
4. Förderer M., Rödder, D., Langer, M.R. Patterns of Species Richness and the Center of Diversity in Modern Indo-Pacific Larger Foraminifera. *Sci. Rep.* 2018.

¹ MAAT – *Ministério da Agricultura, Ambiente e Pescas de Moçambique* [Mozambique's Ministry of Agriculture, Environment and Fisheries]. Governo lança processo de revisão da Política e Lei do Ambiente para reforçar a Gestão Ambiental e dos Recursos Naturais [Government launches process to revise Environmental Policy and Law to strengthen Environmental and Natural Resource Management]. Available at: <https://www.agricultura.gov.mz/governo-lanca-processo-de-revisao-da-politica-e-lei-do-ambiente-para-reforcar-a-gestao-ambiental-e-dos-recursos-naturais/>

² *Banco Mundial*. Quadro Ambiental e Social do Banco Mundial [World Bank Environmental and Social Framework]. 2016. 106 p. Available at: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/456161535383869508-0290022018/original/EnvironmentalSocialFrameworkPortuguese.pdf>

Issue 8, 8189. Pp. 1-11. (In Eng.) DOI 10.1038/s41598-018-26598-9

5. Manning C. *The Politics of Peace in Mozambique: Post-Conflict Democratization, 1992–2000*. Westport: Praeger, 2002. 248 p. (In Eng.)

6. Melo J. J. *Metodologias de Avaliação de Impactos Ambientais, Textos – Ambiente e Consumo* [Environmental Impact Assessment Methodologies, Texts – Environment and Consumption]. Vol. II. Lisboa: CEJ, 1996. 533 p. (In Port.).

7. Morrison-Saunders A. *Advanced Introduction to Environmental Impact Assessment*. 2nd ed. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2023. 210 p. (In Eng.).

8. Niquice A. R. *Indústria extractiva em África: benção ou maldição?* [Extractive industry in Africa: blessing or curse?]. Maputo: Prize Books, 2024. 395 p. (In Port.)

9. Oliveira F. M. G. de. *Direito ambiental* [Environmental Law]. 2nd ed. Rio de Janeiro: Forense; São Paulo: MÉTODO, 2017. 816 p. (In Port.)

10. Rebelo C., Guerreiro J. Comparative Evaluation of the EIA Systems in Kenya, Tanzania, Mozambique, South Africa, Angola, and the European Union. *Journal of Environmental Protection*. 2017. Vol. 8. Issue 5. (In Eng.) DOI 10.4236/jep.2017.85040

11. Sánchez L. E. *Avaliação de Impacto Ambiental: conceitos e métodos* [Environmental Impact Assessment: concepts and methods]. 2nd ed. São Paulo: Oficina de Textos. 2013. 362 p. (In Eng.)

12. Serra C. *Lições de Direito do Ambiente* [Lessons in Environmental Law]. Escolar Editora, 2023. 567 p. (In Port.)

13. Serra C. M., Cunha F. *Manual de Direito do Ambiente* [Environmental Law Manual]. 2nd ed. Maputo: Centro de Formação Jurídica e Judiciária (CFJJ), 2008. 718 p. (In Port.)

Информация об авторе:

О. А. Самарина

Кандидат юридических наук, профессор

Политехнический университет
Мозамбик, 1100, г. Мапуту,
проспект Пауло Самуела Канкомбы, 622

ORCID: 0009-0004-7118-5273

ResearcherID: QIT-3948-2026

About the author:

O. A. Samarina

Polytechnic University
622, av. Paulo Samuel Kankhomba, Maputo, 1100,
Mozambique

ORCID: 0009-0004-7118-5273

ResearcherID: QIT-3948-2026

III. ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Информация для цитирования:

Одинцов С. В., Грибановская М. С. Ограничение прав должника в банкротстве физических лиц и альтернативных процедурах в России и в Австралии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2026. Вып. 3(73). С. 431–449. DOI 10.17072/1995-4190-2026-73-431-449. EDN THOBRT

Odintsov S. V., Gribanovskaya M. S. Restrictions on Debtors' Rights in Personal Bankruptcy and Alternative Procedures in Russia and Australia. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2026. Issue 3(73). Pp. 431–449. DOI 10.17072/1995-4190-2026-73-431-449. EDN THOBRT (In Russ.)

УДК 347.736.4

DOI 10.17072/1995-4190-2026-73-431-449

EDN <https://elibrary.ru/thobrt>

EDN THOBRT

Ограничение прав должника в банкротстве физических лиц и альтернативных процедурах в России и в Австралии

Публикация подготовлена в рамках научной школы

«Компаративистика частного права и цивилистического процесса»

С. В. Одинцов

Российский университет дружбы народов

имени Патриса Лумумбы

E-mail: odintsov-sv@rudn.ru**М. С. Грибановская**

Брянский государственный университет

имени академика И. Г. Петровского

E-mail: gracefulmind@yandex.ru**Статья поступила в редакцию 15.01.2026**

Введение: выбранные для анализа правовые системы относятся к разным правовым порядкам, но при этом относительно схожи в части регулирования процедур банкротства физических лиц. Это вызывает научный интерес к поиску баланса интересов всех участников процесса банкротства, что в благоприятном сценарии должно обозначить постепенный отход от явно прокредиторской направленности. **Цель:** в рамках сравнительного анализа рассмотреть, каким образом современные системы банкротства физических лиц в относящихся к прокредиторской модели конкурсного права государствах регулируют ограничения для должников и какие последствия влекут такие ограничения; на основе проведенного исследования сформировать представление о подходах правового регулирования в Российской Федерации и в Содружестве Австралии к ограничению прав должников – физических лиц как в процедурах банкротства и альтернативных процедурах, так и после завершения процедур. **Методы:** использованы диалектический метод, метод системного и функционального анализа, юридико-догматический и сравнительно-правовой методы, формально-юридический анализ и метод правового моделирования и интерпретации (толкования) правовых норм. **Результаты:** в исследуемых государствах законодательство о банкротстве физических лиц предусматривает ограничения, влекущие экономические, социальные и правовые последствия для должника. Он воспринимается как потенциально недобросовестное лицо, способное причинить вред имущественным интересам кредиторов и общественным интересам. При этом отмечается, что ограничения носят универсальный характер и применяются ко всем должникам, независимо от их личных качеств. Отечественное

© Одинцов С. В., Грибановская М. С., 2026



Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

регулирование в ряде вопросов более строгое по отношению к должнику, но в некоторых аспектах (трудоустройство, судебная защита) более благоприятное для него. **Выводы:** авторы приходят к выводу, что в обеих юрисдикциях ограничения прав должника направлены на обеспечение баланса интересов и максимально возможного удовлетворения требований кредиторов, а также на устранение последствий недобросовестности должника и защиту общественных интересов. Ключевым выводом статьи является то, что ограничения прав должников и стигматизация банкротства в обеих странах противоречат доктрине «нового старта» и препятствуют реабилитации должника, его реинтеграции в экономическую среду. Предложены меры по совершенствованию российского законодательства, в том числе введение платы за доступ к информации о банкротстве и установление сроков её публичности.

Ключевые слова: банкротство физических лиц; неплатёжеспособность; ограничение прав; процедуры банкротства; модели конкурсного права; баланс интересов; стигматизация должника; «новый старт»

Restrictions on Debtors' Rights in Personal Bankruptcy and Alternative Procedures in Russia and Australia

Restrictions on Debtors' Rights in Personal Bankruptcy and Alternative Procedures in Russia and Australia

S. V. Odintsov

Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University)
E-mail: odintsov-sv@rudn.ru

M. S. Gribanowskaya

Bryansk State University
named after Academician I.G. Petrovsky
E-mail: gracefulmind@yandex.ru

Received 15 Jan 2026

Introduction: the legal systems selected for this study belong to different legal orders yet are relatively similar in their regulation of personal bankruptcy procedures. This arouses scholarly interest in finding a balance of interests of all participants in the bankruptcy process, which – in a favorable scenario – means a gradual departure from an explicitly pro-creditor orientation. **Purpose:** through a comparative analysis, to study how modern individual bankruptcy systems in states adhering to the pro-creditor model of bankruptcy law regulate restrictions on debtors, and what consequences such restrictions entail; to form an idea of the approaches adopted in the Russian Federation and in the Commonwealth of Australia to legal regulation of restrictions on the rights of individual debtors in bankruptcy proceedings and alternative procedures as well as after the completion of the procedures. **Methods:** the dialectical method, the method of systemic and functional analysis, the legal-dogmatic and comparative-legal methods, the formal-legal analysis, the method of legal modeling and interpretation of legal norms. **Results:** in the states under study, legislation on personal bankruptcy provides for restrictions that entail economic, social, and legal consequences for debtors. The debtor is perceived as a potentially dishonest party capable of harming creditors' proprietary interests and public interests. The restrictions are universal and apply to all debtors, regardless of their personal qualities. Russian regulation is stricter in relation to debtors in a number of aspects, but is more favorable for them in some others (employment, judicial protection). **Conclusions:** in both jurisdictions, restrictions on the debtor's rights are aimed at ensuring a balance of interests and the maximum possible satisfaction of creditors' claims, as well as at eliminating the consequences of the debtor's bad faith and at protecting public interests. The key conclusion of the article is that restrictions on the debtors' rights and the stigmatization of bankruptcy in both countries contradict the "fresh start" doctrine and hinder debtors' rehabilitation and reintegration into the economic environment. The paper proposes measures to improve Russian legislation, including the introduction of fees for access to bankruptcy information and the establishment of timeframes for its public disclosure.

Keywords: personal bankruptcy; insolvency; restrictions on rights; bankruptcy procedures; bankruptcy law models; balance of interests; stigmatization of the debtor; "fresh start"

Введение

Институт банкротства физических лиц в том или ином виде присутствует во всех развитых странах, в то же время функционирует он по-разному: отличаются признаки банкротства, процедуры, применяемые в деле о банкротстве, права, обязанности и ограничения должника в ходе этих процедур и по их завершении, полномочия лиц, управляющих активами должника и администрирующих соответствующие процедуры и др.

Несмотря на то что наказание должника, как санкционное воздействие в результате его неплатежеспособности, не является целью законодательства о банкротстве физических лиц в Содружестве Австралии (the Commonwealth of Australia, далее – Австралии) и Российской Федерации (далее – России), определенные элементы ограничительной политики в отношении банкротов всё же прослеживаются, что просистекает в том числе из исторического развития каждого государства. Так, стоит упомянуть «*cessio bonorum*» – конструкцию, порожденную римским правом, предполагающую передачу (уступку) имущества неплатежеспособного должника его кредиторам, что при этом не означало освобождения от ответственности, если только передаваемого имущества не было достаточно для данной цели, но это защищало должника от тюремного заключения или любого физического наказания, а также от позора. Небезынтересно и то, что данная возможность аннулировать свои долги в пределах переданного кредиторам имущества нашла отражение и в шотландском законодательстве о несостоятельности, то есть освобождала должника исключительно в размере уступленного имущества, и если его не было достаточно для полного погашения задолженности, то он оставался ответственным за разницу [23, с. 698–700, 704, 706–707].

Фактически современное российское правовое регулирование несостоятельности тяготеет к прокредиторской модели конкурсного права (вопрос весьма неоднозначный и спорный [1, с. 63–64]), как и банкротное законодательство Австралии, при этом отдельные нормы демонстрируют попытки законодателей обратить внимание на защиту интересов не только кредиторов, но и должника.

Формирование современных систем банкротства физических лиц, включая так называемого «потребительского банкротства», происходило различными путями. В Австралии проводилось реформирование существующего законодательства о банкротстве физических лиц с целью адаптирования к потребностям потребителей с чрезмерной задолжен-

ностью, в то время как в России банкротство физических лиц и погашение задолженности изначально были недоступны для должников, не являющихся юридическими лицами, и положения об облегчении бремени задолженности потребителей были введены с 1 октября 2015 г. в качестве нового правового инструмента, а до этого момента положения гражданского законодательства распространялись лишь на физических лиц, обладающих статусом индивидуального предпринимателя¹.

В последние годы правовая доктрина и судебная практика каждой из исследуемых юрисдикций рассматривает цели банкротства физических лиц через призму баланса интересов, максимизации выгоды для всех участников процесса банкротства, что в благоприятном сценарии должно обозначить постепенный отход от явно прокредиторской направленности банкротства в пользу определенной либерализации и учета интересов и должника, но, к сожалению, темпы таких изменений всё еще медленные. Процедуры, применяемые в делах о банкротстве физических лиц, влекут для должника не только финансовые последствия, но и социальные, и даже психологические, что приводит к вопросу о допустимости и необходимости ограничения его прав с целью максимально возможного удовлетворения требований его кредиторов. Необходимость и допустимость таких ограничений вызывает дискуссии как среди ученых – правоведов, экономистов, социологов, так и среди практикующих юристов, а также представителей различных государственных органов, ведомств, финансовых организаций.

Настоящее исследование направлено на рассмотрение отдельных проблемных вопросов, связанных с таким последствием применения банкротных процедур, как ограничение прав должника – физического лица, в сравнительно-правовом аспекте с целью поиска оптимального правового регулирования банкротства физических лиц. Авторы анализируют правовые порядки, которые относятся к разным правовым системам, но при этом на федеральном уровне в них в определенной мере существуют аналогичные законодательные подходы (статутного права) регулирования банкротных процедур физических лиц, что представляет особый научно-практический интерес. В рамках сравнительного правоведения для анализа авторы избрали австралийскую прокредиторскую модель конкурсного права ввиду усматриваемой схожести с актуальной российской правоприменительной практикой, а также в силу недостаточной изученности, в отличие от иных юрисдикций англосаксонской системы права.

¹ Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 29 июня 2015 г. № 154-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2015. № 27, ст. 3945.

1. Ограничение прав несостоятельного должника в России

Действующее российское законодательство в рамках банкротства граждан предусматривает две судебные процедуры – реструктуризацию долгов и реализацию имущества. Цель в каждой процедуре своя [17, с. 1]. Первая процедура используется для восстановления платежеспособности должника и погашения задолженности перед кредиторами в соответствии с планом реструктуризации задолженности. Целью второй процедуры является соразмерное удовлетворение требований кредиторов физического лица и освобождение его от долгов. Хотя обе процедуры позиционируются как реабилитационные, вторая не имеет своей целью восстановление платежеспособности.

Каждая из этих процедур предусматривает определенные ограничения для должника, связанные, например, с ограничением возможности совершать сделки, свободно распоряжаться собственным имуществом или ограничением выезда из России (последнее возможно при признании гражданина банкротом) – для целей защиты прав и имущественных интересов кредиторов, обеспечения возможности удовлетворения их требований, и это направлено на соблюдение баланса интересов должника и кредиторов, поскольку банкротство граждан является экстраординарным способом освобождения от долгов, как неоднократно отмечалось в судебной практике. Новая процедура внесудебного банкротства не стала исключением, поскольку предусматривает ограничения для должника по совершению сделок. Ряд ограничений предусматривается и по завершении процедур, например, на участие в управлении юридическими лицами, на заключение кредитных договоров и договоров займа.

Некоторые представители отечественной доктрины сходятся во мнении, что законодатель связывает с введением процедур в деле о банкротстве наступление ряда правовых последствий, в том числе направленных на ограничение дееспособности должника [13, с. 38]. Вместе с тем в России законодатель прямо не раскрывает характер дееспособности гражданина, являющегося должником в деле о банкротстве, и вывод о наличии ограничения дееспособности следует из анализа ряда норм гражданского законодательства (ст. 21, 22, 25 Гражданского кодекса РФ) и законодательства о банкротстве (ст. 213.11, 213.24, 213.30 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», далее – Закона о банкротстве 2002 г.). Такое ограничение связывается непосредственно с последствиями введения в отношении гражданина одной из процедур, применяемых в деле о банкротстве. Так, И. С. Зубарев отмечает, что при признании физического лица банкротом «суд лишает его права распоряжаться своими правами и назначает управляющего» [34, с. 44]. Справедливым представляется

утверждение С. Б. Полич о необходимости разграничения ограниченно дееспособных должников и лиц, дееспособность которых ограничена по «медицинским основаниям» [13, с. 38], вместе с тем спорным, на наш взгляд, является мнение о единых пределах ограничения дееспособности банкротов и лиц, страдающих игровой, алкогольной, наркотической зависимостями ввиду их единой проблемы – «социального расстройства» [12, с. 322]. С нашей точки зрения, говоря о каком бы то ни было расстройстве, прежде всего, имеют в виду объективную проблему, не зависящую от воли человека, в то время как банкротство физического лица может быть как следствием его действий (либо отсутствия таковых), как волевых, так и нет, а может быть следствием стечения неблагоприятных обстоятельств, совершенно не связанных с волей гражданина, в отношении которого введена одна из процедур. Проблема неплатежеспособности не всегда привязана к личности конкретного должника, не является его «патологией» и может не быть его выбором, поэтому не считаем верным проводить подобные параллели и использовать для решения вопроса об ограничении дееспособности граждан предлагаемый автором критерий «степени социального расстройства гражданина – банкрота». Критерия добросовестности должника было бы вполне достаточно.

Некоторые исследователи сопоставляют действия финансового управляющего, с одной стороны, и попечителя (в терминологии австралийского законодателя – администратора (administrator) либо доверительного управляющего (trustee)) – с другой, сравнивая ограничение дееспособности при банкротстве граждан с ограничением дееспособности по статье 30 Гражданского кодекса РФ [3, с. 70–71]. Точка зрения интересная, но подобная параллель подходит не к любому типу должников в силу различных причин их банкротства и не отвечает целям попечителя и арбитражного управляющего [16, с. 17–19]. Здесь кроется одно из важных различий между ограничением дееспособности в привычном понимании и ограничением прав должника в деле о банкротстве. Ограниченную дееспособность можно восполнить действиями других лиц. Должнику же, в свою очередь, это недоступно, и если признать, что ограничения при несостоятельности являются ограничением дееспособности, то должник оказывается в более уязвимом положении, чем лицо, ограниченное в дееспособности.

Следует отметить, что в литературе есть мнение и о том, что введение процедур банкротства в отношении граждан влечет также ограничение правоспособности. Так, например, некоторые исследователи полагают, что ограничение правоспособности присутствует при банкротстве как юридических лиц, так и физических, и ограничением правоспособности является запрет на совершение сделок, а ограничением дееспособности – необходимость получения разрешения арбитражного управляющего на их совершение [14, с. 74].

Не согласимся с данной точкой зрения, поскольку, во-первых, представляется некорректным проводить аналогию между правоспособностью физических лиц и юридических в силу принципиальных отличий (объем, момент возникновения, характер), что уже неоднократно отмечалось в юридической литературе [11, с. 16, 25–26, 36]. Во-вторых, предусмотренные Законом о банкротстве 2002 года временные ограничения для должника преимущественно относятся к приобретению прав и обязанностей своими действиями, посредством совершения различных сделок, а не к его возможности иметь определенные права (не приобретать их, а иметь), которая возникает у каждого физического лица в силу рождения. Должник не теряет право заключать сделки как таковое, но лишь временно не может приобретать и осуществлять права, создавать для себя обязанности путем совершения определенных сделок. Например, обязательства по кредитному договору или договору займа он не вправе на себя принять, не указав на факт своего банкротства.

Если же говорить об ограничении участия в органах управления юридических лиц как о последствии признания гражданина банкротом, то в данном случае также ограничивается возможность бывшего должника приобретать права и создавать новые обязанности своими действиями либо возможность реализовывать существующие права самостоятельно, то есть дееспособность. При этом, с одной стороны, законодатель прямо не конкретизирует, о каких органах управления идет речь – исполнительном и/или высшем органе, но с другой – формулировка пункта 3 статьи 213.30 Закона о банкротстве 2002 года «иным образом участвовать в управлении юридическим лицом» является обобщающей. Возможность участия лица в исполнительных органах управления – это право, приобретаемое им своей волей, то есть относится к дееспособности. Вместе с тем если лицо уже является, к примеру, акционером или членом потребительского кооператива либо наследует долю в ООО, то формально становится членом высшего органа управления (общего собрания общества), но исходя из логики законодателя оно не вправе осуществлять корпоративные права или использовать свое право на владение имуществом. Более того, разделение имущественных и корпоративных прав в акциях невозможно по смыслу законодательства об акционерных обществах (если речь идет, к примеру, не об инвестиционных/корпоративных токенах, «investment» / «corporate» tokens» [20, с. 30]). И ограничение права на осуществ-

ление корпоративных прав в таком случае тоже является ограничением дееспособности, которое должник может восполнить путем передачи акций или доли в доверительное управление другому лицу. При этом с последствиями несостоятельности (банкротства) одного лица наступают последствия для другого, самостоятельного субъекта – уже юридического лица, особенно если бывший должник (физическое лицо) был единственным участником. Вместе с тем нельзя не отметить, что в судебной практике встречается мнение о том, что положения статьи 213.30 Закона о банкротстве 2002 года являются ничем иным, как ограничением правоспособности¹. «Некоторые суды указывают, что приобретение статуса банкрота подразумевает весьма существенные ограничения прав гражданина – как личных, так и имущественных» [24, с. 75].

Необходимо обратить внимание на позицию отдельных авторов, которые в отношении физического лица используют (возможно, как экономическую категорию) понятие несостоятельности. В частности, И. В. Фролов отмечает особый правовой режим трансформации правосубъектности несостоятельного гражданина, который выражается в ограничении объема реализации правоспособности гражданина (например, запрет на выезд) и специальных моделях ограничения дееспособности гражданина (запреты и ограничения на юридически значимые действия с имуществом и имущественными правами) [16, с. 22].

Таким образом, полагаем, что при банкротстве граждан речь идет не об ограничении правоспособности, а об ограничении в реализации лишь некоторых прав в рамках отдельных элементов таковой через ограничение дееспособности должника, ведь должник не лишается права заключать сделки вообще или участвовать в обязательствах, не лишается права заниматься определенной деятельностью в целом, не лишается возможности иметь имущество на праве собственности и др. Это согласуется с такими признаками правоспособности, как неотчуждаемость и абстрактность, поскольку, как, безусловно, верно указывает О. А. Кузнецова, «нормативные понятия (категории права) в идеале должны соответствовать правовым категориям» [8, с. 17].

Согласимся с критикой наложения ограничений на должника в случае прекращения производства по делу о банкротстве, в том числе, например, в силу абзаца 8 пункта 1 статьи 57 Закона о банкротстве 2002 года при отсутствии средств на возмещение судебных расходов на проведение процедур, приме-

¹ См., например: Определение Верховного Суда РФ от 7 октября 2022 г. № 307-ЭС22-11479 по делу № А56-89726/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Определение Верховного Суда РФ от 19 августа 2022 г. № 307-ЭС22-10002 по делу № А56-86357/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 22 марта 2022 г. № Ф01-495/2022 по делу № А28-3393/2021 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 19 июля 2023 г. № Ф04-2707/2023 по делу № А03-15386/2022 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

няемых в деле о банкротстве [12, с. 319–320], поскольку процедуры в отношении должника так и не были проведены, не произошло ни восстановления платежеспособности, ни удовлетворение требований кредиторов, ни погашение долгов, а права должника тем не менее подлежат ограничению, чего не произошло бы, не попытайся он разобраться со своим финансовым положением, пусть и с помощью процедур банкротства. Иными словами, обращение к процедурам банкротства при отсутствии средств на их проведение может усугубить и без того плачевное положение должника. Это противоречит принципу равенства участников гражданских правоотношений и не отвечает современной мировой тенденции ориентирования на баланс интересов и реабилитацию должника, как экономическую (восстановление платежеспособности), так и социальную (отсутствие общественного порицания), а не только на имущественные права кредиторов. Ограничения, действующие для должников – физических лиц в процессе банкротства, регламентируются статьями 213.11 и 213.25 Закона о банкротстве 2002 года и отличаются в зависимости от процедуры, применяемой в деле о банкротстве. Ряд ограничений предусмотрен и по завершении или прекращении банкротства (ст. 213.30 Закона о банкротстве 2002 г.).

Авторы, рассматривающие запреты для должника-гражданина в процессе банкротства как ограничения право- и дееспособности, дифференцируют их на две соответствующие группы. Так, к ограничивающим правоспособность относят, например, запрет на совершение ряда сделок – при введении процедуры реструктуризации долгов, запрет на выезд (может быть наложен судом и только при наличии веских оснований полагать, что должник таким образом может попытаться скрыться сам или скрыть имущество) – в процедуре реализации имущества, запрет на участие в управлении юридическим лицом – по завершении или прекращении процедуры и др. К ограничивающим дееспособность – ограничения для должника в ходе процедуры реструктуризации долгов, связанные с необходимостью получить согласие финансового управляющего (например, по передаче имущества в залог, или по получению займов и кредитов), а также ограничения по осуществлению всех прав на имущество должника, составляющее конкурсную массу, – в процедуре реализации имущества.

Некоторые авторы разделяют ограничения, налагаемые на физическое лицо в процессе банкротства без учета того, ограничением правоспособности или дееспособности они являются. Так, Н. А. Васильева выделяет ограничение права на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны (сбор финансовым управляющим информации о должнике и его семье), ограничение права собственности (утрата должником возможности реализации прав собственника в отношении своего имущества в процедуре реализации имущества), ограничение

права на жилище (возможность продажи единственного жилья гражданина и предоставления ему альтернативного жилья), а также права на свободное перемещение (речь идет о праве суда вынести определение о временном ограничении должнику – гражданину права на выезд, которое действует до даты завершения или прекращения производства по делу о банкротстве) [4, с. 49–52].

И. В. Фролов предлагает классификацию, исходя из процедур, в которых устанавливаются ограничения для должника, а также с учетом характера ограничений. Так, в процедуре реструктуризации долгов гражданина он выделяет запреты на совершение отдельных категорий юридически значимых действий (совершение безвозмездных для «несостоятельного» гражданина сделок, внесение имущества в качестве вклада / паевого взноса в уставный капитал / паевой фонд юридического лица, приобретение доли/акции/пая) и специальные ограничения в отношении сделок, совершение которых допускается лишь с письменного согласия и под контролем финансового управляющего (приобретение или отчуждение имущества стоимостью свыше 50 тыс. руб., недвижимого имущества, транспортных средств, ценных бумаг, долей в уставном капитале, получение и выдача займов, получение кредитов, выдача поручительств и гарантий, уступка требования, перевод долга, учреждение доверительного управления имуществом должника, передача его в залог). В процедуре реализации имущества гражданина автор рассматривает систему прямых запретов, таких как, например, запрет на осуществление гражданином лично всех прав и сделок в отношении конкурсной массы и составляющего ее имущества, запрет на распоряжение средствами на счетах и вкладах, на открытие и закрытие счетов и вкладов в кредитных организациях, запрет на реализацию корпоративных прав, гражданско-процессуальных прав в судебных делах, касающихся его имущественных прав, запрет на регистрацию перехода или обременения прав на имущество, в том числе на недвижимость и бездокументарные ценные бумаги, а также запрет принимать исполнение третьими лицами обязательств перед должником по передаче ему имущества, включая обязательства по уплате денежных средств.

По завершении в отношении гражданина процедуры реализации имущества или при прекращении производства по делу о банкротстве в ходе данной процедуры предусматриваются запреты и ограничения (они действуют лишь на определенный регламентированный законом период времени), такие как, например: запрет принимать на себя обязательства по кредитным договорам, договорам займа без указания на факт своего банкротства, запрет на повторное банкротство по инициативе должника, отказ в освобождении от долгов при повторном банкротстве, запрет занимать должности в органах управления юридического лица или иным образом участвовать в управлении юридическим лицом и др.

Стоит также упомянуть о том, что информация о банкротстве физических лиц не только находится в публичном доступе, но и остается публичной бессрочно, причем предоставляется любым лицам на безвозмездной основе. Сведения о банкротстве граждан, публикуемые в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве (далее – ЕФРСБ), содержат как подробную информацию о самом процессе несостоятельности (банкротства), так и персональные данные физических лиц. В частности, ЕФРСБ дает возможность любому лицу узнать ИНН, СНИЛС, дату и место рождения, место проживания должника, сведения о том, занималось ли лицо предпринимательской деятельностью, реквизиты ИП, сведения о вынесенных судебных актах, об имуществе и о реализации имущества, о наличии или об отсутствии признаков преднамеренного или фиктивного банкротства, обременения, членстве в саморегулируемой организации, наличии лицензий и пр.

Иными словами, общедоступным становится огромный пласт информации о должнике, причем не только сведения о его финансовом положении, но и персональные данные. Для целей нашей статьи нас больше интересует доступность информации о факте банкротства должника, поскольку такая доступность способствует собственно ограничению его прав. Подавляющее большинство запретов, налагаемых на должника, обеспечивается публичным доступом к информации о его банкротстве. Вместе с тем доступность этих сведений может негативно влиять и на возможность трудоустройства должника / бывшего должника в целом, и на его карьеру у конкретного работодателя. Любой работодатель при желании может ознакомиться с информацией и принять решение не в пользу бывшего должника – при решении вопроса о принятии на работу, особенно на ответственную должность, при принятии решения о переводе на другую должность. То же самое можно сказать и о потенциальных контрагентах – могут появиться сложности с наймом жилья, заключением различного рода сделок, где другая сторона вправе выбирать контрагента.

Неограниченная доступность информации о должниках и бывших банкротах лишь способствует стигматизации банкротства (независимо от причин, от добросовестности должника), минимизируя положительные для должника последствия, противореча поддерживаемой большинством цивилизованных обществ концепции «нового старта» (fresh start).

Таким образом, законодательство о несостоятельности (банкротстве), с одной стороны, предлагает несостоятельному должнику решить сложности с его долгами (иными словами, облегчение долгового бремени) путем достижения соглашения с кредиторами о порядке уплаты такой задолженности, о

рассрочке и/или об отсрочке платежей, восстановить его платежеспособность либо лишиться части имущества (или даже всего имущества), чтобы погасить задолженность настолько это возможно, и избавиться от остальной задолженности. С другой же стороны, должнику необходимо претерпеть целый ряд ограничений его прав в рамках действующих процедур, применяемых в деле о банкротстве. Некоторые ограничения направлены на обеспечение баланса интересов и максимально возможное удовлетворение требований его кредиторов (речь идет об ограничениях в период проведения соответствующих процедур, например ограничения по сделкам), другие же, предусмотренные после завершения в отношении гражданина процедуры реализации имущества или прекращения производства по делу о банкротстве, направлены на защиту общественных интересов, в первую очередь экономических.

Иными словами, российский законодатель охраняет имущественные интересы кредиторов от возможного недобросовестного поведения должника, а после ограждает других субъектов от взаимодействия с бывшим банкротом (кредитные организации и иные субъекты могут отказать в заключении договора займа или кредитного договора, узнав об имевшем место факте банкротства потенциального контрагента; бывший банкрот не сможет участвовать в управлении юридическим лицом и привести его к краху, как, впрочем, и наоборот, вывести бизнес на новый уровень, научившись на своих ошибках; злостный должник не сможет инициировать собственное банкротство повторно, как и неудачливый, а если повторное банкротство не будет добровольным, то от долгов его всё же не освободят). Безусловно, ограничения временные, но вместе с тем складывается впечатление, что они направлены в первую очередь на недобросовестных должников, хотя ни для кого не секрет, что есть разные категории должников и причины банкротства у них разные – от нежелания исполнять обязательства до независимых от должника причин, связанных, например, с трудоустройством, болезнью, а то и вовсе с экономическим кризисом, на который должник повлиять никак не мог.

2. Ограничение прав должника в Австралии

В Австралии банкротство физических лиц и способы управления несостоятельностью/неплатежеспособностью регулируются Законом о банкротстве (Bankruptcy Act) 1966 года (Cth)¹, распространяющим свое действие согласно статье 8 на всю территорию государства (за исключением нематериковой австралийской самоуправляемой территории – острова Норфолк (Norfolk Island), где действует отдельный закон (Bankruptcy Act 2006 г.))². Австралийский закон

¹ Australian Bankruptcy Act 1966 (version 14 October 2024) // Legislation.gov.au. Available at: URL: <https://www.legislation.gov.au/C1966A00033/latest/text>

² Norfolk Island's Bankruptcy Act 2006 // Legislation.gov.au. Available at: URL: <https://www.legislation.gov.au/C2015Q00084/latest/text>

(далее – Закон о банкротстве 1966 г.) помимо процедуры банкротства предусматривает две альтернативы – личное соглашение о несостоятельности (personal insolvency agreement) и долговое соглашение (debt agreement), но при этом физические лица чаще всего прибегают именно к банкротству, несмотря на отмечаемую исследователями финансовую доступность альтернативных процедур, в том числе для должников с низким уровнем дохода [19, с. 489–490]. Обе альтернативные процедуры предоставляют должнику возможность прийти к соглашению с кредиторами без вступления в банкротство. При этом в долговом соглашении, которое может предполагать шестимесячную заморозку погашения задолженности (ст. 185 Закона о банкротстве 1966 г.), устанавливаются ограничения по долгам, активам или доходам, которым должник должен соответствовать, а в личном соглашении о несостоятельности такие ограничения отсутствуют. Кроме того, при подаче заявления о личном соглашении о несостоятельности должник обязан назначить в рамках соглашения контролирующего доверительного управляющего (controlling trustee of the agreement) для управления своим имуществом, в частности таковым может быть лицо со статусом адвоката (solicitor), определить имущество и условия, на которых оно должно быть доступно для погашения требований кредиторов, то есть предложить план погашения долга (ст. 188, 188А Закона о банкротстве 1966 г.). К основным обязанностям и полномочиям контролирующего доверительного управляющего относятся действия по немедленному взятию под контроль имущества и дел должника с целью распоряжения имуществом последнего любым способом, который, по его мнению, отвечает интересам кредиторов, а также действия по проведению расследования и проверки в отношении имущества должника (ст. 190 Закона о банкротстве 1966 г.). При банкротстве должника после подписания соглашения о несостоятельности отменяются или прекращаются «любые неоплаченные обязательства, понесенные добросовестно, и неоплаченные затраты, осуществленные по доброй воле, при аннулировании контракта или любой договоренности, заключенных доверительным управляющим или должником, а также любые расходы, целесообразно и добровольно осуществленные, при аннулировании контракта или любой договоренности, заключенных доверительным управляющим, являющиеся расходами, которые не были возмещены» [10, с. 62].

Имущество признанного банкротом лица (за некоторыми установленными законом исключениями) передается доверительному управляющему (trustee) для управления и реализации с целью извлечения максимального дохода для осуществления выплат кредиторам. За некоторыми исключениями, все долги и денежные обязательства должника на момент признания его банкротом являются «доказуемыми в деле о банкротстве» [10, с. 54–55].

Законодательство о банкротстве в Австралии строится по так называемой «модели ограничений» [25, с. 9–10, 13–14], поскольку рассматривает предполагаемое отклонение должника от нормы как нарушение общественного порядка и социальных норм и при этом реагирует различными (политическими, экономическими и гражданскими) санкциями и ограничениями для должников во время и после банкротства, подчеркивая важность защиты общества от должника. Еще Э. Каденс отмечала, что желание мести и расплаты для должника хотя и не являлось целью банкротства, но «повлияло на отношение к банкротам кредиторов и общества в целом» [28, с. 1304]. Основной целью режима банкротства физических лиц в Австралии является восстановление экономических возможностей должника, предоставление возможности начать всё сначала в виде освобождения от обязательств (так называемый «новый старт» (fresh start)), второй важнейшей целью – распределение имущества должника самым оперативным, равноправным и экономичным образом [26, с. 47]. Этим целям подчиняются различные процедуры в рамках персонального банкротства. Концепция «нового старта» возникла в США и изначально была направлена на спасение бизнеса железнодорожных компаний, но постепенно была воспринята во многих развитых странах, включая Австралию [29]. Вместе с тем, как указывается в доктрине, концепция «нового старта» в Австралии ориентирована больше на погашение задолженности, чем на реабилитацию должника [26, с. 38]. Тем не менее исследователи [21, с. 396] отмечают и положительную тенденцию постепенного ухода от такой цели, как наказание должника.

Регулирование банкротства физических лиц в Австралии претерпевает изменения, стремясь соблюсти баланс между интересами должника и кредиторов, ориентируясь на стоящие перед банкротным законодательством цели. Вместе с тем исторически сложившаяся тенденция к стигматизации банкротства накладывает свой отпечаток. Исследователи отмечают, что «банкротство остается источником значительной стигматизации в Австралии, влекущей за собой ряд серьезных правовых, экономических и социальных последствий» [18, с. 1613]. Беспокойство политиков упрощением доступности банкротства и ослаблением стигматизации банкротств приводит, как правило, к усложнению процедур, усилению обременений для должников, например, к отмене возможности досрочного освобождения от долгов в рамках банкротства, предоставляемой некоторым должникам с 1992 по 2003 год, поскольку такая возможность не способствовала урегулированию задолженности путем заключения соглашений с кредиторами и улучшению навыков должника по управлению своими финансами и обязательствами [27, с. 1530].

В Австралии ограничения в отношении должника не рассматриваются как ограничение правоспособности или дееспособности, правовая наука рассматривает их как ограничения прав (legal restrictions), относя к ним дисквалификацию, экономические ограничения (например, запрет на управление компанией), политические (например, запрет голосовать или занимать выборные должности) или гражданские (например, запрет покидать страну).

Стоит отметить, что некоторые из альтернатив банкротству (неофициальные договоренности, долговые соглашения, соглашения о личной неплатежеспособности) в Австралии влекут такие же последствия, как и при банкротстве. Эти последствия могут повлиять на способность человека сохранять работу, занимать определенные должности и работать в определенных ведомствах и, конечно же, получать кредиты.

Факт банкротства или введения иных процедур в деле о банкротстве регистрируется в Национальном реестре «Индекс личной неплатежеспособности» (National Personal Insolvency Index, далее – NPII)¹, который может публиковаться в отраслевых журналах и местных газетах. Национальный индекс неплатежеспособности физических лиц содержит постоянную информацию обо всех банкротствах, но поиск по этому реестру требует уплаты сбора (15 австралийских долларов). В нем указаны имя, адрес и дата рождения должника, род занятий, а также контактные данные управляющего при банкротстве и текущий статус банкротства, но не содержится подробной информации об активах, доходах или конкретных долгах должника, погашенных при банкротстве. При этом запись о банкротстве хранится неограниченное время, а по другим процедурам – удаляется по прошествии времени [22, с. 9–10]. Данное правило призвано мотивировать должников выбирать процедуры, позволяющие кредиторам получить большее возмещение по задолженности. Так, например, если должник заключает долговое соглашение, то он, в отличие от лица, признанного банкротом, не ограничивается в свободе передвижения, не лишается возможности управлять корпорацией, права занимать место в парламенте, права занимать официальную должность или быть членом органа власти, а также не ограничен в продолжении или начале судебного разбирательства [31, с. 13].

В соответствии с Законом о корпорациях 2001 года (ст. 206В п. (3)–(4))² несостоятельный банкрот, бывший банкрот, не освобожденный от долгов, и лицо, заключившее соглашение о личной неплатежеспособности в соответствии с частью X Закона о банкротстве 1966 года или аналогичного закона иностранного государства, если условия соглашения были

соблюдены не в полной мере, отстраняется от управления корпорацией, то есть не может быть должностным лицом (officers), директором, учредителем (promoter) или управляющим корпорации без разрешения суда.

В целом ограничения в сфере профессиональной деятельности и трудоустройства для должника можно разделить на две группы:

- ограничения, препятствующие трудоустройству в ряде профессий – часть действуют на период банкротства, а часть распространяется на период после;

- ограничения, в отношении ряда профессий предполагающие необходимость доводить информацию о банкротстве до сведения работодателя или профессионального сообщества (преподавательский состав, школьная администрация и вспомогательный персонал, работники пассажирского транспорта и др.).

В совокупности с обязательной регистрацией факта банкротства в NPII и при отсутствии запрета на использование работодателями (в том числе потенциальными) информации о неплатежеспособности для принятия решений о трудоустройстве, увольнении, продвижении по службе, доступе к пособиям, связанным с трудоустройством и т. д., указанные ограничения могут привести к неблагоприятным последствиям для трудоустройства должника, банкрота и бывшего банкрота.

Примечательно, что ограничения на трудоустройство для банкротов вводятся преимущественно не законодательством о банкротстве, а отраслевым законодательством, нормативными актами и профессиональными правилами на уровне всего Содружества или штата (территории), причем исчерпывающего перечня таких ограничений нет, они отличаются в разных штатах. Австралийское правительственное агентство финансовой безопасности (The Australian Financial Security Authority/AFSA) размещает лишь примерный перечень на своем сайте³. К профессиям, которые под запретом для банкротов, например, относят руководителей корпораций, лиц, выступающих доверительными управляющими, членов парламента, высокопоставленных госслужащих, мировых судей, автодилеров, агентов по недвижимости и др. В иных случаях решение о возможности бывшего банкрота заниматься определенной деятельностью (в частности, в сферах производства, горнодобывающей промышленности, инжиниринга, консалтинга – юридического, налогового, бухгалтерского, банковского аудита, оценки, логистических и риэлтерских услуг, образования, госуправления) принимает уполномоченное на то лицо (специальная комиссия, орган управления, правление и проч.), причем учитываются конкретные обстоятельства банкротства (а не сам факт банкротства), его

¹ См.: National Personal Insolvency Index // Australian Financial Security Authority [website]. URL: <https://www.afsa.gov.au/online-services-help/bankruptcy-register-search/national-personal-insolvency-index-npii>

² Corporations Act 2001 // Legislation.gov.au. URL: <https://www.legislation.gov.au/C2004A00818/2024-09-24/text>

³ См.: Employment restrictions // Australian Financial Security Authority [website]. URL: <https://www.afsa.gov.au/i-cant-pay-my-debts/bankruptcy/consequences-bankruptcy/employment-restrictions>

причины, а также личностная характеристика должника. При этом следует указать, что такое дискреционное право может быть оспорено в суде.

В австралийской правовой доктрине исследуется негативное влияние стигматизации банкротов на перспективы трудоустройства и на текущую трудовую деятельность банкротов и бывших банкротов, такая стигматизация противоречит цели «нового старта» и препятствует реабилитации должника, возвращению его в экономику [27]. Отмечается возможность негативного влияния известности факта неплатежеспособности на ведение бизнеса, трудоустройство и аренду (предоставление) жилья. Общедоступность данной информации часто оказывает неблагоприятное воздействие на должников, снижая их способность улучшить свое финансовое положение, а также положение в сфере трудоустройства или деловое положение в бизнесе после завершения процедур управления неплатежеспособностью, облегчая дискриминацию должника [22, с. 6–8]. При этом Всемирный банк в своем Отчете от 2013 года¹ предположил, что одной из основных целей системы банкротства физических лиц является восстановление экономических возможностей должника (условно его финансовое оздоровление), причем только погашения задолженности недостаточно, необходимо также соблюдение принципа недискриминации по отношению к должнику.

Помимо вышеуказанных ограничений, признанные банкротами лица обязаны раскрывать свой статус банкрота при совершении определенных сделок на сумму от 3 тыс. австралийских долларов (получение кредита, заключение договора купли-продажи в рассрочку, получение товаров или услуг от физического лица путем предоставления простого и переводного векселя, чека или обещания оплатить товары или услуги и др.), а также при ведении бизнеса под вымышленным именем, от имени другого лица или под названием фирмы (ст. 269(1) Закона о банкротстве 1966 г.). Такое ограничение действует на период нахождения в процессе банкротства и призвано защитить потенциальных контрагентов от действий должника. Факт банкротства, безусловно, влияет и на кредитную историю, и на кредитный рейтинг, а недоверие к банкротам ввиду их невозможности исполнить принятые на себя обязательства влечет в Австралии полное прекращение предпринимательской карьеры после банкротства.

У должника может быть сберегательный счет, но большинству банков требуется согласие доверительного управляющего (trustee). Никаких ограничений на сумму дохода, который банкрот может

накопить на своем банковском счете во время банкротства, не установлено. Но если денежные средства будут использованы для покупки актива, который не является защищенным (например, акций корпорации), управляющий может истребовать такие активы в качестве имущества, приобретенного после признания должника банкротом и подлежащего реализации для удовлетворения требований кредиторов.

Интересное правило предусмотрено для участия банкротов в судебных разбирательствах. Закон о банкротстве 1966 года предусматривает, что исковое производство по заявлению лица, признанного впоследствии банкротом, приостанавливается до получения письменного решения доверительного управляющего о возбуждении судебного преследования или прекращении действия иска (ст. 60(2)). Доверительный управляющий должен действовать разумно, принимая решение о том, следует ли продолжать судебное разбирательство. В этом случае имеет значение и готовность кредиторов профинансировать судебный процесс, возместить расходы управляющему.

Но обанкротившееся лицо может продолжить судебное разбирательство, начатое до банкротства, в связи с причинением ему телесных повреждений, смертью или телесным повреждением супруга или других членов семьи, а также в связи с причинением вреда этому лицу, например в связи с диффамацией. Имущество, приобретенное полностью или в значительной степени за счет компенсации или ущерба, полученного в ходе такого разбирательства, недоступно кредиторам. Кроме того, банкрот может продолжить или начать разбирательство, касающееся его трудоустройства (например, несправедливого увольнения или преследования на рабочем месте).

В контексте ограничения личной свободы банкротов законодательство Австралии предусматривает возможность свободного передвижения по территории страны (при условии информирования управляющего о смене имени, адреса или места работы), а вот выезд за пределы государства ограничен. Во-первых, при признании должника банкротом он обязан передать управляющему паспорт и иные документы, необходимые для поездок (ст. 77(1)(a)(ii) Закона о банкротстве 1966 г.)². Во-вторых, выезд за границу возможен лишь при получении письменного согласия управляющего (ст. 272(1)(c) Закона о банкротстве 1966 г.)³. Несоблюдение данного предписания строго карается – помимо возможности не быть освобожденным от долгов, срок банкротства в таком случае может быть продлен до восьми лет начиная

¹ См.: Insolvency and Creditor/Debtor Regimes Task Force, Working Group on the Treatment of the Insolvency of Natural Persons: Report on the Treatment of the Insolvency of Natural Persons (Working Paper no. 77170) Washington DC // World Bank Group [website]. 2013. URL: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/668381468331807627/insolvency-and-creditor-and-debtor-regimes-task-force-working-group-on-the-treatment-of-the-insolvency-of-natural-persons>

² Australian Bankruptcy Act 1966 // Legislation.gov.au. URL: <https://www.legislation.gov.au/C1966A00033/latest/text>

³ Ibid.

с момента его повторного въезда в Австралию. Также банкрот может быть подвергнут уголовному наказанию – тюремному заключению сроком до пяти лет.

Управляющий может поставить условие для выезда банкрота за границу, касающееся уплаты взносов из дохода (банкроты уплачивают такие взносы из дохода, при превышении доходов над пороговой суммой, рассчитываемой арбитражным управляющим [33, с. 55–57]). Таким образом, возможность выезда лица, признанного банкротом, за пределы Австралии зависит от решения доверительного управляющего, которое может быть оспорено в судебном порядке. При принятии такого решения управляющий преимущественно опирается на убеждение о добросовестности или недобросовестности должника, на его заинтересованность в соблюдении имущественных интересов кредиторов, оценивая риск уменьшения имущественной массы и шансы на погашение требований кредиторов.

Нельзя не признать, что законодатель не игнорирует отмечаемую в доктрине проблему стигматизации банкротов. В 2024 году генеральный прокурор Марк Дрейфус заявил о том, что планируется проведение ряда реформ австралийской системы банкротства, направленных на «устранение стигматизации банкротства и создание более справедливой системы»¹. В частности, речь идет об увеличении срока, в течение которого должник может ответить на уведомление о банкротстве, об ограничении срока, в течение которого сведения о погашенном банкротстве будут отображаться в NPII (7 лет с момента подачи заявления), о повышении порога для банкротства по инициативе кредиторов, об исключении предложения о заключении долгового соглашения (и принятия такого предложения) из перечня актов банкротства. Также в качестве альтернативы банкротству предлагается «процедура с минимальными активами» (“minimal asset procedure”), позволяющая банкроту с незначительными активами и доходами освободиться от чрезмерной задолженности быстрее, чем при банкротстве, аналогичная новозеландской «процедуре в отсутствие активов» (“No Asset Procedure”).

Исследуя механизм правового регулирования ограничения прав должника, нельзя обойти вниманием судебную практику в данной области, поскольку правовая система Австралии относится к англо-американской правовой системе, где особую роль играют судебные прецеденты, формирующие прецедентное право (case law) в качестве полноценного источника. Пониманию судебных прецедентов,

их роли и видам доктрина уделила немало внимания. Е. М. Вахтинская выделила обязательные (решения вышестоящих судов, обязательные для нижестоящих), декларативные (подтверждающие уже существующие прецеденты), создающие новое правило прецеденты (при отсутствии судебной практики создают новое правило), прецеденты «убеждающей силы» (решения нижестоящих судов для вышестоящих, решения иностранных судов) и прецеденты «по умолчанию» (судебные решения, содержащие ответы на вопросы, напрямую не поднимавшиеся в суде) [5, с. 29–30].

И. Ю. Богдановская отмечала тенденцию создания судами преимущественно прецедентов толкования (принятие решений не на основе прецедентов, а на основе закона) и повышения их роли в странах общего права [2, с. 86–87]. Исследователи сходятся в том, что судебные прецеденты одних стран общего права являются убеждающими для судов других стран в пределах правовой семьи [2, с. 83–84; 7, т. 8, с. 191; 15, с. 326–327; 6, с. 36].

В рамках общих тенденций усиления роли статутного права (“statutory law”) в Австралии также большинство судебных прецедентов относятся к прецедентам толкования, в том числе в исследуемой сфере отношений.

О наличии определенной степени стигматизации напрямую упоминается в судебных решениях², причем влияние таковой отмечается не только непосредственно на банкрота, но и на его семью и партнеров. Что касается перспектив трудоустройства, то необходимость в ряде профессий обращаться в суд для восстановления возможности трудоустройства банкрота (в том числе для оспаривания отказа компетентных органов) формирует судебную практику в этой области. Анализ судебной практики по потере возможности заниматься профессиональной деятельностью вследствие банкротства был приведен в исследовании Н. Хауэлла [27, с. 1545–1548], и можно отметить, что, несмотря на различия законодательства в этой сфере от штата к штату, о чем мы уже упоминали ранее, шансы должника на восстановление в профессии преимущественно сводятся к его добросовестности, надлежащему поведению, а не факту банкротства. Также суды обращают внимание на то, сделал ли должник всё разумно необходимое для того, чтобы не допустить банкротства.

Правило об автоматическом отстранении от управления корпорацией при заключении должником соглашения о личной неплатежеспособности, а также в случае, если банкрот не был освобожден от обязательств, подтверждается и сложившейся

¹ Law reform to lift stigma from bankruptcy, deliver fairer system // Themandarin.com.au. 09 July 2024. URL: <https://www.themandarin.com.au/250231-law-reform-to-lift-stigma-from-bankruptcy-deliver-fairer-system/#:~:text=Australia%20will%20see%20a%20raft%20of%20reforms%20to,lift%20the%20stigma%20associated%20with%20filing%20for%20bankruptcy>

² См., например: Wharton v Official Receiver in Bankruptcy [2001] 107 FCR 28 [38]. URL: <https://jade.io/article/103129>; Re Sambo G. v. Ex parte Sambo, G [1987] FCA 319 [59]. URL: [https://jade.io/article/193916?at.hl=stigma+AND+bankruptcy; Labocus Precious Metals Pty Ltd v. Thomas \[2007\] FCA 1154 \[53\]. URL: https://jade.io/article/13196/section/140574?asv=gloss_widgets](https://jade.io/article/193916?at.hl=stigma+AND+bankruptcy; Labocus Precious Metals Pty Ltd v. Thomas [2007] FCA 1154 [53]. URL: https://jade.io/article/13196/section/140574?asv=gloss_widgets)

судебной практикой¹. Судьи отмечают продолжительность действия такого рода дисквалификации до момента отпадения оснований либо до момента получения разрешения. Выдавая такое разрешение, судьи учитывают цели заявителя, структуру компаний, характер их деятельности и интересы их акционеров, кредиторов и сотрудников, любые риски для этих лиц или для общества, которые могут возникнуть в связи разрешением, а также обстоятельства, при которых не были выплачены долги, ставшие причиной банкротства, и степень сотрудничества заявителя с доверительным управляющим².

Интересующие нас в контексте данного исследования судебные решения, касающиеся обязанности банкротов раскрывать свой статус при совершении сделок, связаны преимущественно с оспариванием таких сделок. В данном случае обращают внимание на сумму сделок и добросовестность банкрота (сообщил ли он контрагенту или же нет). Отмечается, что «в англо-саксонской системе права возможность оспорить сделки должника основана на положениях правового института доверительной собственности (trust)», вследствие чего доверительный управляющий вправе «оспорить сделки и потребовать передачи ему титула на имущество», в частности принцип “relation back principale” находит свое отражение и в австралийском Законе о банкротстве 1966 года [9, с. 55]. В доктрине критикуют отражающийся в актах

банкротства принцип “relation back”, отмечая отказ многих стран от такой устаревшей конструкции [30, с. 17–19]. Судьи, как и закон, не считают это запретом на совершение сделок в принципе³, а также не рассматривают это правило как препятствие для подписания заявления о согласованных фактах⁴.

Правило о приостановлении искового производства по заявлению лица, признанного впоследствии банкротом, до получения письменного решения доверительного управляющего о возбуждении судебного преследования или прекращении действия иска подтверждается и судебной практикой⁵. Судьи отмечают, что данное правило действует автоматически, и срок на принятие решения доверительным управляющим не может быть продлен⁶.

О сложившейся судебной практике использования банкротами паспортов и ограничении свободы передвижения писал еще К. Саймс [32, с. 99, 102–106]. В частности, автор рассматривает значимые судебные решения, которые используются другими судами при рассмотрении вопроса о возможности ограничения права должника на свободу передвижения. Так, судебная практика исходит из того, что ограничение свободы передвижения банкротов должно рассматриваться как мера, направленная на обеспечение надлежащего применения законодательства о банкротстве и имущественного положения банкротов, а не как наказание, налагаемое на гражданина вследствие

¹ См., например: *Du Bray v. ACW* [2020] FCA 1142 [31]. URL: <https://jade.io/article/759445?at.hl=A+person+is+disqualified+from+managing+corporations+if+the+person+is+an+undischarged+bankrupt+under+the+law+of+Australia%2C+its+external+territories+or+another+country>; *Rich v. Australian Securities and Investments Commission* [2004] HCA 42; 220 CLR 129 [37]. URL: <https://jade.io/article/68489?at.hl=206G>; *Edens Landing Pty Ltd v. Thornton Place Pty Ltd* [2015] QSC 365 [17,18]. URL: <https://jade.io/article/421859?at.hl=A+person+is+disqualified+from+managing+corporations+if+the+person+is+an+undischarged+bankrupt+under+the+law+of+Australia%2C+its+external+territories+or+another+country>; *Orel, in the matter of an application by Orel* [2025] FCA 590 [6, 17]. URL: <https://jade.io/article/1135032?at.hl=206G>

² См., например: *Adams v. Australian Securities and Investments Commission* [2003] FCA 557; 46 ACSR 68 [8]. URL: <https://jade.io/article/107016>; *Jansen v. Australian Securities and Investments Commission* [2003] FCA 1564 [12, 14]. URL: <https://jade.io/article/108191>; *GRD v. BJD* [2018] WASC 374 [12]. URL: <https://jade.io/article/622926>; *Chye v. Australian Securities and Investments Commission* [2012] FCA 1405 [8,9]. URL: <https://jade.io/article/287769>

³ См., например: *Ghannoum v. Papadeas* [2018] NSWSC 1883 [40]. URL: <https://jade.io/article/636608?at.hl=An+undischarged+bankrupt+or+a+debtor+who+is+a+party+to+a+debt+agreement+shall+not>; *Maxcon Constructions P/L v. Vadasz* [2016] SASC 148 [35, 43–49]. URL: <https://jade.io/article/490793?at.hl=An+undischarged+bankrupt+or+a+debtor+who+is+a+party+to+a+debt+agreement+shall+not>; *Maxcon Constructions Pty Ltd v. Vadasz (No 2)* [2016] SASC 156 [45–49]. URL: https://jade.io/article/496100/section/140829?asv=gloss_widgets; *Maxcon Constructions Pty Ltd v. Vadasz (No 2)* [2017] SASCFC 2; 127 SASR 193 [47–59, 65–91]. URL: <https://jade.io/article/520660?at.hl=An+undischarged+bankrupt+or+a+debtor+who+is+a+party+to+a+debt+agreement+shall+not>

⁴ См., например: *Fair Work Ombudsman v. Benny842 Pty Ltd* [2022] FedCFamC2G 693 [29, 30]. URL: <https://jade.io/article/943556?at.hl=An+undischarged+bankrupt+or+a+debtor+who+is+a+party+to+a+debt+agreement+shall+not>

⁵ См., например: *Warren v. Queensland Law Society* [2016] QCA 154. URL: <https://jade.io/article/484372?at.hl=An+action+commenced+by+a+person+who+subsequently+becomes+a+bankrupt+is%2C+upon+his+or+her+becoming+a+bankrupt%2C+stayed+until+the+trustee+makes+election%2C+in+writing%2C+to+prosecute+or+discontinue+the+action>; *Landmark Operations Ltd v. J Tiver Nominees Pty Ltd (No 4)* [2010] SASC 20. URL: <https://jade.io/article/138842?at.hl=An+action+commenced+by+a+person+who+subsequently+becomes+a+bankrupt+is%2C+upon+his+or+her+becoming+a+bankrupt%2C+stayed+until+the+trustee+makes+election%2C+in+writing%2C+to+prosecute+or+discontinue+the+action>; *Glover & Webster* [2021] FedCFamC1A 69; 18 ABC(NS) 553. URL: <https://jade.io/article/902825?at.hl=An+action+commenced+by+a+person+who+subsequently+becomes+a+bankrupt+is%2C+upon+his+or+her+becoming+a+bankrupt%2C+stayed+until+the+trustee+makes+election%2C+in+writing%2C+to+prosecute+or+discontinue+the+action>; *Moran v. Minco Holdings Pty Ltd (in Liquidation)* [2022] WASCA 93. URL: https://jade.io/article/939430/section/140694?asv=gloss_widgets; и др.

⁶ См., например: *Williams v. Turco* [2020] WASC 417 [7]. URL: <https://jade.io/article/776577?at.hl=An+action+commenced+by+a+person+who+subsequently+becomes+a+bankrupt+is%2C+upon+his+or+her+becoming+a+bankrupt%2C+stayed+until+the+trustee+makes+election%2C+in+writing%2C+to+prosecute+or+discontinue+the+action>

неспособности выплатить долги. Учитывая вероятность того, что банкрот может попытаться скрыться от возможного судебного преследования, его законное право выезда за границу следует подчинять законодательству о банкротстве и необходимости надлежащего и эффективного управления его имуществом. При рассмотрении жалоб должников на отказ управляющего в выдаче разрешения на поездку суды в первую очередь изучают действительные причины поездки (личные, рабочие, лечение, участие в судебном разбирательстве и др.), шансы на возвращение должника, а также то, не будет ли отъезд должника препятствием управлению его имуществом. Причем судебные акты, в которых суд принял решение, ориентируясь преимущественно на причины поездки как особые обстоятельства, касаются конкретных обстоятельств и не имеют большого прецедентного значения [32, с. 103–104].

Стигматизация (то есть некое навешивание социального ярлыка) при банкротстве существовала в Австралии с давних пор, и сейчас она проявляется в ряде угнетающих ограничений прав должника, в том числе влияющих на духовную и социальную жизнь и должника, и его семьи (чувство стыда, унижения, подавленности усугубляется оглаской, которую влекут публичная проверка и отражение информации о банкротстве в открытом реестре), а также экономических (невозможность занимать определенные должности, заниматься определенной деятельностью или работать в определенной сфере; ухудшение кредитного рейтинга и кредитной истории, влекущее невозможность получить кредиты и займы либо их получение под более высокий процент) и гражданских прав (ограничение права на свободу передвижения за пределы государства). Необходимость в определенных случаях раскрытия информации о банкротстве негативно влияет на возможность получения должником доходов, на его трудовую деятельность и возможность ведения предпринимательской деятельности. Соглашения с кредиторами позволяют избежать ограничений, налагаемых при признании гражданина банкротом, а также – в большой степени – стигматизации.

3. Сравнительный анализ опыта урегулирования ограничений

Анализ нормативных положений, регламентирующих различные ограничения для должника в отдельных банкротных процедурах и по завершении всех процедур, на примере двух государств, относящихся к «прокредиторской» системе (модели) конкурсного права, показал как некоторые сходства в правовом положении банкротов и бывших банкротов, так и существенные отличия.

В Австралии, как и в России, должники претерпевают ограничения, влекущие последствия как экономического, так и социального характера, а также

ограничения гражданских прав. Возможность облегчения долгового бремени в обоих государствах сопровождается неблагоприятными последствиями для должника, и характер этих последствий позволяет утверждать, что законодатель часто рассматривает должника с точки зрения его потенциальной недобросовестности и исходя из его склонности причинить вред имущественным интересам кредиторов, а следовательно, и общественным интересам. Отсюда и направленность вводимых по отношению к должнику ограничений его прав на защиту кредиторов и общества от возможных решений и действий должника.

Как уже упоминалось выше, законодательство о банкротстве в Австралии строится по «модели ограничений». Данную классификацию систем потребительского банкротства разработал Ян-Окко Хойер в своем исследовании 2013 года на примере 15 стран с развитой экономикой [25]. Помимо модели ограничений он выделил также модель ответственности (подчеркивает ответственность должника за выплату долга), модель милосердия (акцентирует внимание на том, заслуживает ли должник облегчения долгового бремени) и рыночную модель (в основе ее лежит стандартный экономический подход к банкротству, рассматривающий последствия банкротства потребителей как средство распределения рисков на кредитном рынке, которое переносит риск и издержки дефолта с должников на кредиторов с целью повышения эффективности рынка). В статье отдельно не рассматривается такая разновидность банкротства физических лиц, как условно именуемое «потребительское банкротство», но сравнительный анализ моделей банкротства физических лиц в России и Австралии позволяет сделать вывод о том, что отечественную модель также можно отнести к модели ограничений, поскольку предполагаемое отклонение должника от нормы рассматривается как нарушение общественного порядка и социальных норм, на которое российский законодатель также отвечает различными санкциями и ограничениями для должников как в период действия различных процедур, применяемых в деле о банкротстве, так и после завершения таковых, подчеркивая, таким образом, значимость интересов кредиторов и целесообразность механизмов временных воздержаний полноценного участия бывшего должника в имущественном обороте.

Ограничения для бывшего банкрота в России в основном более глобальны, чем в Австралии. Речь идет о запрете принимать на себя обязательства по кредитным договорам и договорам займа без указания на факт своего банкротства, запрете на повторное банкротство по инициативе должника, отказ в освобождении от долгов при повторном банкротстве, запрет занимать должности в органах управления юридического лица или иным образом участвовать в управлении юридическим лицом и др. В Австралии же последствия банкротства, остающиеся после освобождения должника, сводятся к проблемам

с получением кредита (в связи с ухудшившимися кредитным рейтингом и кредитной историей), проблемам с осуществлением предпринимательской деятельности (испорченная деловая репутация вследствие доступности сведений о бывшей неплатежеспособности), а также с трудоустройством (и эти проблемы наиболее серьезны). Если же сложности с кредитованием и осуществлением предпринимательской деятельности напрямую зависят от факта общедоступности сведений о банкротстве и стигматизации банкротства, а не являются следствием прямых запретов законодательства, как в России (что при этом ничуть не умаляет стигматизацию банкротства), то ограничения в области трудовой деятельности в Австралии прямо предусмотрены законом и значительно более обширны по сравнению с Россией.

Если же говорить о влиянии публичности информации о вводимых в отношении должника процедурах, то российский законодатель в плане стигматизации пошел дальше. Сведения о вводимых процедурах доступны без каких-либо ограничений по срокам, причем абсолютно безвозмездно.

Также целесообразно подчеркнуть, что в отечественной правоприменительной практике о принципах «нового старта» речь не идет, абсолютно любое лицо может получить не только сведения о процедурах, вводимых по отношению к должнику, но и его персональные данные. Кроме того, российского должника, в отличие от австралийского, ничего не мотивирует выбрать процедуру реструктуризации долгов, которая может занять больше времени и отнять больше ресурсов должника, поскольку сведения обо всех процедурах остаются в открытом доступе навсегда. Полагаем, что в данном вопросе следует позаимствовать опыт Австралии и, во-первых, установить сбор за получение сведений из ЕФРСБ для частных лиц (государственные органы и ведомства, а также арбитражные управляющие могли бы получать сведения бесплатно по запросу) с целью обеспечения должнику возможности начать сначала и уменьшения стигматизации, а во-вторых, следует ограничить время отображения сведений о банкротстве в реестре. В отношении процедуры реструктуризации долгов сведения надлежит хранить лишь в рамках периода процедуры. Что же касается процедуры реализации имущества, то логично было бы хранить сведения о банкротстве гражданина на период существования ограничений, налагаемых на бывшего банкрота законодательством (то есть на период не более 10 лет с даты завершения в отношении гражданина процедуры реализации имущества или прекращения производства по делу о банкротстве в ходе данной процедуры).

Отличия есть и в осуществлении должником права на подачу иска и на участие в судебных разбирательствах. В Австралии общее правило запрещает должникам самостоятельно участвовать в судебных разбирательствах, при этом предусмотрены исключения: например, для защиты трудовых прав,

возмещения вреда в связи с диффамацией, а также для возмещения вреда жизни или здоровью должника и членов его семьи при причинении им телесных повреждений. В остальных случаях решение о продолжении судебного разбирательства или его прекращении будет принимать управляющий, исходя из имущественных интересов кредиторов. В России права должника на судебную защиту ограничены абзацем 2 пункта 5 и абзацем 5 пункта 6 статьи 213.25 Закона о банкротстве 2002 года. Права, связанные с имуществом, составляющим конкурсную массу, осуществляет финансовый управляющий. Иными словами, должник вправе самостоятельно вести дела, не связанные с его имущественными правами на конкурсную массу. Ограничивая определенное материальное право, законодатель в России пропорционально ограничил и процессуальное. По смыслу отечественного законодательства должник вправе осуществлять процессуальные права в отношении неимущественных требований, а также требований имущественного характера в отношении имущества, не включаемого в конкурсную массу, что значительно шире права австралийского должника на судебное разбирательство.

Ограничение свободы передвижения за пределы территории государства и в Австралии, и в России возможно лишь при признании должника банкротом. Но если в России это правомочие суда (при этом заявление о принятии обеспечительных мер может подать финансовый управляющий либо кредитор), то в Австралии как администратор, так и доверительный управляющий наделены большей свободой усмотрения, и такое решение относится к их компетенции. Цель применения подобных мер и основания одинаковы в исследуемых государствах, но отнесение данного вопроса к компетенции доверительного управляющего, на наш взгляд, является, с одной стороны, оправданным, поскольку он выступает субъектом профессиональной деятельности и действует на основе фидуциарности, а следовательно, способен оценить обоснованность и необходимость запрета на выезд за границу, добросовестность должника, его заинтересованность в соблюдении имущественных интересов кредиторов, риск уменьшения имущественной массы и шансы на погашение требований кредиторов. Это также позволяет упростить процедуру принятия решения о запрете на выезд, избежать расходов и увеличения нагрузки на суды. С другой стороны, для России подобный вариант неприемлем, в связи с тем, что согласно действующему законодательству решение о запрете на выезд может быть принято только судом, поскольку речь идет об ограничении конституционного принципа свободы передвижения.

Как показал сравнительный анализ регламентации ограничений для должников – физических лиц в рамках процедур несостоятельности и после их завершения в России и Австралии, в каких-то аспектах регулирование правового статуса должника более

удачное в России (например, не такие угнетающие ограничения в сфере трудоустройства или право на судебное разбирательство), а в ряде правовых моментов отечественному законодателю крайне стоит учесть и зарубежный опыт (сбор за получение сведений о банкротстве из специального реестра) или даже усовершенствовать его (установление срока общедоступности сведений о процедурах несостоятельности).

Заключение

Законодательство о банкротстве физических лиц в России и в Австралии предлагает несостоятельному должнику решить сложности с его долгами, восстановить его платежеспособность или лишиться части имущества, чтобы погасить задолженность перед кредиторами и избавиться от остальной задолженности. Вместе с тем должнику необходимо претерпеть ряд ограничений его прав в рамках действующих процедур, применяемых в деле о банкротстве. Ограничения направлены исключительно на обеспечение баланса интересов наряду с максимально возможным удовлетворением требований кредиторов, а также на устранение последствий недобросовестности в результате действия, бездействия должника. Тем самым положения об ограничениях прав должника в рамках банкротных процедур в исследуемых юрисдикциях охраняют имущественные интересы кредиторов от возможного недобросовестного поведения должника и ограждают иных субъектов от взаимодействия с бывшим банкротом. Характер ограничений говорит о том, что направлены они в первую очередь на недобросовестных должников, но применяются ко всем должникам, независимо от их личных качеств. Ограничения прав должника и стигматизация банкротства (как условно современная форма «атимии» (греч. ἀτιμία)) влияют в значительной степени на духовную и социальную жизнь и должника, и его семьи, на его интеграцию в экономическую жизнь, на трудоустройство.

Регламентационные особенности в России заключаются в том, что ограничения прав должника в большей степени зависят от того, в рамках какой процедуры они вводятся, в то время как в Австралии ряд ограничений, вводимых при банкротстве, совпадает с ограничениями, вводимыми на время действия альтернативных банкротству процедур. В целом сравнительный анализ регулирования ограничений для должников – физических лиц в банкротных процедурах и после их завершения в России и Австралии показал, что в некоторых аспектах российское законодательство более благоприятно для должников (например, менее строгие ограничения в сфере трудоустройства и право на судебное разбирательство). В то же время отечественному законодателю целесообразно обратить внимание на зарубежный опыт в ряде аспектов (например, сбор за доступ к информации о банкротстве и установление доверительным

управляющим ограничений на свободу передвижения) и даже усовершенствовать его (например, установить срок доступности информации о соответствующих процедурах).

Ограничения прав должников и элементы стигматизации банкротства физических лиц и в Австралии, и в России на определенный период фактически устанавливают частичное поражение в гражданских правах и часто препятствуют осознанию реабилитационного смысла банкротства, в том числе противоречат доктрине «нового старта», поддерживаемой в большинстве развитых стран. Вместе с тем наличие определенного общего набора негативных характеристик и установок, моделей поведения у всех лиц, которые были банкротами или являются ими в настоящий момент, а следовательно, преобладающее негативное отношение законодателей и общества ко всем должникам и банкротам как к недобросовестным лицам, не исполняющим принятые на себя обязательства, не отвечают цели соблюдения баланса между интересами должника и кредиторов. Улучшение положения должника, уменьшение стигматизации и обеспечение ему минимально комфортного уровня жизни во время процедуры банкротства представляют собой положительную тенденцию, соответствующую стремлению мирового сообщества к либерализации законодательства о банкротстве физических лиц и направленную на достижение баланса интересов между должником и кредиторами, а также на реабилитацию должника и его реинтеграцию в экономическую среду.

Библиографический список

1. Бештоев М. И. Тенденции развития института банкротства: движение от репрессии – к реабилитации должника // Эффективное антикризисное управление. 2015. № 5(92). С. 62–75. DOI 10.17747/2078-8886-2015-5-62-75
2. Богдановская И. Ю. Эволюция судебного прецедента в «общем праве» // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2010. № 2. С. 75–87.
3. Бредихин А. Л. Банкротство гражданина как ограничение дееспособности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 3(31). С. 69–72.
4. Васильева Н. А. Судебное банкротство граждан: права должника против интересов кредиторов // Имущественные отношения в РФ. 2023. № 3 (258). С. 48–52.
5. Вахтинская Е. М. Основные черты гражданского процесса Австралии: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 182 с.
6. Киселев А. А. Значение судебных решений в Англии, Германии и Франции // Новый юридический вестник. 2025. № 2(44). С. 36–39.
7. Коршунова П. В. Правовые средства обеспечения единства судебной практики в странах общего права // Электронный научный журнал «Наука.

Общество. Государство». 2020. Т. 8, № 3. С. 187–197. DOI 10.21685/2307-9525-2020-8-3-22.

8. Кузнецова О. А. Проблемы учения о гражданско-правовой ответственности // *Lex Russica*. 2017. № 5(126). С. 11–23. DOI 10.17803/1729-5920.2017.126.5.011-023

9. Одинцов С. В. Оспаривание сделок должника: сравнительно-правовые аспекты, доктринальное толкование и правоприменительная практика // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2013. № 12. С. 49–57.

10. Одинцов С. В., Суржанов С. В. Правовой статус кредиторов в австралийском законодательстве о несостоятельности (банкротстве) // *Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире: сб. ст. (Москва, 14 октября 2016 г.)*. М.: Рос. ун-т дружбы народов (РУДН), 2016. С. 54–62.

11. Пирогова Е. С. Ограничение правоспособности и дееспособности юридических лиц – должников в рамках дел о несостоятельности (банкротстве). Саратов: КУБиК, 2012. 128 с.

12. Полич С. Б. Пределы ограничения дееспособности банкротящихся граждан // *Современные тенденции развития гражданского и гражданского процессуального законодательства и практики его применения*. 2016. № 3. С. 316–324.

13. Полич С. Б. Ограничение дееспособности гражданина – банкрота // *Проблемы права*. 2020. № 4(78). С. 37–39. DOI 10.14529/pro-prava200405

14. Родина Н. В. Влияние несостоятельности на право- и дееспособность физических лиц // *Аграрное и земельное право*. 2019. № 7(175). С. 73–76.

15. Рожкова М. А. Судебный прецедент и судебная практика // *Иски и судебные решения: сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова*. М.: СТАТУТ, 2009. С. 320–353.

16. Фролов И. В. Модели ограничения дееспособности должников в делах о банкротстве граждан // *Вестник арбитражной практики*. 2023. № 5(108). С. 12–24.

17. Ageeva G. E., Lang P. P. Development of the Bankruptcy Institution in Russia: Features of Procedural and Legal Regulation // *Problems of Enterprise Development: Theory and Practice 2018: SHS Web of Conferences*. 2019. Vol. 62. Issue 10001. Pp. 1–4. DOI 10.1051/shsconf/20196210001

18. Ali P., O'Brien L., Ramsay I. 'Short a Few Quid': Bankruptcy Stigma in Contemporary Australia // *University of New South Wales Law Journal*. 2015. Vol. 38. Issue 4. Pp. 1575–1613.

19. Ben-Ishai S., Schwartz S. Bankruptcy for the Poor? // *Osgoode Hall Law Journal*. 2007. Vol. 45. Issue 3. Pp. 471–512. DOI 10.60082/2817-5069.1233.

20. Bezbakh V. V., Frolova E. E. Augmented Reality and Civil Law Regulation of Business Relations // In: *Shakova A. O., Frolova E. E. (eds) Smart Technologies for the Digitisation of Industry: Entrepreneurial Environment. Smart Innovation, Systems and Technologies*. Springer, Singapore. 2022. Vol. 254. Pp. 30–38. DOI 10.1007/978-981-16-4621-8_3

21. Bromberg L., Ramsay I., Ali P. The Vulnerability of Older Australians in Bankruptcy: Insights from an Empirical Study // *Adelaide Law Review*. 2018. Vol. 39. Issue 4. Pp. 393–437.

22. Insights into the Impact of Bankruptcy's Public Record on Entrepreneurial Activity: Evidence from Economic Experiments / U. Dulleck, N. Howell, A.-K. Koessler, R. Mason // *SSRN Electronic Journal*. 2018. Pp. 1–46. DOI 10.2139/ssrn.3203132

23. Erskine J. *The Principles of the Law of Scotland*. Edinburgh: Bell & Bradfute, 1860. 734 p.

24. Gribanovskaya M. Exclusion of Funds for Treatment from the Bankruptcy Estate in Personal Bankruptcy Cases // *We speak Legal English, German, French, Spanish...* Moscow, 2023. Pp 74–76.

25. Heuer J.-O. Social Inclusion and Exclusion in European Consumer Bankruptcy Systems // *International Conference: Shifting to Post-Crisis Welfare States in Europe? Long Term and Short Term Perspectives (Berlin, 4–5 June 2013)*. Available at: https://www.academia.edu/3992692/Social_Exclusion_in_European_Consumer_Bankruptcy_Systems?source=swp_share

26. Howell N. The fresh start goal of the Bankruptcy Act: Giving a Temporary Reprieve or Facilitating Debtor Rehabilitation? // *QUT Law Review*. 2014. Vol. 14. Issue 3. Pp. 29–52.

27. Howell N., Mason R. Reinforcing Stigma or Delivering a Fresh Start: Bankruptcy and Future Engagement in the Workforce // *The University of New South Wales Law Journal*. 2015. Vol. 38. Issue 4. Pp. 1529–1574.

28. Kadens E. The Last Bankrupt Hanged: Balancing Incentives in the Development of Bankruptcy Law // *Duke Law Journal*. 2010. Vol. 59. Issue 7. Pp. 1229–1319.

29. Manju S., Hitoishi S., Katal N. Analysing the Fresh Start Doctrine: A South Asian Perspective Through the Lens of India // *National Law School Business Law Review [website]*. 19.04.2022. URL: <https://www.nlsblr.com/post/analysing-the-fresh-start-doctrine-a-south-asian-perspective-through-the-lens-of-india>

30. Mason R., O'Mahony S. Perspectives on Australian Bankruptcy Law Through the Prism of the World Bank Report on the Treatment of the Insolvency of Natural Persons // *QUT Law Review*. 2014. Vol. 14. Issue 3. Pp. 3–28. DOI 10.5204/qutlr.v14i3.549

31. Ramsay I., Sim C. The Role and Use of Debt Agreements in Australian Personal Insolvency Law // *Insolvency Law Journal*. 2011. Vol. 19. Issue 3. Pp. 168–201.

32. Symes C. Bankrupts and Passports: A Call to Repeal SS 77(1)(A)(II) and 272(1)(C) of the Bankruptcy Act // *QUT Law Review*. 2014. Vol. 14. Issue 3. Pp. 98–110. DOI 10.5204/qutlr.v14i3.556

33. Symes C., Wellard M. After-Acquired Income and Contributions by Australian Bankrupts: Can Pay, Should Pay, Making Them Pay! // *QUT Law Review*. 2014. Vol. 14. Issue 3. Pp. 53–78. DOI 10.5204/qutlr.v14i3.557

34. Zubarev I. S. Analysis of the bankruptcy of individuals: innovations and alternatives // *International Journal of Professional Science*. 2017. Issue 1. Pp. 41–45.

References

1. Beshtoev M.I. Tendentsii razvitiya instituta bankrotstva: dvizhenie ot repressii – k reabilitatsii dolzhnika [Trends in the Development of the Bankruptcy Institution: The Movement from Repression to Rehabilitation of the Debtor]. *Effektivnoe antikrizisnoe upravlenie – Effective Crisis Management*. 2015. Vol. 5. Issue 92. Pp. 62–75. DOI 10.17747/2078-8886-2015-5-62-75 (In Russ.)
2. Bogdanovskaya I. Yu. Evolyutsiya sudebnogo pretsedenta v “obshchem prave” [Evolution of the Judicial Precedent in the Common Law Countries]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2010. Issue 2. Pp. 75–87. (In Russ.)
3. Bredikhin A. L. Bankrotstvo grazhdanina kak ogranichenie deеспosobnosti [Bankruptcy of a Citizen as a Restriction of Legal Capacity]. *Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*. 2021. Vol. 3. Issue 31. Pp. 69–72. (In Russ.)
4. Vasilyeva N. A. Sudebnoe bankrotstvo grazhdan: prava dolzhnika protiv interesov kreditorov [Judicial Bankruptcy of Citizens: The Rights of the Debtor Against the Interests of Creditors]. *Imushchestvennye otnosheniya v RF – Property Relations in the Russian Federation*. 2023. Vol. 3. Issue 258. Pp. 48–52. (In Russ.)
5. Vakhtinskaya E. M. Osnovnye cherty grazhdanskogo protsessava Avstralii [The Main Features of the Australian Civil Procedure]: Cand. jurid. sci. diss. Moscow, 2013. 182 p. (In Russ.)
6. Kiselev A. A. Znacheniye sudebnykh resheniy v Anglii, Germanii i Frantsii [The Significance of Court Decisions in England, Germany and France]. *Novyy yuridicheskiy vestnik – New Legal Bulletin*. 2025. Vol. 2. Issue 44. Pp. 36–39. (In Russ.)
7. Korshunova P. V. Legal Means of Ensuring the Unity of Judicial Practice in Common Law Countries. *Science. Society. State*. 2020. Vol. 8. Issue 3. Pp. 187–197. DOI 10.21685/2307-9525-2020-8-3-22 (In Russ.)
8. Kuznetsova O. A. Problems of the Civil Liability Doctrine. *Lex Russica*. 2017. Vol. 5. Issue 126. Pp. 11–23. DOI 10.17803/1729-5920.2017.126.5.011-023 (In Russ.)
9. Odintsov S. V. Challenging Transactions Debtor: Comparative Legal Aspects Doctrinal Interpretation and Practice. *Property Relations in the Russian Federation*. 2013. Issue 12. Pp. 49–57. (In Russ.)
10. Odintsov S. V., Surzhanov S. V. Pravovoy status kreditorov v avstraliyskom zakonodatelstve o nesostoyatelnosti (bankrotstve) [The Legal Status of Creditors in Australian Insolvency (Bankruptcy) Legislation]. *Sravnitel'no-pravovye aspekty pravootnosheniy grazhdanskogo oborota v sovremennom mire [Comparative Legal Aspects of Legal Relations Within Civil Turnover in the Modern World]: a collection of scientific papers*. Moscow, 2016. Pp. 54–62. (In Russ.)
11. Pirogova E. S. Ogranichenie pravospособnosti i deеспosobnosti yuridicheskikh lits — dolzhnikov v ramkakh del o nesostoyatelnosti (bankrotstve) [Limitation of the Legal Capacity and Capacity to Act of Debtor Legal Entities in Insolvency (Bankruptcy) Proceedings]. *Saratov*, 2012. 128 p. (In Russ.)
12. Polich S. B. Predely ogranicheniya deеспosobnosti bankrotyashchikhsya grazhdan [The Limits of the Restriction of the Legal Capacity of Bankrupt Citizens]. *Sovremennye tendentsii razvitiya grazhdanskogo i grazhdanskogo protsessualnogo zakonodatelstva i praktiki ego primeneniya – Current Trends in the Development of Civil and Civil Procedure Legislation and the Practice of Its Application*. 2016. Issue 3. Pp. 316–324. (In Russ.)
13. Polich S. B. Ogranichenie deеспosobnosti grazhdanina [Restriction of the Capacity of the Citizen Bankrupt]. *Issues of Law*. 2020. Vol. 4. Issue 78. Pp. 37–39. DOI 10.14529/pro-prava200405 (In Russ.)
14. Rodina N.V. Vliyaniye nesostoyatelnosti na pravo- i deеспosobnost fizicheskikh lits [Impact of Insolvency on the Legal Capacity and Capacity to Act of Individuals]. *Agrarnoe i zemelnoye pravo – Agrarian and Land Law*. 2019. Vol. 7. Issue 175. Pp. 73–76. (In Russ.)
15. Rozhkova M. A. Sudebnyy pretsedent i sudebnaya praktika [Judicial Precedent and Judicial Practice]. *Iski i sudebnye resheniya [Claims and Court Decisions]: a collection of scientific papers*. Ed. by M. A. Rozhkova. Moscow, 2009. Pp. 320–353. (In Russ.)
16. Frolov I. V. Modeli ogranicheniya deеспosobnosti dolzhnikov v delakh o bankrotstve grazhdan [Models for Restricting the Legal Capability of Debtors in Private Bankruptcy Cases]. *Vestnik arbitrazhnoy praktiki*. 2023. Vol. 5. Issue 108. Pp. 12–24. (In Russ.)
17. Ageeva G. E., Lang P. P. Development of the Bankruptcy Institution in Russia: Features of Procedural and Legal Regulation. *Problems of Enterprise Development: Theory and Practice 2018: SHS Web of Conferences*. 2019. Vol. 62. Article 10001. Pp. 1–4. DOI 10.1051/shsconf/20196210001 (In Eng.)
18. Ali P., O'Brien L., Ramsay I. “Short a Few Quid”: Bankruptcy Stigma in Contemporary Australia. *University of New South Wales Law Journal*. 2015. Vol. 38. Issue 4. Pp. 1575–1613. (In Eng.)
19. Ben-Ishai S., Schwartz S. Bankruptcy for the Poor? *Osgoode Hall Law Journal*. 2007. Vol. 45. Issue 3. Pp. 471–512. DOI 10.60082/2817-5069.1233. (In Eng.)
20. Bezbakh V. V., Frolova E. E. Augmented Reality and Civil Law Regulation of Business Relations. In: *Inshakova A. O., Frolova E. E. (eds.) Smart Technologies for the Digitisation of Industry: Entrepreneurial Environment. Smart Innovation, Systems and Technologies*. Singapore, Springer, 2022. Vol. 254. Pp. 30–38. DOI 10.1007/978-981-16-4621-8_3 (In Eng.)
21. Bromberg L., Ramsay I., Ali P. The Vulnerability of Older Australians in Bankruptcy: Insights from an

Empirical Study. *Adelaide Law Review*. 2018. Vol. 39. Issue 4. Pp. 393–437. (In Eng.)

22. Dulleck U., Howell N., Koessler A.-K., Mason R. Insights into the Impact of Bankruptcy's Public Record on Entrepreneurial Activity: Evidence from Economic Experiments. *SSRN Electronic Journal*. 2018. Pp. 1–46. DOI 10.2139/ssrn.3203132 (In Eng.)

23. Erskine J. *The Principles of the Law of Scotland*. Edinburgh, 1860. 734 p. (In Eng.)

24. Gribovskaya M. Exclusion of Funds for Treatment from the Bankruptcy Estate in Personal Bankruptcy Cases. *We speak Legal English, German, French, Spanish...* Moscow, 2023. Pp. 74–76. (In Eng.)

25. Heuer J.-O. Social Inclusion and Exclusion in European Consumer Bankruptcy Systems. *International Conference: Shifting to Post-Crisis Welfare States in Europe? Long Term and Short Term Perspectives*. Berlin, 2013. Available at: https://www.academia.edu/3992692/Social_Exclusion_in_European_Consumer_Bankruptcy_Systems?source=swp_share (In Eng.)

26. Howell N. The Fresh Start Goal of the Bankruptcy Act: Giving a Temporary Reprieve or Facilitating Debtor Rehabilitation? *QUT Law Review*. 2014. Vol. 14. Issue 3. Pp. 29–52. (In Eng.)

27. Howell N., Mason R. Reinforcing Stigma or Delivering a Fresh Start: Bankruptcy and Future Engagement in the Workforce. *The University of New South Wales Law Journal*. 2015. Vol. 38. Issue 4. Pp. 1529–1574. (In Eng.)

28. Kadens E. The Last Bankrupt Hanged: Balancing Incentives in the Development of Bankruptcy Law.

Duke Law Journal. 2010. Vol. 59. Issue 7. Pp. 1229–1319. (In Eng.)

29. Manju S., Hitoishi S., Katyal N. Analysing the Fresh Start Doctrine: A South Asian Perspective Through the Lens of India. *National Law School Business Law Review [website]*. 2022, April 19. Available at: <https://www.nlsblr.com/post/analysing-the-fresh-start-doctrine-a-south-asian-perspective-through-the-lens-of-india> (In Eng.)

30. Mason R., O'Mahony S. Perspectives on Australian Bankruptcy Law Through the Prism of the World Bank Report on the Treatment of the Insolvency of Natural Persons. *QUT Law Review*. 2014. Vol. 14. Issue 3. Pp. 3–28. DOI 10.5204/qutlr.v14i3.549 (In Eng.)

31. Ramsay I., Sim C. The Role and Use of Debt Agreements in Australian Personal Insolvency Law. *Insolvency Law Journal*. 2011. Vol. 19. Issue 3. Pp. 168–201. (In Eng.)

32. Symes C. Bankrupts and Passports: A Call to Repeal SS 77(1)(A)(II) and 272(1)(C) of the Bankruptcy Act. *QUT Law Review*. 2014. Vol. 14. Issue 3. Pp. 98–110. DOI 10.5204/qutlr.v14i3.556 (In Eng.)

33. Symes C., Wellard M. After-Acquired Income and Contributions by Australian Bankrupts: Can Pay, Should Pay, Making Them Pay! *QUT Law Review*. 2014. Vol. 14. Issue 3. Pp. 53–78. DOI 10.5204/qutlr.v14i3.557 (In Eng.)

34. Zubarev I. S. Analysis of the Bankruptcy of Individuals: Innovations and Alternatives. *International Journal of Professional Science*. 2017. Issue 1. Pp. 41–45. (In Eng.)

Информация об авторах:

С. В. Одинцов

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса
и международного частного права

Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы (РУДН)
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

ORCID: 0000-0002-3403-3519
ResearcherID: X-3215-2019

Статьи в БД Scopus / Web of Science:

DOI 10.17223/15617793/498/21
DOI 10.17223/15617793/487/25
DOI 10.1007/978-3-030-47945-9_125
DOI 10.34069/ai/2020.27.03.13
DOI 10.9770/jesi.2019.6.4(11)
DOI 10.2991/iscde-19.2019.154
DOI 10.2991/aebmr.k.200502.036
DOI 10.17323/2072-8166.2025.3.226.251

About the authors:

S. V. Odintsov

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University
of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russia

ORCID: 0000-0002-3403-3519
ResearcherID: X-3215-2019

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI 10.17223/15617793/498/21
DOI 10.17223/15617793/487/25
DOI 10.1007/978-3-030-47945-9_125
DOI 10.34069/ai/2020.27.03.13
DOI 10.9770/jesi.2019.6.4(11)
DOI 10.2991/iscde-19.2019.154
DOI 10.2991/aebmr.k.200502.036
DOI 10.1051/shsconf/202112806007
DOI 10.17323/2072-8166.2025.3.226.251

М. С. Грибановская

преподаватель кафедры государственно-правовых
и гражданско-правовых дисциплин

Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского
241036, Россия, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14

ORCID: 0000-0002-3583-7033
ResearcherID: NXC-4554-2025

Статьи в БД Scopus / Web of Science:
DOI 10.17323/2072-8166.2025.3.226.251

M. S. Gribanowskaya

Bryansk State University
named after Academician I.G. Petrovsky
14, Bezhitskaya st., Bryansk, 241036, Russia

ORCID: 0000-0002-3583-7033
ResearcherID: NXC-4554-2025

Articles in Scopus / Web of Science:
DOI 10.17323/2072-8166.2025.3.226.251

Информация для цитирования:

Колодуб Г. В. Методологические основания исследования инфраструктурной услуги в рамках концепции транспортных организационных договоров // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2026. Вып. 3(73). С. 450–462. DOI 10.17072/1995-4190-2026-73-450-462. EDN KPBWQY

Kolodub G. V. Methodological Foundations for Studying Infrastructure Services Within the Concept of Transport Organizational Contracts. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2026. Issue 3(73). Pp. 450–462. DOI 10.17072/1995-4190-2026-73-450-462. EDN KPBWQY (In Russ.)

УДК 347.463

DOI 10.17072/1995-4190-2026-73-450-462

EDN <https://elibrary.ru/kpbwqy>

EDN KPBWQY

Методологические основания исследования инфраструктурной услуги в рамках концепции транспортных организационных договоров

Г. В. Колодуб

Саратовская государственная юридическая академия

E-mail: kolodub-ssla@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 19.01.2026

Введение: в условиях усложнения транспортных связей и возрастания роли инфраструктуры в обеспечении перевозочного процесса особую актуальность приобретает гражданско-правовое осмысление инфраструктурных услуг. В доктрине транспортного и гражданского права такие услуги нередко анализируются через объектные или функциональные характеристики инфраструктуры, что затрудняет выявление их самостоятельной правовой природы и системного места в структуре частноправовых отношений. **Цель:** сформулировать авторский подход к осмыслению инфраструктурной услуги в гражданском праве через раскрытие теоретико-методологических вопросов, определяющих ее самостоятельный правовой характер, и выявить пределы применимости объектного и функционального анализа, а также достаточность традиционных описательных конструкций для оценки отношений в сфере транспортной инфраструктуры. **Методы:** основу исследования составил системный метод, использованный для выявления места инфраструктурной услуги в структуре гражданско-правовых отношений и анализа ее взаимосвязи с иными элементами частноправового регулирования. В его рамках применялись формально-догматический анализ и метод цивилистических конструкций, дополняемые общенаучными методами анализа, синтеза и обобщения. **Результаты:** показано, что инфраструктурная услуга не объясняется в рамках вещных либо традиционных обязательств по оказанию услуг, поскольку ее правовой результат носит организационный характер и выражается в формировании условий использования транспортной инфраструктуры. Обосновано ее пограничное положение между имущественными и организационными отношениями и выявлена системная природа данного явления как совокупности взаимосвязанных правовых средств. **Выводы:** инфраструктурная услуга квалифицируется как самостоятельная цивилистическая категория и гражданско-правовой механизм, посредством

© Колодуб Г. В., 2026



Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

которого обеспечивается согласованное функционирование транспортной инфраструктуры при множественности субъектов и автономии их хозяйственных интересов. Обоснована методологическая значимость данной категории для уточнения границ применимости объектного и функционального анализа, а также развития теории организационных гражданско-правовых отношений в транспортной сфере. Полученные положения формируют теоретическую основу для системного исследования договорных форм оказания инфраструктурных услуг и построения целостной модели договорного регулирования использования транспортной инфраструктуры.

Ключевые слова: инфраструктурная услуга; транспортное право; гражданское право; организационные гражданско-правовые отношения; методология цивилистических исследований; правовой режим инфраструктуры; транспортные договоры

Methodological Foundations for Studying Infrastructure Services Within the Concept of Transport Organizational Contracts

G. V. Kolodub

Saratov State Law Academy

E-mail: kolodub-ssla@yandex.ru

Received 19 Jan 2026

Introduction: given the increasingly complicating transport connections and the growing role of infrastructure in the transportation process, a civil-law analysis of infrastructure services is becoming particularly important. In the doctrine of transport and civil law, such services are often analyzed through the object-based or functional characteristics of infrastructure, which makes it difficult to identify their independent legal nature and their place within the system of private-law relations. **Purpose:** to formulate an original approach to the understanding of infrastructure services in civil law by addressing the theoretical and methodological issues that determine the independent legal nature of these services, as well as to identify the limits of applicability of object-based and functional analysis as well as the adequacy of traditional descriptive constructs for the assessment of relations in the sphere of transport infrastructure. **Methods:** the study is based on the systems approach, which was employed to identify the place of infrastructure services within the structure of civil-law relations and to analyze their interrelation with other elements of private-law regulation. Within this framework, formal-dogmatic analysis and the method of civil-law constructions were applied, supplemented by general scientific methods of analysis, synthesis, and generalization. **Results:** the study demonstrates that an infrastructure service cannot be adequately explained within the framework of proprietary relations or traditional service obligations since its legal result is of an organizational nature and is expressed in the formation of conditions for the use of transport infrastructure. The article substantiates the borderline position of infrastructure services between proprietary and organizational relations and reveals the systemic nature of this phenomenon as a set of interrelated legal instruments. **Conclusions:** an infrastructure service is classified as an independent civil-law category and a civil-law mechanism that ensures coordinated functioning of transport infrastructure in the context of multiple actors and the autonomy of their economic interests. The study demonstrates the methodological significance of this category for clarifying the limits of applicability of object-based and functional analysis, as well as for advancing the theory of organizational civil-law relations in the transport sector. The findings provide theoretical foundations for a systemic study of contractual forms of infrastructure services and for constructing a coherent model of contractual regulation of the use of transport infrastructure.

Keywords: infrastructure service; transport law; civil law; organizational civil-law relations; civil-law research methodology; legal regime of infrastructure; transport contracts

Введение

В последние десятилетия инфраструктура всё чаще используется в научном анализе как инструмент исследования социальных и правовых связей, а не только как совокупность физических объектов [24, р. 1231–1232]. При этом раннее понимание инфраструктуры, которое было преимущественно ориентировано на материальные структуры и нормативные рамки, уступает место иному вектору развития, формирующемуся на фоне изменения материальных свойств инфраструктурных объектов и повсеместного проникновения цифровых технологий в социально-экономическую и правовую действительность [12, с. 38].

Современное состояние отечественных цивилистических исследований в сфере транспортных отношений формирует устойчивый интерес к инфраструктурным отношениям и связанным с ними обязательствам, однако данный интерес до настоящего времени преимущественно выражается в применении фрагментарных объектных либо функциональных схем осмысления соответствующих правовых связей. В результате инфраструктура, объекты инфраструктуры, режим доступа к ним и собственно транспортные услуги нередко рассматриваются как взаимозаменяемые либо производные категории, что затрудняет формирование внутренне непротиворечивой теоретической модели и, как следствие, снижает объяснительный потенциал договорных конструкций, в том числе в сфере железнодорожного транспорта. Показательным является тезис, сформулированный в исследованиях методологических оснований правового анализа, согласно которому «определенные методологические проблемы требуют постоянного исследовательского внимания, поскольку они задают важные ориентиры в понимании как цивилистики в целом, так и цивилистической методологии в частности» [9, с. 8]. Именно в таком ракурсе инфраструктурные явления в гражданском праве рассматриваются в настоящем исследовании.

В доктрине гражданского и транспортного права инфраструктура преимущественно анализируется либо как совокупность имущественных объектов, либо как техническая основа осуществления перевозочного процесса. Подобная трактовка, будучи методологически оправданной на уровне первичного описания, оказывается недостаточной при анализе правовых форм использования инфраструктуры и взаимодействия участников современных транспортных отношений. Данный подход не позволяет провести разграничение между имущественными отношениями по поводу инфраструктурных объектов и отношениями, складывающимися в связи с организацией их использования, обеспечением доступа, распределением пропускной способности, согласованием режимов эксплуатации и ответственности, а также иных форм координации и упорядочения поведения участников.

Указанное ограничение проявляется в том, что при анализе инфраструктурных связей нередко фокус смещается с реально складывающихся общественных отношений на их формально-юридическое выражение. Между тем «исследовать в контексте предмета гражданско-правового регулирования нужно в первую очередь общественные отношения, а не правоотношения. Общественные отношения первичны и не всегда корреспондируют видам гражданских правоотношений» [15, с. 41–42]. Учет данного вывода позволяет нам взглянуть на инфраструктурную услугу как на самостоятельное правовое явление, не сводимое ни к передаче вещи, ни к выполнению работ, ни к оказанию классических фактических услуг.

Отсутствие устойчивых методологических оснований исследования инфраструктурной услуги приводит к тому, что данная категория рассматривается преимущественно через призму формально-юридических конструкций, в результате чего включается в модели обязательств по оказанию услуг либо подменяется публично-правовыми способами регулирования доступа к инфраструктуре. В итоге инфраструктурная услуга выпадает из поля самостоятельного цивилистического анализа, а договорные формы ее опосредования воспринимаются как вторичные по отношению к публичному регулированию, а не как отражение реально складывающихся общественных отношений.

В исследовании намеренно акцентируется внимание на отрасли железнодорожных перевозок, поскольку именно в данной сфере инфраструктурные услуги наглядно выступают не вспомогательным, а системообразующим элементом правового регулирования, что соответствует предмету и направленности авторского научного интереса. Оценки и теоретические проекции, сформулированные применительно к железнодорожному транспорту, не подменяют анализ транспортной инфраструктуры в целом, а позволяют сделать ключевые методологические выводы на материале отрасли, в которой соответствующие правовые конструкции проявляются наиболее отчетливо.

Железнодорожная инфраструктура рассматривается как распределенная система, в границах которой имущественные элементы, технологические процессы и организационно-договорные формы находятся в состоянии постоянной правовой координации. Именно на материале железнодорожной сферы становится возможным показать, каким образом инфраструктурная услуга обеспечивает переход от нормативно заданных требований, технических параметров и режимов безопасности к конкретным договорным режимам использования инфраструктуры. Тем самым железнодорожный транспорт используется как методологически репрезентативная модель, позволяющая выявить организационную природу инфраструктурных услуг и специфику их гражданско-правового опосредования без утраты общетеоретической значимости получаемых выводов.

Таким образом, методологическая задача нашего исследования состоит не в описании инфраструктуры или договоров доступа к ней, а в обосновании теоретической позиции, согласно которой инфраструктурная услуга должна рассматриваться как самостоятельный объект цивилистического анализа, встроенный в систему организационных гражданско-правовых отношений. Такой подход позволяет уточнить понятийный аппарат, границы договорного регулирования и создать предпосылки для дальнейшего системного исследования договора на оказание инфраструктурных услуг в сфере железнодорожных перевозок.

Пределы объектного и функционального анализа инфраструктурной услуги

В отечественной цивилистической доктрине исследование инфраструктурных явлений на протяжении длительного времени осуществлялось преимущественно в рамках объектного и функционального подходов [7]. В результате особенности транспортных отношений, в том числе их инфраструктурная составляющая, нередко оставались вне системного теоретического осмысления и воспринимались через внешние, наиболее наглядные признаки – материальные элементы и выполняемые ими функции [11, с. 104–105]. Подобная догматическая установка объективно способствовала закреплению в доктрине объектного и функционального подходов и затрудняла формирование более сложных организационно-правовых конструкций анализа транспортной инфраструктуры. Такая методологическая установка во многом объяснима историей формирования транспортного права и тесной связью инфраструктуры с материально-технической основой перевозочного процесса.

Вместе с тем применительно к анализу инфраструктурной услуги указанные подходы обнаруживают существенные ограничения, препятствующие выявлению ее гражданско-правовой природы и системного места в структуре частноправовых отношений. Методологическое объяснение этого обстоятельства заключается в том, что, как справедливо отмечается в научной литературе, методология цивилистического исследования не должна ограничиваться анализом внешних характеристик объекта, поскольку предметом познания выступают прежде всего соответствующие общественные отношения [19, с. 122; 20, с. 59]. Игнорирование данного уровня анализа приводит к тому, что инфраструктурная услуга оказывается слабо различимой в системе гражданско-правовых конструкций и не получает самостоятельного теоретического осмысления.

Ориентация на объектно-функциональные характеристики инфраструктуры в значительной степени обусловлена тем, что на начальных этапах гражданско-правового анализа такие подходы оказываются

удобными для систематизации эмпирического материала и выявления базовых элементов соответствующих правоотношений [6, с. 27]. Однако подобное описание имеет вспомогательный характер и не может рассматриваться как достаточное для выявления гражданско-правовой природы инфраструктурной услуги. На уровне первичного обобщения фиксируются лишь внешние параметры инфраструктурных явлений, тогда как их правовое содержание формируется в плоскости более сложных связей и взаимодействий между участниками перевозочного процесса. Поэтому смещение исследовательского акцента от описания к анализу приобретает принципиальное значение, поскольку именно оно позволяет сформировать непротиворечивый подход, раскрывающий инфраструктурную услугу как самостоятельное частноправовое явление, а не как производный элемент имущественного или функционального описания инфраструктуры.

Объектный подход, рассматривающий инфраструктуру с позиции материального блага (вещи либо имущественного комплекса), позволяет описать состав и правовой режим инфраструктурных объектов, однако оказывается ограниченным при анализе отношений по их использованию. Такое описание фиксирует преимущественно материальную сторону инфраструктуры, тогда как ее правовое содержание формируется в системе отношений по организации доступа, распределению возможностей использования и согласованию режимов функционирования. Сведение инфраструктуры к объекту смещает исследовательский фокус на вопросы принадлежности и эксплуатации материальных элементов, оставляя за пределами анализа отношения, которые определяют взаимодействие участников перевозочного процесса и придают инфраструктуре самостоятельное значение в гражданском обороте. Справедливо отмечалось, что акцент исследования исключительно на объекте не позволяет выявить правовое содержание соответствующих связей, поскольку последнее формируется на уровне регулируемых отношений, а не материальных элементов [1, с. 214–220].

Не менее ограниченным представляется и функциональный подход, в рамках которого инфраструктура и связанные с ней услуги описываются через их роль в обеспечении перевозки. При всей очевидной прикладной ценности такой модели она смещает гражданско-правовой анализ в плоскость целого объяснения, сводя инфраструктурную услугу к обслуживающему элементу транспортной деятельности и нивелируя ее современную экономическую ценность. В этой связи отметим, что подход, ориентированный исключительно на объяснение правовых явлений через их цель или функцию, вызывал критику в цивилистической доктрине, где подчеркивается, что такой способ анализа допустим лишь в качестве вспомогательного приема и не может подменять исследование правовой природы соответствующих явлений

и внутреннего механизма их функционирования [16, с. 252, 256–260]. В логике функционального подхода услуга утрачивает самостоятельное значение и воспринимается как техническое либо вспомогательное условие перевозки, а не как особая форма частноправового взаимодействия, опосредующая координацию интересов субъектов. При таком смещении акцентов функция обеспечения перевозки оказывается поставленной выше анализа правовой формы, что препятствует выявлению специфики обязательственных связей, возникающих вокруг инфраструктуры.

Представляется, что содержание инфраструктурных отношений заключается не в создании результата в традиционном понимании, а в формировании устойчивых условий и порядка использования инфраструктуры, которые сохраняют значение независимо от конкретного перевозочного акта. Так, применительно к сфере железнодорожных перевозок инфраструктурная услуга предстает не как вспомогательный элемент перевозочного обязательства и не как разновидность управленческого воздействия на участников рынка [22, с. 300], а как самостоятельное частноправовое образование, в рамках которого формируется и поддерживается организационная структура инфраструктурного взаимодействия. Ее значение заключается в обеспечении устойчивого функционирования перевозочного процесса за счет формирования и поддержания режимов доступа, пропускной способности, согласованности технологических и временных параметров использования инфраструктуры. Именно через инфраструктурную услугу имущественные обязательства в сфере железнодорожных перевозок получают необходимую организационную связность и включаются в целостную систему взаимодействия владельца инфраструктуры, перевозчика, операторов и пользователей, что не объясняется ни в рамках чисто имущественных, ни в рамках управленческих моделей.

В более общем методологическом плане изложенное позволяет заключить, что объектный и функциональный подходы, равно как и их сочетание в рамках традиционной конструкции обязательства по оказанию услуг, не обеспечивают включения инфраструктурных отношений в системный анализ частного права. В пределах указанных моделей инфраструктурная услуга либо растворяется в вещно-правовой проблематике, либо сводится к обслуживающему элементу перевозки, либо формально приравнивается к иным видам услуг, что исключает выявление ее правовой специфики. Это указывает на методологическую ограниченность данных подходов и обуславливает необходимость обращения к иному исследовательскому ракурсу, ориентированному на выявление организационной природы инфраструктурной услуги и обоснование ее самостоятельного места в системе гражданско-правовых отношений.

Определение правовой природы инфраструктурной услуги

Ограниченность объектного и функционального подходов делает необходимым переход от их критики к позитивному анализу исследуемого явления. Такой переход предполагает не уточнение отдельных характеристик инфраструктурной услуги, а обращение к вопросу о ее правовой природе как самостоятельной цивилистической категории, способной быть включенной в систему частного права не через заимствование готовых конструкций, а через выявление собственных оснований правового регулирования. В этой связи принципиальное значение приобретает вопрос о том, каким образом инфраструктурная услуга соотносится с базовыми категориями частного права и в каких формах проявляется ее самостоятельное правовое содержание.

Во-первых, инфраструктурная услуга может быть осмыслена как разновидность услуги в значении, закрепленном в пункте 1 статьи 779 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) и раскрываемом в рамках главы 39 «Возмездное оказание услуг», то есть как деятельность (совершение действий), осуществляемая одним субъектом в интересах другого и не имеющая овеществленного результата. При таком подходе правовой эффект соответствующей деятельности приобретает значение не автономно, а лишь в связи с ее осуществлением, поскольку результат услуги, как отмечается в доктрине, имеет значение только в сопряжении с совершаемыми действиями [4, с. 121–122]. Подобное понимание фиксирует инфраструктурную услугу на уровне отдельного договорного обязательства и воспроизводит сервисную модель ее анализа, однако не позволяет в полной мере отразить сложный и многоуровневый характер совокупности правовых средств, с помощью которых обеспечиваются доступ к инфраструктуре и организация ее использования, и не учитывает особенности современного развития рынка транспортных услуг.

Рассмотрение инфраструктурной услуги как совокупности совершаемых действий формирует представление о доступе к инфраструктуре как о разовом, однотипном полезном эффекте, что обусловлено самой конструкцией услуги в гражданском праве, ориентированной на результат исполнения отдельного обязательства. Между тем фактическое использование инфраструктуры предполагает поддержание устойчивых условий взаимодействия, включающих взаимосвязанные и неоднородные элементы правового регулирования, направленные на обеспечение непрерывности доступа и согласованности использования. В этом аспекте инфраструктурная услуга не должна быть квалифицирована как услуга в классическом гражданско-правовом смысле, поскольку ее правовое содержание не исчерпывается совершением действий и достижением разового полезного эффекта.

По нашему мнению, инфраструктурная услуга не тождественна услугам по управлению, эксплуатации и техническому обслуживанию инфраструктурных объектов, поскольку последние ориентированы на осуществление управленческих либо технических функций в отношении конкретного имущества и направлены на достижение фактического результата его сохранности, исправности или эксплуатационной эффективности. Даже при включении отдельных эксплуатационных или обслуживающих действий инфраструктурная услуга не сводится к ним по своему правовому содержанию, поскольку ее правовой результат выражается не в состоянии или функционировании конкретного объекта, а в установлении и поддержании условий его использования. В зарубежных исследованиях эксплуатация и техническое обслуживание инфраструктуры также рассматриваются как непрерывная деятельность, организуемая через контракты, нацеленные на фактический результат эксплуатации, а не на формирование правового режима использования инфраструктуры [25].

Во-вторых, инфраструктурная услуга может быть рассмотрена через призму гражданского правоотношения, используемого в цивилистической доктрине для анализа отношений, регулируемых гражданским законодательством (п. 1 ст. 2 ГК РФ), то есть как правовая связь между определенным кругом субъектов, в рамках которой одному участнику корреспондируют субъективные права, а другому – юридически обеспеченная обязанность совершать соответствующие действия [21, с. 51]. В таком ракурсе инфраструктурная услуга предстает не как совокупность фактических операций, а как нормативно оформленное взаимодействие, обладающее собственным юридическим содержанием, включающим права требования, корреспондирующие обязанности, пределы осуществления правомочий и способы их защиты. Подобная интерпретация фиксирует инфраструктурную услугу на уровне отдельного гражданского правоотношения и тем самым предполагает исчерпывающее описание ее содержания в рамках данной конструкции, однако такой подход не позволит отразить сложный характер инфраструктурного взаимодействия, поскольку конструкция классического гражданского правоотношения не охватывает формирование, наряду с индивидуальными правами и обязанностями, организационных связей, режимных ограничений и иных правовых средств, выходящих за пределы классической конструкции правовой связи.

В границах отдельного гражданского правоотношения возможно определить допустимый объем использования инфраструктуры конкретным участником посредством фиксации набора прав и обязанностей, однако распределение инфраструктурных возможностей, установление очередности и приоритетов доступа, а также изменение условий использования в ситуации конкуренции интересов не выводятся из содержания индивидуальной правовой связи и не обусловлены ее внутренней динамикой

[13, с. 113]. Указанные элементы связаны с функционированием инфраструктуры как целостного организационного образования, предполагающего координацию поведения множества участников на основе единых регламентов и процедур.

В-третьих, инфраструктурная услуга может быть рассмотрена как особый вид гражданско-правового договора в значении юридического факта (сделки), который в соответствии с пунктом 2 статьи 307 ГК РФ выступает основанием возникновения обязательственных правоотношений и включает специальный комплекс условий, направленных на установление индивидуальных обязательственных связей между участниками по поводу доступа к инфраструктуре и ее использования. Данный подход может способствовать определению содержания взаимных прав и обязанностей сторон, возникающих из соответствующего соглашения, однако рассмотрение инфраструктурной услуги исключительно через призму договора как сделки также сужает анализ, ограничивая его рамками индивидуального обязательственного взаимодействия, и не позволяет учесть организационные и процедурные компоненты, функционирующие вне и помимо конкретного договорного состава и не сводимые к договорным обязательствам.

Правила распределения и координации возможностей использования инфраструктуры, процедуры согласования и изменения условий доступа, а также способы согласования интересов множества пользователей могут быть отражены в договоре посредством отсылок, однако они не формируются самим договором и не исчерпываются его содержанием, поскольку закрепляются в организационно-правовых регламентах, рассчитанных на неопределенный круг участников и действующих независимо от конкретного договорного состава.

В-четвертых, инфраструктурная услуга может быть соотнесена с категорией «правовая форма» в ее цивилистическом понимании, получившем последовательную разработку в исследованиях В. А. Белова [3, с. 190]. В рамках данного подхода правовая форма рассматривается как способ юридического оформления и фиксации социально-экономического содержания, обеспечивающий его включение в сферу гражданско-правового регулирования и не тождественный ни содержанию отношений, ни договору или правоотношению как самостоятельным юридическим конструкциям. С этой позиции инфраструктурная услуга может быть охарактеризована как способ юридического опосредования устойчивых отношений по использованию инфраструктуры, с помощью которого закрепляются допустимые модели поведения участников, пределы осуществления правомочий и общие условия их взаимодействия.

Такой ракурс позволяет выйти за пределы договорной и обязательственной трактовки инфраструктурной услуги и рассматривать ее как форму юридического выражения более широкого комплекса инфраструктурных связей. Вместе с тем обращение к

категории правовой формы не раскрывает собственную правовую природу инфраструктурной услуги, поскольку смещает акцент на уровень юридического оформления соответствующих отношений. Внутренние организационные связи, процедуры координации и совокупность правовых средств, обеспечивающих функционирование инфраструктуры, остаются за пределами данного анализа. В результате правовая форма фиксирует способ выражения инфраструктурного взаимодействия, но не объясняет порядок и условия его реализации, что обуславливает необходимость обращения к иному аналитическому подходу.

Правовая форма инфраструктурной услуги может проявляться в закреплении типовых условий использования инфраструктуры, требований к поведению участников и общих стандартов взаимодействия, применимых ко всем пользователям независимо от содержания конкретных договоров. Однако такие условия и стандарты, будучи юридически оформленными и подлежащими учету в договорных связях, не раскрывают способов фактической организации взаимодействия и не объясняют, каким образом достигается согласование действий участников в условиях множественности и конкуренции интересов, а самое главное – не способствуют формированию единой системы и не предопределяют необходимость оформления правового механизма.

В-пятых, инфраструктурная услуга может быть соотнесена с организационными гражданско-правовыми отношениями, теоретически обоснованными в работах О. А. Красавчикова [14, с. 53]. Несмотря на то что в рамках авторской теории организационные отношения рассматриваются как разновидность гражданских правоотношений, их выделение в самостоятельный аналитический ракурс обусловлено спецификой функционального назначения: такие отношения ориентированы не на непосредственный обмен имущественными благами, а на упорядочение и координацию поведения участников гражданского оборота. С этих позиций инфраструктурная услуга может быть охарактеризована не как результат имущественного обмена и не как совокупность частных обязательств, а как организующее гражданско-правовое отношение, направленное на согласование действий участников при использовании инфраструктуры.

Считаем, что инфраструктурная услуга представляет собой системное правовое образование, анализ которого не может быть ограничен рамками отдельного гражданского правоотношения, включая организационное. Ее правовая природа раскрывается через комплекс взаимодействующих правовых средств, обеспечивающих согласованное функционирование организационных и обязательственных элементов и ориентированных на достижение интегрированного правового результата, не сводимого к какому-либо одному элементу гражданско-правового регулирования.

Инфраструктурная услуга как пограничная категория между имущественными и организационными отношениями

Представляется, что в инфраструктурных отношениях результат не носит разового и завершенного характера. Напротив, он выражается в обеспечении устойчивого режима функционирования инфраструктуры, допускающего многократное и повторяющееся использование ее возможностей различными субъектами [26, Рр. 187–188]. Такой результат не «передается» и не потребляется одномоментно, а сохраняет правовое значение на протяжении всего периода действия инфраструктурного взаимодействия, что позволяет рассматривать инфраструктурные услуги как устойчивую правовую связь, организующую и интегрирующую взаимодействие участников в рамках системного порядка правового регулирования.

Можно утверждать, что инфраструктурная услуга ориентирована не столько на удовлетворение автономного интереса конкретного субъекта, сколько на координацию и согласование интересов множества участников имущественного оборота. Как отмечал Б. И. Пугинский, «интерес определяет зону целей. Он может пониматься как форма проявления потребности, направленность на удовлетворение которой обеспечивается через осознание и определение целей деятельности» [18, с. 73]. В этом смысле инфраструктурная услуга выступает правовой формой, посредством которой разнонаправленные интересы участников инфраструктурных отношений [10, с. 41–42] трансформируются в согласованную систему целей, реализуемую через установление и поддержание соответствующих режимов использования инфраструктуры. Она формирует общие условия доступа, использования и распределения инфраструктурных ресурсов, выступая связующим элементом между индивидуальными имущественными сделками и функционированием инфраструктуры как целостной системы. Именно такая функция инфраструктурной услуги позволяет обеспечить координацию поведения субъектов без утраты автономии их воли и без обращения к публично-властным формам воздействия.

Именно в этом проявляется обеспечительный и координирующий характер инфраструктурной услуги. Ее содержание заключается в создании и поддержании таких организационных режимов, которые делают возможным и предсказуемым осуществление имущественных отношений в сфере перевозок.

Инфраструктурная услуга по своей природе ориентирована на подготовку, организацию и стабилизацию имущественного оборота, не растворяясь в нем и не утрачивая собственной юридической специфики. Именно это промежуточное положение между имущественными и организационными отношениями позволяет рассматривать инфраструктурную услугу в качестве самостоятельного объекта

цивилистического исследования и обосновывает учет теории организационных отношений.

Организационный характер правового результата инфраструктурной услуги позволяет избежать той методологической ошибки, на риск которой указывал А. И. Хаснутдинов применительно к транспортным договорам, а именно необоснованного отнесения к организационным отношениям всех вспомогательных и подготовительных обязательств [23, с. 35]. Так, указывается, что решающим является не сам факт предшествования имущественным отношениям и не обеспечительная функция как таковая, а соотношение организационных и имущественных элементов, при котором преобладание первых формирует самостоятельный юридически значимый результат. В связи с этим инфраструктурная услуга не может рассматриваться как вспомогательное имущественное обязательство, поскольку ее правовой результат носит собственный организационный характер и обеспечивает формирование устойчивых условий осуществления имущественного оборота.

Применительно к сфере железнодорожных перевозок пограничный характер инфраструктурной услуги между имущественными и организационными отношениями проявляется наиболее наглядно. В условиях, когда перевозочный процесс основан на использовании единой технологически связанной инфраструктуры, правовое значение приобретает не только совершение отдельных имущественных действий, но и поддержание устойчивых режимов доступа, пропускной способности, согласованности эксплуатации и распределения инфраструктурных возможностей. При этом данные элементы подлежат согласованному функционированию. Именно инфраструктурная услуга должна стать тем связующим звеном, которое в данной сфере обеспечивает переход от организационного упорядочения перевозочного процесса к реализации конкретных имущественных обязательств, не подменяя их содержания, а формируя условия для их стабильного и воспроизводимого осуществления.

В более общем методологическом плане проведенный анализ позволяет квалифицировать инфраструктурную услугу как пограничную гражданско-правовую категорию, занимающую самостоятельное место между имущественными и организационными отношениями. Ее специфика заключается в том, что она не направлена на непосредственное перемещение имущественных благ и не исчерпывается созданием разового юридического эффекта, но одновременно и не сводится к абстрактной организации оборота, оторванной от конкретных имущественных связей. Инфраструктурная услуга опосредует переход от организационного упорядочения к имущественной реализации, обеспечивая согласованность, предсказуемость и воспроизводимость экономических взаимодействий. Данное понимание исключает квалификацию инфраструктурной услуги как вспомогательного имущественного обязательства либо как чисто организационной конструкции и обосновывает

необходимость ее самостоятельного теоретического осмысления в системе гражданского права. Вместе с тем выявление пограничной природы инфраструктурной услуги объективно выдвигает на первый план анализ организационных гражданско-правовых отношений как той методологической основы, через которую становится возможным раскрытие ее системного строения и внутренней логики функционирования.

Организационные гражданско-правовые отношения как методологическая основа исследования инфраструктурной услуги

Учет ценности теории организационных правоотношений при исследовании инфраструктурной услуги предопределяет опору на результаты научных разработок, направленных на выявление способов реализации организационных отношений в отдельных отраслях и институтах гражданского права. В этом контексте особое значение приобретает концепция С. Ю. Морозова, в рамках которой организационные гражданско-правовые отношения рассматриваются через договорные конструкции и иные частноправовые средства, обеспечивающие функционирование сложных имущественных связей, прежде всего в транспортной сфере [17, с. 7]. Важным методологическим следствием такого подхода является возможность учета положений теории систем, поскольку соответствующие отношения анализируются не изолированно, а как элементы целостного правового образования, функционирование которого определяется характером связей между его компонентами. При этом указанная концепция не подменяет теоретические основания, заложенные О. А. Красавчиковым, а развивает их на уровне отраслевого и институционального анализа, показывая практическую реализуемость организационных отношений в системе частноправового регулирования.

И теория организационных правоотношений, и развивающая ее концепция обладают самостоятельной научной ценностью для настоящего исследования, однако в методологическом отношении именно концепция используется в качестве основной аналитической опоры. Это обусловлено тем, что при сохранении теоретических оснований она позволяет работать с конкретными формами и способами реализации организационных отношений в системе частноправового регулирования и тем самым обеспечивает анализ инфраструктурной услуги как сложного и многоуровневого правового явления.

В рамках рассматриваемой концепции инфраструктурная услуга анализируется через систему договорных и иных частноправовых средств, обеспечивающих функционирование сложных имущественных связей. В таком ракурсе она предстает как элемент частноправового регулирования, обеспечивающий согласование и упорядочение множества договорных и внедоговорных имущественных связей, возникающих в процессе совместного использования

инфраструктуры. Ее назначение заключается не в заведении имущественных обязательств и не в их обслуживании в узком смысле, а в создании устойчивых условий их согласованной реализации, что обеспечивает предсказуемость и воспроизводимость гражданского оборота.

Дополнительная ценность концепции организационных гражданско-правовых отношений заключается в том, что она ориентирована не на построение исчерпывающей классификационной модели, а на выявление способов связывания разнородных правовых элементов в рамках функционирующих гражданско-правовых образований. В отличие от теоретических конструкций, стремящихся к жесткому разграничению видов правоотношений, данная концепция допускает аналитическую работу с пограничными и гибридными правовыми явлениями, не требуя их предварительного отнесения к одной из традиционных категорий.

Именно эта открытость позволяет использовать концепцию организационных гражданско-правовых отношений как методологический инструмент при исследовании инфраструктурной услуги, правовая природа которой формируется на пересечении имущественных и организационных начал и не поддается однозначной квалификации в рамках классических гражданско-правовых моделей. Ее эвристическая ценность заключается в возможности выявления внутренней логики функционирования инфраструктурной услуги как целостного правового образования, в котором организационные элементы выполняют связующую и направляющую функцию по отношению к имущественным взаимодействиям. В этом смысле обращение к указанной концепции имеет не объяснительно-описательное, а методологически навигационное значение, позволяя выстроить анализ инфраструктурной услуги без искусственного упрощения ее содержания и без подмены системного рассмотрения формальной квалификацией.

Методологическая значимость концепции организационных гражданско-правовых отношений для исследования инфраструктурной услуги состоит также в возможности последовательного разграничения частноправовой организации и публично-правового управления. В сфере инфраструктурных взаимодействий указанная граница нередко размывается, поскольку использование инструментов упорядочения, координации и согласования поведения участников внешне сближает соответствующие правовые конструкции с управленческими воздействиями. Однако такое сходство носит функциональный, а не юридический характер и само по себе не предопределяет тождественности их правовой природы.

Концепция организационных гражданско-правовых отношений позволяет показать, что упорядочение и координация поведения могут осуществляться в рамках частноправовых форм, не предполагающих властного подчинения и не опосредующих реализацию публичных полномочий. Применительно

к инфраструктурной услуге это имеет принципиальное значение, поскольку она обеспечивает согласование интересов и организацию взаимодействия участников имущественного оборота, оставаясь в пределах частноправового регулирования и не трансформируясь в форму публичного управления.

В рамках анализа инфраструктурных отношений требуется разграничение организационных гражданско-правовых отношений, с одной стороны, и управленческих, а также публично-властных связей – с другой. Несмотря на внешнее сходство, выражающееся в использовании схожих инструментов упорядочения и координации поведения участников, их правовая природа носит принципиально различный характер. Обоснованным в этой связи является подход, согласно которому ключевым теоретическим критерием разграничения частного и публичного права выступает наличие в конкретном правоотношении непосредственно возникающего частного интереса, в котором отсутствует интерес государства как субъекта суверенной политической власти [8, с. 47], при этом инфраструктурная услуга по своей правовой природе ориентирована именно на обеспечение и согласование частных интересов участников гражданского оборота.

Управленческие и публично-властные отношения характеризуются односторонним властным воздействием и строятся на началах подчинения, при котором один из участников реализует публичные полномочия в интересах государства. Организационные гражданско-правовые отношения имеют иную правовую природу: они основаны на юридическом равенстве участников, автономии воли и согласовании частных интересов, а координация поведения в их рамках достигается посредством договорных и иных частноправовых форм, предполагающих добровольное принятие взаимных обязанностей и признание юридически значимых интересов контрагентов. Как справедливо отмечается в исследованиях, посвященных методологическим основаниям правового анализа, «организационные отношения построены по принципу координации, тогда как отношения управления носят внутренний характер и строятся по принципу “ты мне – я тебе”» [15, с. 42].

Применительно к сфере железнодорожных перевозок обращение к организационным гражданско-правовым отношениям позволяет адекватно описать правовую природу инфраструктурной услуги в условиях технологически и экономически сложного перевозочного процесса. В данной сфере устойчивость и воспроизводимость имущественных обязательств обусловлены не только фактом заключения и исполнения договоров перевозки, но и наличием согласованных режимов доступа к инфраструктуре, пропускной способности, использованию путей, станций и иных инфраструктурных объектов. Инфраструктурная услуга в этих условиях выполняет организационную функцию, обеспечивая увязку имущественных обязательств различных участников перевозочного процесса и создавая частно-

правовой механизм [5, с. 92] их согласованной реализации, который не сводится ни к вспомогательному имущественному обязательству, ни к форме публичного управления.

**Инфраструктурная услуга
как гражданско-правовой механизм
реализации организационных отношений**

Рассмотрение инфраструктурной услуги в логике концепции организационных гражданско-правовых отношений позволяет перейти от общего определения ее места в системе частноправового регулирования к анализу той описательной формы, в которой организационное начало исследуемого нами правового явления получает юридическое выражение.

Организационная природа инфраструктурной услуги проявляется прежде всего в ее ориентации на формирование и поддержание устойчивых условий функционирования инфраструктуры, обеспечивающих возможность совместного использования соответствующих объектов множеством участников. Содержание инфраструктурной услуги при этом не сводится к совершению единичных действий или предоставлению изолированного блага, а выражается в установлении и поддержании согласованных условий и режимов использования инфраструктуры, в рамках которых осуществляется координация поведения вовлеченных в отношения субъектов.

Сложная структура организации инфраструктурного взаимодействия, включающая договорные, режимные и иные частноправовые элементы, позволяет рассматривать инфраструктурную услугу как гражданско-правовой механизм, посредством которого осуществляется согласование поведения участников инфраструктурных связей в системе частноправового регулирования.

Правовой результат инфраструктурной услуги, выраженный в поддержании определенного состояния инфраструктурного взаимодействия, включает доступность инфраструктуры, пропускную способность, согласованность режимов эксплуатации, а также временные и технические параметры ее использования. Такой результат формируется не через разовое предоставление доступа, а через создание и поддержание условий, обеспечивающих воспроизводимое использование инфраструктуры в согласованных рамках, что соотносится с идеей о полезном эффекте деятельности исполнителя в перевозочных отношениях, сформулированной А. А. Ананьевой [2, с. 281–282].

В условиях построения инфраструктурно насыщенных сфер такое понимание инфраструктурной услуги приобретает особую значимость, поскольку само инфраструктурное взаимодействие по своей природе является многосторонним и неоднородным, при этом востребованным в современном гражданском обороте. В рамках использования транспортной инфраструктуры в процесс вовлечены, по меньшей мере, владельцы инфраструктуры, перевозчики,

операторы, а также иные пользователи инфраструктурных возможностей, чьи интересы формируются автономно и часто не совпадают по своему содержанию и направленности.

Каждый из указанных и иных субъектов ориентирован на достижение собственного хозяйственного результата – получение доступа к инфраструктуре, обеспечение пропускной способности, соблюдение технологических режимов, распределение рисков эксплуатации и ответственности за возможные сбои и т. п. При отсутствии специального правового механизма хозяйственные интересы участников не получают необходимого правового опосредования, что повышает риск их неполной либо искаженной реализации, поскольку использование инфраструктуры одним субъектом неизбежно влияет на условия осуществления хозяйственной деятельности других участников.

Именно в этом контексте инфраструктурная услуга обнаруживает свою описательную форму как гражданско-правовой механизм. Он не направлен на устранение различий хозяйственных интересов и не подменяет собой имущественные обязательства, возникающие между отдельными участниками инфраструктурных отношений, а обеспечивает их правовое опосредование и включение в общий режим использования инфраструктуры. Посредством данного механизма индивидуальные интересы и договорные связи не приводятся к единому содержанию, но приобретают взаимную обусловленность в рамках заданной модели функционирования инфраструктурного объекта, что позволяет снизить риск недостижения соответствующих хозяйственных результатов при совместном использовании инфраструктуры.

Упорядочение взаимодействия участников достигается не за счет централизованного управления или властного перераспределения ресурсов, а посредством частноправовых средств – договорных условий, режимных требований, процедур доступа и эксплуатации, которые в своей совокупности формируют устойчивый порядок использования инфраструктуры. Исследуемая услуга обеспечивает включение множества имущественных связей в общий режим функционирования инфраструктурного объекта, создавая условия для их совместного осуществления и воспроизводимости во времени.

В таком понимании инфраструктурная услуга позволяет перейти от анализа разрозненных обязательств к рассмотрению целостной конструкции частноправового регулирования, в рамках которой организация поведения участников выступает не побочным следствием договорных связей, а самостоятельным правовым результатом. Именно эта конструкция и дает основания квалифицировать инфраструктурную услугу как гражданско-правовой механизм, обеспечивающий устойчивое функционирование инфраструктуры в условиях множественности субъектов и пересечения их хозяйственных интересов.

Выводы

В проведенном исследовании инфраструктурная услуга последовательно выведена из плоскости объектно-функционального описания транспортной инфраструктуры и помещена в центр самостоятельного цивилистического анализа как особое частноправовое явление, формирующееся на пересечении имущественных и организационных начал. Установлено, что привычное представление инфраструктурных связей как отношений по поводу материальных объектов либо их обслуживающей роли в перевозке методологически уместно на уровне первичной систематизации, однако недостаточно для раскрытия правового содержания отношений по организации доступа, распределению пропускной способности и поддержанию режимов эксплуатации. Смещение исследовательского внимания с формально-юридического выражения на реально складывающиеся общественные отношения позволяет выявить инфраструктурную услугу как самостоятельную категорию, не сводимую ни к передаче вещи, ни к выполнению работ, ни к оказанию классических фактических услуг.

Показано, что попытки осмысления инфраструктурной услуги через конструкцию услуги в смысле пункта 1 статьи 779 ГК РФ, через модель отдельного гражданского правоотношения либо исключительно через договор как юридический факт неизбежно фиксируют анализ на уровне индивидуального обязательственного взаимодействия и не охватывают организационно-режимные и процедурные компоненты, посредством которых обеспечивается воспроизводимость и устойчивость инфраструктурного использования. В этом аспекте инфраструктурная услуга не может быть корректно объяснена в границах одной догматической конструкции, поскольку ее правовое содержание формируется в системе взаимодействующих частноправовых средств, действующих не изолированно, а в функционально связанной совокупности.

Обосновано, что инфраструктурная услуга занимает пограничное положение между имущественными и организационными отношениями. Ее правовой результат выражается не в разовом предоставлении доступа и не в завершенном «потреблении» результата, а в поддержании определенного состояния инфраструктурного взаимодействия, включающего доступность инфраструктуры, пропускную способность, согласованность режимов эксплуатации, а также временные и технические параметры использования. Тем самым инфраструктурная услуга выступает не вспомогательным элементом перевозочного обязательства и не формой управленческого воздействия, а устойчивым частноправовым механизмом организационного характера, обеспечивающим возможность совместного использования инфраструктуры множеством участников при автономии их хозяйственных интересов и неизбежной взаимозависимости условий деятельности.

Методологическая ценность обращения к теории организационных гражданско-правовых отношений и

развивающей ее отраслевой концепции состоит в том, что она позволяет разграничить частноправовую организацию и публично-правовое управление, показать координацию поведения субъектов как результат частноправового опосредования, основанного на юридическом равенстве и автономии воли, и одновременно раскрыть системную природу инфраструктурной услуги как комплекса договорных, режимных и процедурных элементов. На примере железнодорожного транспорта данная логика проявляется наиболее отчетливо, поскольку именно здесь инфраструктурная услуга выступает системообразующим элементом правового регулирования и обеспечивает переход от нормативно заданных требований и технических параметров к договорным режимам использования инфраструктуры без подмены частноправовых конструкций публично-властными формами воздействия.

С учетом полученных результатов инфраструктурная услуга определяется как гражданско-правовой механизм, посредством которого в системе частноправового регулирования формируются и поддерживаются условия доступа к инфраструктуре и ее использования, обеспечивающие воспроизводимое совместное функционирование инфраструктурного объекта при множественности субъектов и автономии их хозяйственных интересов. Предложенный подход конкретизирует понятийный аппарат исследования, задает более точные границы применимости объектного и функционального анализа и создает теоретическую основу для дальнейшего системного исследования договорных форм оказания инфраструктурных услуг в сфере железнодорожных перевозок.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.
2. Ананьева А. А. Договорное регулирование оказания услуг по управлению перевозками: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. 424 с.
3. Белов В. А. Гражданское право.: учебник для бакалавриата и магистратуры; 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. Т. 1. 622 с.
4. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М.: Статут, 2002. 598 с.
5. Вавилин Е. В. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2016. 416 с.
6. Вавилин Е. В., Колодуб Г. В. Методологический аспект в исследовании системы категорий науки гражданского права: философское измерение // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. Вып. 1. С. 14–33. DOI 10.33397/2619-0559-2019-1-1-14-33
7. Вайпан В. А. Транспортное право // Большая российская энциклопедия. 2024. URL: <https://bigenc.ru/c/transportnoe-pravo-b4e7fc>.

8. Голубцов В. Г. Сочетание публичных и частных начал в регулировании вещных отношений с участием государства. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2005. 247 с.

9. Голубцов В. Г., Кузнецова О. А. Об учреждении периодического научного журнала-ежегодника «Методологические проблемы цивилистических исследований» // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. Вып. 1. С. 10–13.

10. Гречуха В. Н. Правовая природа договора об оказании услуг по использованию инфраструктуры железнодорожного транспорта // ЭКОНОМИКА. ПРАВО. ОБЩЕСТВО. 2016. № 1. С. 37–43.

11. Духно Н. А. Транспортное право и его научная основа // Транспортное право и безопасность. 2023. № 2(46). С. 100–110.

12. Захарова М. В., Воронин М. В. Юридическая наука в вызовах внешней среды: от национального прошлого к столкновению с парадигмами глобализации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 43. С. 19–45. DOI 10.17072/1995-4190-2019-43-19-45

13. Колодуб Г. В. Динамика гражданско-правового обязательства: категория, содержание, значение // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2011. № 3 (28). С. 112–116.

14. Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права: изб. тр.: в 2 т. 3-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2023. 500 с.

15. Морозов С. Ю. Методологические проблемы исследования предмета гражданского права // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2022. Вып. 4. С. 29–47. DOI 10.33397/2619-0559-2022-4-4-29-47

16. Морозов С. Ю. Методология исследования гражданско-правовых механизмов // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2020. Вып. 2. С. 250–266. DOI 10.33397/2619-0559-2020-2-2-250-266

17. Морозов С. Ю. Система транспортных организационных договоров: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 51 с.

18. Пугинский Б. И. Теория и практика договорного регулирования. М.: Зерцало-М, 2008. 224 с.

19. Сафин З. Ф., Челышев М. Ю. О методологии цивилистических исследований // Вестник Саратовской государственной академии права. 2011. № 6. С. 120–125.

20. Ситдикова Р. И., Коробко К. И. Межотраслевые связи гражданского права как проявление системности // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2023. Вып. 5. С. 57–67. DOI 10.33397/2619-0559-2023-5-5-57-67

21. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М.: Юрид. лит., 1974. 351 с.

22. Харитонова Ю. С. Управление в гражданском праве: проблемы теории и практики. М.: Норма: Инфра-М, 2011. 304 с.

23. Хаснутдинов А. И. Транспортные организационные правоотношения // Социально-политические науки. 2016. № 3. С. 33–35.

24. Byrne W. H., Gammeltoft-Hansen T., Stappert N. Legal infrastructures: Towards a conceptual framework // German Law Journal. 2024. Vol. 25. Special issue 8. Pp. 1229–1246. DOI 10.1017/glj.2024.78

25. Nilsson Vestola E., Larsson J., Hedgren E. Public clients pursue innovation, but what's going on at the project level? A case study of infrastructure operation and maintenance // Construction Management and Economics. 2025. Vol. 43. Issue 1. Pp. 26–39. DOI 10.1080/01446193.2024.2376580

26. Palmer E. Roads and Rules: What Does Infrastructure Reveal about International Law? // Asian Journal of International Law. 2024. Vol. 14. Issue 1. Pp. 180–207. DOI 10.1017/S2044251323000413

References

1. Alekseev S. S. *Pravo: azbuka – teoriya – filosiya. Opyt kompleksnogo issledovaniya* [Law: The ABC – Theory – Philosophy. An Experience of Comprehensive Research]. Moscow, 1999. 712 p. (In Russ.)

2. Anan'eva A. A. *Dogovornoe regulirovanie okazaniya uslug po upravleniyu perevozkam* [Contractual Regulation of the Provision of Transport Management Services: Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2020. 424 p. (In Russ.)

3. Belov V. A. *Grazhdanskoe pravo. T. 1: Obshchaya chast'. Vvedenie v grazhdanskoe pravo* [Civil Law. Vol. 1: General Part. Introduction to Civil Law]. 3rd ed., rev. and exp. Moscow, 2016. 622 p. (In Russ.)

4. Braginskii M. I., Vitryanskii V. V. *Dogovornoe pravo. Kniga tret'ya: Dogovory o vypolnenii rabot i okazanii uslug* [Contract Law. Book Three: Contracts for Works and Services]. Moscow, 2002. 598 p. (In Russ.)

5. Vavilin E. V. *Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav* [The Exercise and Protection of Civil Rights]. 2nd ed., rev. and exp. Moscow, 2016. 416 p. (In Russ.)

6. Vavilin E. V., Kolodub G. V. Methodological Aspect in the Study of the Civil Law Categories System: Philosophical Dimension. *Methodological Problems of the Civil Law Researches*. 2019. Issue 1. Pp. 14–33. DOI 10.33397/2619-0559-2019-1-1-14-33 (In Russ.)

7. Vaipan V.A. *Transportnoe pravo* [Transport Law]. *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya* [The Great Russian Encyclopedia]. 2024. Available at: <https://bigenc.ru/c/transportnoe-pravo-b4e7fc> (In Russ.)

8. Golubtsov V. G. *Sochetanie publicnykh i chastnykh nachal v regulirovanii veshchnykh otnoshenii s uchastiem gosudarstva* [The Combination of Public and Private Principles in the Regulation of Proprietary Relations With the Participation of the State]. 2nd ed., rev. and enl. St. Petersburg, 2005. 247 p. (In Russ.)

9. Golubtsov V. G., Kuznetsova O. A. On Establishing of the Yearly Periodical “Methodological Problems of the Civil Law Researches”. *Methodological*

Problems of the Civil Law Researches. 2019. Issue 1. Pp. 10–13. (In Russ.)

10. Grechukha V. N. Legal Nature of the Service Contract for the Use of Railway Infrastructure. *EKONOMIKA. PRAVO. OBSHCHESTVO* – Economics. Law. Society. 2016. Issue 1. Pp. 37–43. (In Russ.)

11. Dukhno N. A. Transport Law and Its Scientific Basis. *Transport Law and Security*. 2023. Issue 2(46). Pp. 100–110. (In Russ.)

12. Zakharova M. V., Voronin M. V. Science of Law and Challenges of External Environment: From National Past to Collision with Paradigms of Globalization. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2019. Issue 43. Pp. 19–45. DOI 10.17072/1995-4190-2019-43-19-45 (In Russ.)

13. Kolodub G. V. Dinamika grazhdansko-pravovogo obyazatel'stva: kategoriya, soderzhanie, znachenie [Dynamics of a Civil-Law Obligation: Category, Content, Significance]. *Vestnik Povolzhskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby* – Bulletin of the Volga Region Academy of Public Administration. 2011. Issue 3 (28). Pp. 112–116. (In Russ.)

14. Krasavchikov O. A. *Kategorii nauki grazhdanskogo prava* [Categories of Civil Law Science]: Selected Works: in 2 vols. 3rd ed., rev. and exp. Moscow, 2023. 500 p. (In Russ.)

15. Morozov S. Yu. Methodological Problems of Researching the Subject of Civil Law. *Methodological Problems of the Civil Law Researches*. 2022. Issue 4. Pp. 29–47. DOI 10.33397/2619-0559-2022-4-4-29-47 (In Russ.)

16. Morozov S. Yu. Methodology for the Study of Civil Law Mechanisms. *Methodological Problems of the Civil Law Researches*. 2020. Issue 2. Pp. 250–266. DOI 10.33397/2619-0559-2020-2-2-250-266 (In Russ.)

17. Morozov S. Yu. *Sistema transportnykh organizatsionnykh dogovorov* [The System of Transport Organizational Contracts]. Moscow, 2011. 51 p. (In Russ.)

18. Puginskii B.I. *Teoriya i praktika dogovornogo regulirovaniya* [Theory and Practice of Contractual Regulation]. Moscow, 2008. 224 p. (In Russ.)

19. Safin Z. F., Chelyshev M. Yu. O metodologii tsivilisticheskikh issledovaniy [On the Methodology of Civil Law Research]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi akademii prava*. 2011. Issue 6. Pp. 120–125. (In Russ.)

20. Sitdikova R. I., Korobko K. I. Mezhotraslevye svyazi grazhdanskogo prava kak proyavlenie sistemnosti [Inter-Branch Relations of Civil Law as a Manifestation of Systematicity]. *Methodological Problems of the Civil Law Researches*. 2023. Issue 5. Pp. 57–67. DOI 10.33397/2619-0559-2023-5-5-57-67 (In Russ.)

21. Khalfina R.O. *Obshchee uchenie o pravootnoshenii* [General Theory of Legal Relationship]. Moscow, 1974. 351 p. (In Russ.)

22. Kharitonova Yu. S. *Upravlenie v grazhdanskom prave: problemy teorii i praktiki* [Management in Civil Law: Problems of Theory and Practice]. Moscow, 2011. 304 p. (In Russ.)

23. Khasnutdinov A.I. *Transportnye organizatsionnye pravootnosheniya* [Transport Organizational Legal Relations]. *Sotsial'no-politicheskie nauki* – Social and Political Sciences. 2016. Issue 3. Pp. 33–35. (In Russ.)

24. Byrne W.H., Gammeltoft-Hansen T., Stappert N. Legal Infrastructures: Towards a Conceptual Framework. *German Law Journal*. 2024. Vol. 25. Issue 8. Pp. 1229–1246. DOI 10.1017/glj.2024.78 (In Eng.)

25. Nilsson E., Larsson J., Hedgren E. Public Clients Pursue Innovation, But What's Going on at the Project Level? A Case Study of Infrastructure Operation and Maintenance. *Construction Management and Economics*. 2025. Vol. 43. Issue 1. Pp. 26–39. DOI 10.1080/01446193.2024.2376580 (In Eng.)

26. Palmer E. Roads and Rules: What Does Infrastructure Reveal About International Law? *Asian Journal of International Law*. 2024. Vol. 14. Issue 1. Pp. 180–207. DOI 10.1017/S2044251323000413 (In Eng.)

Информация об авторе:

Г. В. Колодуб

Кандидат юридических наук, директор Института правотворчества и правового прогнозирования

Саратовская государственная юридическая академия
410056, Россия, г. Саратов, ул. Н. Г. Чернышевского, 135

ORCID: 0000-0002-7427-7497
Researcher ID: E-7608-2016

Статьи в БД Scopus / Web of Science:

DOI 10.17072/1995-4190-2015-3-100-106
DOI 10.24115/S2446-622020206Extra-A571p.135-141
DOI 10.24115/S2446-622020206Extra-C652p.276-281
DOI 10.17223/22253513/35/17
DOI 10.29042/2019-5462-5464

About the author:

G. V. Kolodub

Saratov State Law Academy
135, N. G. Chernyshevskogo st., Saratov, 410056, Russia

ORCID: 0000-0002-7427-7497
Researcher ID: E-7608-2016

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI 10.17072/1995-4190-2015-3-100-106
DOI 10.24115/S2446-622020206Extra-A571p.135-141
DOI 10.24115/S2446-622020206Extra-C652p.276-281
DOI 10.17223/22253513/35/17
DOI 10.29042/2019-5462-5464

Информация для цитирования:

Лаптев В. А. Концепция развития корпоративного законодательства Российской Федерации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2026. Вып. 3(73). С. 463–484. DOI 10.17072/1995-4190-2026-73-463-484. EDN MOZDXS

Laptev V. A. Concept of Corporate Legislation Development in the Russian Federation. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2026. Issue 3(73). Pp. 463–484. DOI 10.17072/1995-4190-2026-73-463-484. EDN MOZDXS (In Russ.)

УДК 347

DOI 10.17072/1995-4190-2026-73-463-484

EDN <https://elibrary.ru/mozdxx>

EDN MOZDXS

Концепция развития корпоративного законодательства Российской Федерации

В. А. Лаптев

Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Институт государства и права РАН

E-mail: laptev.va@gmail.com

Статья поступила в редакцию 03.06.2026

Введение: в работе анализируются юридическая доктрина и практика в сфере регулирования корпоративных отношений по вопросам, требующим переосмысления на современном этапе. Приводится обзор отдельных норм корпоративного законодательства России, действие которых обеспечивает потребности участников корпоративных отношений. Исследуются понятие корпорации, субъекты корпоративного права, реализация правоспособности корпоративной организации, значение публичных реестров, институт наследования корпорации, внутренние документы, кодексы корпоративного управления и корпоративные договоры. Особое внимание сосредоточивается на содержании управленческих прав членов корпорации. Выделяются директивная модель управления стратегическими и оборонными корпоративными организациями, а также подходы к корпоративной ответственности публично-правового образования и его представителя. Раскрываются система и отдельные способы защиты корпоративных прав и законных интересов участников корпоративных отношений. Исследуется содержание отдельных корпоративных, в том числе фидуциарных, обязательств руководителя и участников корпоративной организации. Определяются понятие и место корпоративной ответственности в системе видов юридической ответственности. **Цель:** установить возможные направления совершенствования корпоративного законодательства России. **Методы:** эмпирические методы наблюдения, сравнения и описания; теоретические методы анализа, синтеза и классификации; частнонаучный формально-логический метод. **Результаты:** проведено исследование состояния современного корпоративного законодательства и предложены пути развития отдельных норм корпоративного законодательства. **Выводы:** выявлены доктринальные противоречия ряда действующих институтов и норм корпоративного права, сформулированы новые положения соответствующих норм законодательства в сфере регулирования корпоративных отношений. Исследование позволяет совершенствовать корпоративное законодательство и правоприменительную практику.

© Лаптев В. А., 2026



Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Ключевые слова: корпоративное право; реформирование корпоративного законодательства; понятие корпорации; правосубъектность; правоспособность корпорации; устав; корпоративный договор; наследование корпорации; правомочия члена корпорации; управление корпорацией; сделки корпорации; защита корпоративных прав; корпоративная ответственность

Concept of Corporate Legislation Development in the Russian Federation

V. A. Laptev

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

E-mail: laptev.va@gmail.com

Received 03 Jun 2026

Introduction: this paper explores the legal doctrine and practice regarding the regulation of corporate relations on issues that require rethinking at the present stage. It provides an overview of specific provisions of Russian corporate legislation designed to address the needs of corporate players. The author examines the concept of a corporation, the subjects of corporate law, the exercise of a corporate entity's legal capacity, the significance of public registries, the concept of corporate succession, internal documents, corporate governance codes, and corporate agreements. Particular attention is paid to the scope of management rights held by corporate members. The paper highlights the directive model of managing strategic and defense-related corporate entities and discusses approaches to corporate responsibility for public-law entities and their representatives. The study reveals the system and specific methods of protecting corporate rights and legitimate interests of corporate players. It explores the substance of specific corporate obligations, including fiduciary obligations, of the head and participants in a corporate entity. The paper defines the concept of corporate liability and its place within the system of types of legal liability. **Purpose:** to identify possible areas for improving Russia's corporate legislation. **Methods:** empirical methods of observation, comparison, and description; theoretical methods of analysis, synthesis, and classification; a discipline-specific formal-logical method. **Results:** the study examined the current state of corporate legislation and proposed avenues for developing specific provisions of corporate legislation. **Conclusion:** doctrinal contradictions in a number of existing corporate law institutions and provisions have been identified, new provisions have been formulated. This study contributes to improving corporate legislation and legal practice.

Keywords: corporate law; corporate legislation reform; corporation concept; legal personality; legal capacity of a corporation; articles of incorporation; corporate agreement; corporate succession; powers of a corporate member; corporate governance; corporate transactions; corporate rights protection; corporate liability

Введение

Реформирование положений гражданского законодательства Российской Федерации в 2012–2014 годах во многом было основано на положениях концепции 2009 года¹, оценку которой еще долгое время будут давать отечественные правоведы [56, с. 31–38; 52, с. 7–26; 7, с. 16–95]. Существенно изменена глава 4

Гражданского кодекса РФ² (далее – ГК РФ) о юридических лицах. Все организации были разделены на корпоративные и унитарные, определены признаки публичных и непубличных хозяйственных обществ, закреплено понятие и содержание корпоративного договора, разъяснено значение публичных реестров и т. д. По многим из упомянутых положений в 2015 году были даны разъяснения Верховного Суда РФ³.

¹ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации: одобр. решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 окт. 2009 г.

² Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ. Ч. 1 // Собр. законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

³ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

Новые подходы к регулированию корпоративных отношений в целом были позитивно восприняты отечественными правоведами, хотя без критики не обошлось [5; 19; 43]. В ходе реформы ГК РФ неоднократно становился специальным законом, в том числе по отношению к положениям законов об отдельных видах корпораций (Закона об АО¹, Закона об ООО², Закона о хозяйственных партнерствах³ и др.). В частности, закрепленное в 2014 году⁴ в статье 66.3 ГК РФ деление корпораций на публичные и непубличные общества было отражено в статье 7 Закона об АО лишь в 2015 году⁵; вариативность единоличного исполнительного органа (несколько руководителей, действующих автономно либо совместно), указанная в пункте 3 статьи 65.3 ГК РФ, до сих пор отсутствует в положениях Закона об АО и Закона об ООО.

В 2016 году кардинально изменено законодательство о крупных сделках и сделках с заинтересованностью корпоративных организаций посредством его сближения с положениями главы 9 ГК РФ⁶. В 2018 году Верховным Судом РФ были разъяснены вопросы применения законодательства об экстраординарных сделках⁷, а действующие ранее разъяснения Высшего Арбитражного Суда РФ утратили свою актуальность⁸, поскольку относились к сделкам, совершенным до 1 января 2017 г.

В 2021 году в ГК РФ закреплен порядок проведения дистанционных заседаний с применением электронных и иных технических средств (ст. 181.2 ГК РФ)⁹, а в 2024 году детально урегулирован порядок проведения указанных дистанционных заседаний и голосования членов гражданско-правовых сообществ, дистанционного заполнения и направления бюллетеней для голосования в электронной форме с использованием

электронных либо иных технических средств, включая их подписание электронной подписью (ст. 37.1 Закона об ООО, ст. 49.1 Закона об АО)¹⁰.

В 2025 году уточнены положения законодательства о крестьянских (фермерских) хозяйствах¹¹. Ожидаемые поправки раскрыли лаконичные положения статьи 86.1 ГК РФ о крестьянских (фермерских) хозяйствах – юридических лицах в отдельной главе 8.1 Закона о КФХ¹².

В настоящее время в цивилистической доктрине не ослабевает интерес к проблемам корпоративного права [2; 26; 43], в том числе потому, что переход к рыночным отношениям и экономике смешанного капитала (в начале 90-х гг. XX в.) произошел без должной подготовки законодательства. Популярность рассматриваемой темы обусловлена уникальной системой корпоративного хозяйствования, позволяющей собственникам бизнеса вариативно структурировать систему органов управления корпорации, контролировать судьбу переданных ей активов (имущества), принимать локальные нормативные акты, заключать корпоративные и иные договоры в сфере управления.

В юридической доктрине совокупность рассматриваемых норм правового регулирования общественных отношений (корпоративных отношений) обозначалась *специальным частным правом* [54, с. 51], *институтом предпринимательского права* [21, с. 15, 58], а также *межотраслевым институтом российского права* [40, с. 49–65]. В последние годы популярными стали мнения о признании корпоративного права подотраслью ряда существующих отраслей права (гражданского [41; 45, с. 133–135], предпринимательского [46, с. 48]) и даже самостоятельной отраслью права [2, с. 25; 22, с. 32].

¹ Об акционерных обществах: Федер. закон РФ от 26 дек. 1995 г. № 208-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 1.

² Об обществах с ограниченной ответственностью: Федер. закон РФ от 8 февр. 1998 г. № 14-ФЗ // Там же. 1998. № 7. Ст. 785.

³ О хозяйственных партнерствах: Федеральный закон от 3 дек. 2011 г. № 380-ФЗ // Там же. 2011. № 49 (ч. 5). Ст. 7058.

⁴ О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федер. закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ // Там же. 2014. № 19. Ст. 2304.

⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федер. закон от 29 июня 2015 г. № 210-ФЗ // Там же. 2015. № 27. Ст. 4001.

⁶ О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» в части регулирования крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность: Федер. закон от 3 июля 2016 г. № 343-ФЗ // Там же. 2016. № 27 (ч. 2). Ст. 4276.

⁷ Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 г. № 27 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 8.

⁸ О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью: Постановление Пленума ВАС РФ от 16 мая 2014 г. № 28 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 6.

⁹ О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 28 июня 2021 г. № 225-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. 1). Ст. 5053.

¹⁰ О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 8 авг. 2024 г. № 287-ФЗ // Там же. 2024. № 33 (ч. 1). Ст. 4983.

¹¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» и статью 221 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: Федер. закон от 31 июля 2025 г. № 352-ФЗ // Там же. 2025. № 31. Ст. 4706.

¹² О крестьянском (фермерском) хозяйстве: Федер. закон от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ // Там же. 2003. № 24. Ст. 2249.

Вопрос совершенствования корпоративного законодательства периодически поднимается в зарубежных правовых системах, в том числе в государствах с развитой системой экономики. Так, в Китае в результате реформирования корпоративного законодательства в декабре 2023 года в Законе о компаниях Китайской Народной Республики (1993)¹ установлен пятилетний срок внесения (оплаты) уставного капитала, усилена ответственность акционеров и руководителя корпорации, расширены сферы корпоративной социальной ответственности бизнеса (интересы сотрудников компании, потребителей, окружающей среды и другие общественные интересы) и т. д. [67; 70; 71; 72].

В 2025 году в ОАЭ внесены существенные поправки в Закон о коммерческих компаниях (2021)², в рамках которых усилена защита корпоративных прав участников, введен единый механизм миграции (редомициляции) корпораций внутри страны между эмиратами, свободными зонами и финансовыми свободными зонами с сохранением их первоначальной правосубъектности, закреплен порядок наследования долей и возможность предоставления участникам и самому обществу преимущественного права приобретения доли умершего участника и т. д.

Указанные примеры совершенствования корпоративного законодательства, по сути, направлены на адаптацию действующих норм права к актуальным потребностям участников корпоративных отношений, среди которых участники хозяйственных обществ, инвесторы, регулятор, государство, стейкхолдеры и др.

В настоящей работе предлагаются нормативные решения в их взаимосвязи с тенденциями правового регулирования корпоративного хозяйствования в России. Выявляются пути решения отдельных вопросов научной дискуссии в области корпоративного права.

Понятие и виды корпорации

Корпорация является одной из разработанных правовых категорий цивилистической доктрины в российском праве. Позитивистские взгляды на положение российского корпоративного законодательства и

обзоры зарубежных правовых порядков (преимущественно англо-американского и романо-германского) позволили раскрыть сущность корпоративных организаций [23; 26; 54; 65].

Большинство исследований посвящены хозяйственным обществам, при изучении которых внимание фокусируется на двух ключевых признаках корпоративной организации – *членство (участие)* и *управление*. Принято считать, что единство указанных элементов характеризует сущность любой корпоративной организации.

Представление о палитре организационно-правовых форм юридических лиц резко меняется при анализе отдельных видов унитарных и корпоративных организаций. В частности, Российская академия наук (федеральное государственное бюджетное учреждение), *de jure* не являясь корпорацией, обладает корпоративной структурой ее органов, включающей в себя: общее собрание членов (высший орган управления), попечительский совет, президиум (постоянно действующий коллегиальный исполнительный орган управления) и президента академии (единоличный исполнительный орган управления)³.

Заметим, что некоторые зарубежные правовые порядки содержат положения о некоммерческих акционерных обществах. В частности, Национальная академия наук Республики Казахстан при Президенте Республики Казахстан еще недавно имела форму некоммерческого акционерного общества (ст. 16 Закона Республики Казахстан о некоммерческих организациях)⁴, а в настоящее время преобразована в высшую научную организацию «Национальная академия наук Республики Казахстан» при Президенте Республики Казахстан⁵.

Ряд форм отечественных некоммерческих организаций, впрочем, как и положения Закона о некоммерческих организациях⁶, требуют переосмысления, поскольку их учредители не приобретают корпоративные права (например, в отношении общественно полезного фонда либо религиозных организаций), однако модель управления ими напоминает обычную корпорацию [1, с. 9–13].

¹ 中华人民共和国公司法 / Закон о компаниях Китайской Народной Республики. URL: https://guangdong.chinatax.gov.cn/gdsw/zjfg/2025-12/31/content_1203d9ef77944845aeca8ce79160292d.shtml

² تجارئة الشركات ب شأن 2021 ل سنة 32 رقم ا حادي ق اذون / URL: <https://www.moet.gov.ae/en/companies-legislations>

³ Об утверждении устава федерального государственного бюджетного учреждения «Российская академия наук»: Постановление Правительства РФ от 27 июня 2014 г. № 589 // Собр. законодательства Российской Федерации. 2014. № 27. Ст. 3771.

⁴ О вопросах создания некоммерческого акционерного общества «Национальная академия наук Республики Казахстан»: Постановление Правительства Республики Казахстан от 14 дек. 2022 г. № 1003 // Эталонный контрольный банк НПА РК в электронном виде (дата обращения: 04.01.2023); О переименовании некоммерческого акционерного общества «Национальная академия наук Республики Казахстан»: Постановление Правительства РК от 11 апр. 2023 г. № 281 // Эталонный контрольный банк нормативных правовых актов в электронном виде от 13 апр. 2023 г.).

⁵ О некоторых вопросах Национальной академии наук Республики Казахстан при Президенте Республики Казахстан: Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 дек. 2024 г. № 1142 // САПП Республики Казахстан. 2024. № 61. Ст. 368.

⁶ О некоммерческих организациях: Федер. закон от 12 янв. 1996 г. № 7-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 145.

Актуальной остается дискуссия о признании «компании одного лица» корпоративной организацией (с единственным участником, выполняющим полномочия единоличного исполнительного органа), начало которой было положено в работах И. Т. Тарасова [55, с. 4–5] и Г. Ф. Шершеневича [63, с. 138–139]. Сама по себе потенциальная возможность в последующем распределить уставный капитал среди двух и более участников не меняет «унитарную» сущность компании одного лица, пока ее участниками не будут выступать несколько лиц.

Для сравнения отметим, что весьма удачной представляется формулировка статьи 36–1 Закона Франции о коммерческих товариществах (1966) и статьи 1844–5 Гражданского кодекса Франции о том, что объединение в руках одного лица всех долей товарищества не является случаем судебного прекращения товарищества, но суд может установить срок для урегулирования создавшегося положения. Иными словами, нет повода для ликвидации организации, но ее корпоративное существо должно быть восстановлено.

Действующее в России корпоративное законодательство позволяет учреждать «компания-матрешки», в которых единственным участником является хозяйственное общество, также состоящее из одного лица (п. 2 ст. 66 ГК РФ)¹. Представляется, что данная проблематика тесным образом связана с вопросом об ответственности единственного участника дочернего общества, в частности публично-правового образования (Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований), при голосовании его представителя по директиве в органах корпоративной организации; привлечении к субсидиарной ответственности единственного участника в деле о банкротстве по обязательствам дочернего общества-должника и т. д. С одной стороны, мы должны выработать некие понятные с точки зрения юридической практики презумпции, но, с другой стороны, актуальная судебная практика по банкротным и корпоративным спорам свидетельствует о многовариативных подходах².

Следует также учитывать случаи, когда участники вовсе не участвуют в управлении обществом.

Так, по общему правилу нормы статьи 358.15 ГК РФ при залоге доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью права участника осуществляются кредитором (залогодержателем). Другими словами, в компании одного лица либо в классической корпорации с участием двух и более лиц при залоге доли (части доли) в уставном капитале управленческие права реализует третье лицо – кредитор-залогодержатель.

Отдельным вопросом является договор о передаче в доверительное управление ценных бумаг (ст. 1025 ГК РФ), условиями которого определяется порядок осуществления деятельности по управлению ценными бумагами, права и обязанности управляющего. Договор доверительного управления акциями (долями в уставном капитале) позволяет управляющему осуществлять весь комплекс прав участника общества. В отличие от залогодержателя, который при залоге корпоративных прав руководствуется собственным интересом, доверительный управляющий действует в интересах выгодоприобретателя – участника общества.

Особым случаем выступает передача мобилизованным лицом акций и долей в уставных капиталах хозяйственных обществ в порядке статьи 21.1 Закона о мобилизационной подготовке и мобилизации в России³ в управление доверенному лицу [35, с. 31–45; 38, с. 2–9; 61, с. 14–15].

Среди инструментов управления корпоративной организацией необходимо также упомянуть «золотую акцию» (ст. 38 Закона о приватизации⁴), в силу которой публично-правовое образование (Российская Федерация, субъекты Российской Федерации) сохраняет право вето на принимаемые акционерным обществом корпоративные решения. При этом данное право может существовать независимо от участия государства в уставном капитале общества.

Применение «золотой акции» в системе корпоративного управления также закреплено в законодательстве стран постсоветского пространства, в частности Казахстана. При этом данное право вето на корпоративные решения органов общества может принадлежать одному лицу, именуемому «владельцем» (не акционером), и оно не подлежит передаче (п. 2 ст. 9 и пункт 5 ст. 13 Закона Республики Казахстан

¹ О внесении изменений в часть первую и статью 846 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 24 июня 2025 г. № 178-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 2025. № 26 (ч. 1). Ст. 3508.

² См., например: Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.07.2025 г. // Бюллетень Верховного суда РФ. 2025. № 12; Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам о субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам недействующего юридического лица: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19 нояб. 2025 г. // Бюллетень Верховного суда РФ. 2026. № 1.

³ О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации: Федер. закон от 26 февр. 1997 г. № 31-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 1997. № 9. Ст. 1014.

⁴ О приватизации государственного и муниципального имущества: Федер. закон от 21 дек. 2001 г. № 178-ФЗ // Там же. 2002. № 4. Ст. 251.

об акционерных обществах)¹. Кроме того, продажа принадлежащих государству акций казахских акционерных обществ оборонно-промышленного комплекса осуществляется с сохранением за государством «золотой акции» (п. 3–1 ст. 98 Закона Республики Казахстан о государственном имуществе)².

Такое положение дел побуждает задуматься о необходимости выработки нового или дополнительного критерия для определения «корпоративности» организации, помимо наличия обязательного элемента – *управления*. В качестве возможного варианта предлагается вернуться к подходу, предполагающему деление предпринимателей на индивидуальных и коллективных, ранее закрепленном в статье 2 Закона о предприятиях и предпринимательской деятельности (1990)³. По сути, данный акт одним из первых позволил рассматривать предприятие как бизнес («дело»). Кроме того, в состав управленцев корпорации следует также включать бенефициаров и иных контролирующих корпорацию лиц [17, с. 51–70].

Таким образом, *корпоративной организацией* может признаваться юридическое лицо, в отношении которого права управления осуществляются двумя и более лицами, вне зависимости от основания и способов их реализации.

Регистрация и правоспособность корпорации

В цивилистической науке принято считать, что правоспособность юридического лица определяется наличием его регистрации в едином государственном реестре юридических лиц (п. 3 ст. 49 ГК РФ). Данный подход также отражен в судебной практике⁴, а сам порядок регистрации – в Законе о регистрации юридических лиц (2001 г.)⁵. Вместе с тем такое положение дел не всегда является оправданным по следующим основаниям.

Одним из первых поводов задуматься выступает положение пункта 2 статьи 9 Закона об АО, согласно которому в ходе создания акционерного общества его учредители подписывают договор с регистратором, а после его регистрации (записи сведений о нем в ЕГРЮЛ) обязанной стороной по данному договору выступает само общество. По сути, зако-

нодатель устанавливает отдельный случай определения существенных условий и заключения договора «в силу закона», который не требует волеизъявления с его стороны (в данном случае – общества). Иными словами, договорные отношения акционерного общества с регистратором складываются в отрыве от государственной регистрации юридического лица.

Вторым примером наличия правоспособности в отрыве от регистрации выступает период деятельности общества, в течение которого оно было исключено из ЕГРЮЛ в административном порядке по инициативе налогового органа (ст. 21.1 Закона о регистрации юридических лиц), однако впоследствии данное исключение было признано незаконным в судебном порядке и сведения об организации вновь восстановлены в реестре [8, с. 153–177; 34, с. 66–79].

На практике встречаются ситуации, когда общество в лице своего руководителя либо участников не сразу узнает о его исключении из ЕГРЮЛ, продолжает исполнять договоры (отгружать товар со склада, предоставлять помещение в аренду, оплачивать коммунальные услуги, выполнять строительные работы и т. д.) и иные гражданско-правовые обязательства, уплачивает налоги, а также совершает иные юридически значимые действия.

Заключенные исключенным из ЕГРЮЛ юридическим лицом в рассматриваемый период сделки и совершенные операции не должны признаваться недействительными по основаниям, указанным в главе 9 ГК РФ, а при восстановлении сведений об организации в ЕГРЮЛ его правоспособность, членство в саморегулируемой организации заново не приобретаются [34, с. 66–79]. Считается, что правоспособность юридического лица не утрачивалась на протяжении спорного периода, а его участники (акционеры) не прекращали членство в указанных хозяйственных обществах и не приобретали его вновь. Иной подход к указанным ситуациям не только дестабилизировал бы гражданский и торговый оборот, но и допускал бы злоупотребления участников правоотношений, в частности, выраженные в умышленном совершении сделок (действий, бездействий), а впоследствии – признании их недействительными (незаконными).

¹ Об акционерных обществах: Закон Республики Казахстан от 13 мая 2003 г. № 415-III // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2003. № 10. Ст. 55.

² О государственном имуществе: Закон Республики Казахстан от 1 марта 2011 г. № 413-IV // Там же. 2011. № 5 (2582). Ст. 42.

³ О предприятиях и предпринимательской деятельности: Закон РСФСР от 25 дек. 1990 г. № 445-1: Федер. закон РФ от 21 февр. 2002 г. № 31-ФЗ. Утратил силу с 1 июля 2002 г. // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 30. Ст. 418 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бородин Михаил Юрьевич на нарушение его конституционных прав пунктом 3 статьи 49 Гражданского кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 24 дек. 2024 г. № 3420-О.

⁵ О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федер. закон от 8 авг. 2001 г. № 129-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 2001. № 33 (ч. 1). Ст. 3431.

Подтверждением сказанного также служит содержание налогового законодательства, в силу которого налогоплательщик освобождается от ответственности за налоговые правонарушения в отсутствие вины, к которым могут относиться случаи исключения лица из ЕГРЮЛ (подп. 2 п. 1 ст. 109 и подп. 4 п. 1 ст. 111 НК РФ).

Важно также учитывать, что речь идет только о тех случаях исключения юридического лица из ЕГРЮЛ, когда отсутствовали объективные на то причины. Безусловно, оправданными являются подходы судов к признанию мнимыми сделок, заключенных с лицом, находящимся в процессе предстоящего исключения как недействующего¹, на что неоднократно обращали внимание налоговые органы².

Доказательством небеспопеченности рассматриваемого подхода является обратный пример с «ковбойской» редомициляцией, при которой редомицилируемое в Российскую Федерацию иностранное юридическое лицо некоторое время может числиться в иностранном реестре [62, с. 84–95]. Вместе с тем формальное наличие двойной правосубъектности (по российскому и иностранному праву) не препятствует совершению таким юридическим лицом сделок на территории России как ее резидентом.

Рассматриваемые подходы к пониманию возникновения и течения правосубъектности предлагается отразить в положениях статьи 49 ГК РФ, а также в пунктах 1 и 2 статьи 11 Закона о регистрации юридических лиц.

Учредительные документы

Локальное нормотворчество играет важную роль в системе регулирования корпоративных отношений [14; 25]. Учредительные документы (устав и учредительный договор) нормативно признаются документами, на основе которых действует юридическое лицо (ст. 52 ГК РФ).

С 2015 года корпоративное законодательство дополнено положениями, позволяющими юридическому лицу действовать на основе типового устава³, который не регистрируется в налоговом органе

(ст. 12 Закона о регистрации юридических лиц). В настоящее время типовые уставы утверждены лишь для некоторых корпоративных организаций, среди которых общества с ограниченной ответственностью⁴ и некоммерческие организации в форме общественных организаций, общественных движений, ассоциаций (союзов) и общин коренных малочисленных народов Российской Федерации⁵.

Упомянутое выше положение дел может повлечь за собой научную дискуссию о дискриминации по отношению к положениям об иных формах корпоративного хозяйствования (например, акционерным обществам, хозяйственным партнерствам или казачьим обществам, внесенным в государственный реестр казачьих обществ в России). Полагаем, что выбор законодателя продиктован прежде всего стремлением оптимизировать процесс создания общества с ограниченной ответственностью для малого и среднего предпринимательства, а также упростить регистрацию соответствующих видов некоммерческих корпоративных организаций в Минюсте России. Вместе с тем полагаем целесообразным также разработать типовые уставы для остальных форм корпоративных организаций.

Рассматриваемый вопрос тесно связан с обязанностью ряда некоммерческих организаций публично размещать в сети Интернет тексты уставов, например, путем загрузки их в машиночитаемой форме на портале Минюста России⁶.

Следует достичь единообразия в существующих подходах к рассмотрению типовых уставов некоммерческих организаций и уставов обществ с ограниченной ответственностью, поскольку в некоммерческих организациях положения устава должны заполняться от руки либо в машинописном виде (в том числе в части их наименования, места нахождения, предмета, цели и видов деятельности), в то время как в ООО – указывается лишь номер утверждаемого устава.

Использование типовых уставов практикуется во многих зарубежных правовых системах. Так, в Англии и Уэльсе, Шотландии и Северной Ирландии в силу Закона о компаниях (2006 г.)⁷ доступны три версии типовых уставов: для частных акционерных компаний,

¹ См., например: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26 июня 2020 г. № Ф09-4370/18. URL: <https://kad.arbitr.ru/>

² Обзор судебной практики по спорам, связанным с оспариванием сделок, за период 2019–2021 год: Письмо ФНС России от 30 дек. 2021 г. № КЧ-4-18/18485@

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части введения возможности использования юридическими лицами типовых уставов: Федер. закон от 29 июня 2015 г. № 209-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 2015. № 27. Ст. 4000.

⁴ Об утверждении типовых уставов, на основании которых могут действовать общества с ограниченной ответственностью: Приказ Минэкономразвития России от 1 авг. 2018 г. № 411 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

⁵ Об утверждении типовых уставов некоммерческих организаций: Приказ Минюста России от 30 июня 2023 г. № 163 // Там же. URL: <http://pravo.gov.ru>

⁶ Об утверждении Порядка и сроков размещения некоммерческими организациями (за исключением политических партий) устава на информационном ресурсе Министерства юстиции Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»: Приказ Минюста России от 5 июня 2024 г. № 180 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

⁷ См.: URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/23332>

частных компаний с ограниченной ответственностью, публичных компаний¹. Данные уставы могут быть использованы при регистрации либо в процессе деятельности организации.

В Беларуси применение типовых уставов схоже с российской практикой за исключением того, что обязательные в силу закона сведения о юридическом лице, действующем по типовому уставу, отражаются в Едином государственном регистре юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (абзац 2 п. 2 ст. 48 Гражданского кодекса Республики Беларусь²).

В немецком корпоративном праве используется термин «стандартный устав» либо «типовой протокол», но он имеет ограничения в применении. К примеру, компания может быть создана по упрощенной процедуре и иметь типовый устав, если в ее составе не более трех участников и один управляющий директор (п. 1а § 2 Закона Германии об обществах с ограниченной ответственностью)³.

Таким образом, положения пункта 4 статьи 52 ГК РФ требуют корректировки в части содержания сведений типового устава, поскольку при выборе учредителями (участниками) общества типового устава (либо переходе на типовый устав) в регистрирующий орган сообщается лишь его номер, а традиционный устав со сведениями о наименовании общества и месте его нахождения не направляется в регистрирующий орган.

Кроме того, отдельные виды типовых уставов общества позволяют недобросовестным участникам корпоративных отношений злоупотреблять своими правами. Так, в силу типового устава № 26 каждый участник автоматически становится единоличным исполнительным органом общества (п. 10 устава). На практике возникают случаи, когда единоличный участник принимает решение о вхождении нового участника в общество, после чего прежний участник выходит из состава общества, оставляя нового участника со статусом единоличного исполнительного органа. При этом о данных фактах новый участник может сразу и не узнать. Следует законодательно ввести ограничение подобных действий либо дополнительные действия нотариуса по проверке волеизъявления нового участника на вхождение в состав общества.

Кодекс корпоративного управления и «корпоративные ценности»

До настоящего времени нормативно не отражены роль и место кодекса корпоративного управления, рекомендованного Банком России Письмом от 10 апреля 2014 г. № 06–52/2463⁴, ранее – ФКЦБ России Распоряжением от 4 апреля 2002 г. № 421/р⁵, в системе источников правового регулирования корпоративных отношений. Содержание данного кодекса периодически становилось поводом для внесения ряда поправок в законодательство⁶.

Полагаем, что кодекс корпоративного управления представляет собой *правовой корпоративный обычай* в письменной форме, утвержденный (санкционированный) компетентными органами корпоративной организации [18, с. 34–53; 30, с. 110–119]. Нормы кодекса корпоративного управления адаптируются на локальном уровне – в конкретной корпорации – и носят императивный характер, поскольку их несоблюдение влечет экономико-правовые последствия для эмитента на фондовом рынке, включая ограничения по допуску ценных бумаг данного эмитента к организованным торгам⁷. Вместе с тем встречаются позиции о рассмотрении кодекса в качестве примера «мягкого» права [7, с. 20].

В последние годы в отечественном правоведе ставится под сомнение целесообразность «корпоративных ценностей», упомянутых в рассматриваемом кодексе (институт независимых директоров, раскрытие информации, наделение большими правами миноритариев и т. д.), в ключевых и стратегических отраслях российской экономики, включая корпорации военно-промышленного комплекса, обеспечивающих оборону и суверенитет страны [43, с. 191–207; 27, с. 75–85].

Идеальной и универсальной модели управления корпоративными организациями не существует. Сочетание отдельных элементов управления юридическим лицом должно обеспечивать баланс интересов участников и самой корпорации при реализации ими своих прав.

На практике возникла ситуация, при которой внутренние документы ряда хозяйственных обществ (п. 5 ст. 52 ГК РФ) разрабатывались на базе кодекса, о

¹ См.: URL: <https://www.gov.uk/guidance/model-articles-of-association-for-limited-companies>

² Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 дек. 1998 г. № 218-З // Ведамасці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь. 1999. № 7–9. Ст. 101.

³ Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung in der im Bundesgesetzblatt Teil III, Gliederungsnummer 4123-1, veröffentlichten bereinigten Fassung, das zuletzt durch Artikel 21 des Gesetzes vom 23. Oktober 2024 (BGBl. 2024 I Nr. 323) geändert worden ist

⁴ О Кодексе корпоративного управления: Письмо Банка России от 10 апр. 2014 г. № 06–52/2463 // Вестник Банка России. 2017. № 40.

⁵ О рекомендации к применению Кодекса корпоративного поведения: Распоряжение ФКЦБ РФ от 4 апр. 2002 г. № 421/р // Вестник ФКЦБ России. 2002. № 4.

⁶ Например: О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах»: Федер. закон от 19 июля 2018 г. № 209-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 2018. № 30. Ст. 4544.

⁷ См., например: О раскрытии в годовом отчете публичного акционерного общества отчета о соблюдении принципов и рекомендаций Кодекса корпоративного управления: письмо Банка России от 27 дек. 2021 г. № ИН-06-28/102 // Вестник Банка России. 2021. № 92.

чем даже указано в преамбуле Письма Банка России от 10 апреля 2014 г. № 06-52/2463. Однако правовая природа кодекса до сих пор не определена в положениях ГК РФ или Закона об АО. В качестве возможного варианта положения о кодексах корпоративного поведения (управления) могут быть отражены, в частности, в статье 5 ГК РФ о правовых обычаях либо в пункте 5 статьи 52 ГК РФ (в котором, несмотря на наименование статьи «учредительные документы», содержатся положения об иных документах – внутреннем регламенте и иных внутренних документах), что придаст легитимности данному локальному акту.

Корпоративным законодательством (ст. 92.1 Закона об АО) и многочисленными актами Банка России регулируются вопросы раскрытия эмитентом информации и случаи неисполнения данной обязанности¹. Вместе с тем перечень лиц, на которых распространяются данные акты, имеет «точечный» характер действия (кредитные организации; иностранные банки, осуществляющие деятельность на территории России через свой филиал; некредитные финансовые организации; бюро кредитных историй; кредитные рейтинговые агентства и др.).

Законодателю, Банку России и иным уполномоченным органам (лицам) следует установить экономико-правовые последствия нераскрытия информации и условия работы на соответствующем рынке. Реализация данного предложения может обеспечить интересы эмитентов от санкционных рисков и категоризацию *уровней прозрачности* ведения бизнеса для инвесторов.

Корпоративный договор и возлагающее решение суда

В 2014 году в гражданском законодательстве появились положения о корпоративном договоре (ст. 67.2 ГК РФ). Отдельные виды данного договора ранее определялись, в частности, в нормах об акционерном соглашении (ст. 32.1 Закона об АО) и о договоре об осуществлении прав участников общества (п. 3 ст. 8 Закона об ООО).

Непрекращающаяся научная дискуссия о природе корпоративного договора – начиная от определения его гражданско-правовой сделкой [50, с. 54–58], правовым средством договорного регулирования [22, с. 61] и завершая нормативным договором

локального уровня [28, с. 23–31] – так и не решила ряд проблем юридической практики при его заключении и исполнении.

Основная идея законодателя: наделить участников хозяйственных обществ правомочием в договорном порядке определить объем и порядок реализации корпоративных прав иным образом, нежели это следует из размера их участия (акций, доли) в уставном капитале. Заметим, что институт корпоративного договора (акционерного соглашения) был заимствован из англо-американской системы права, в которой его заключение служит реализации активных прав акционеров, в том числе права на обратный выкуп, ограничения на участие акционеров в конкурирующих предприятиях, положения о тупиковой ситуации, планы на случай выхода и др. [68, pp. 112–135; 66].

В случаях, когда общество действует на основе лаконичного (по содержанию) либо типового устава, корпоративный договор будет фактически его *вторым уставом (квазиуставом)*, поскольку может детально определять порядок осуществления корпоративных прав, включая голосование на общем собрании участников общества. При подписании договора всеми участниками нарушение его положений может быть основанием для признания недействительным решения собрания (п. 6 ст. 67.2 ГК РФ), что придает договору нормативные свойства как локальному источнику регулирования корпоративных отношений.

Полагаем возможным вновь вернуться к вопросу о закреплении в законе права самого общества выступать стороной корпоративного договора, подобно положению статьи 6 Закона о хозяйственных партнерствах, в силу которого само партнерство может быть стороной соглашения об управлении партнерством. Данная потребность актуальна в случаях, когда акции (доли в уставном капитале) вышедшего (исключенного) участника из общества передаются на казначейский счет общества, которые не являются голосующими (п. 1 ст. 24 Закона об ООО, ст. 27.1 Закона об АО), но могут влиять на экономическую деятельность корпоративной организации (например, для прозрачности структуры акционерного капитала).

Право любого лица заключить с участниками корпорации договор, к которому будут применяться положения о корпоративном договоре, реализуется через аналогию (п. 3 ст. 307.1 ГК РФ), но не действует

¹ См., например: О форме (формате), требованиях к содержанию и порядке рассмотрения заявления эмитента, являющегося акционерным обществом, об освобождении его от обязанности осуществлять раскрытие информации в соответствии со статьей 30 Федерального закона «О рынке ценных бумаг», а также о перечне документов, прилагаемых к такому заявлению: Указание Банка России от 12 сент. 2019 г. № 5254-У; О требованиях к деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг, осуществляющих депозитарную деятельность и (или) деятельность по ведению реестра владельцев ценных бумаг, при обеспечении на основании пунктов 7 и 7(1) Указа Президента Российской Федерации от 3 марта 2023 г. № 138 «О дополнительных временных мерах экономического характера, связанных с обращением ценных бумаг» обособленного учета российских ценных бумаг, еврооблигаций и замещающих облигаций: решения Совета директоров Банка России от 9 дек. 2025 г. и от 19 дек. 2025 г.

в случаях, если ее применение будет противоречить существу корпоративных отношений. Получается, что сама корпорация может быть стороной договора (п. 9 ст. 67.2 ГК РФ), однако сведения о таком договоре уже не должны раскрываться в реестре, как этого требуют, в частности, отдельные положения о корпоративном договоре (п. 1 ст. 5 Закона о регистрации юридических лиц).

Отсутствие действенных способов принуждения сторон корпоративного договора к его исполнению делает его декларативным. Обеспечение исполнения корпоративных обязательств по договору неустойкой неспособно полноценно дисциплинировать стороны данного договора. Кроме того, указанную неустойку суд вправе снизить по статье 333 ГК РФ. Речь идет о возможности судебной защиты прав посредством принуждения сторон корпоративного договора. В частности, прибыль (дивиденды) хозяйственного общества распределяется исключительно по решению общего собрания участников (ст. 28 Закона об ООО, ст. 42 Закона об АО), а обязать принять такое решение в судебном порядке в настоящее время невозможно. По сути, мажоритарий может постоянно блокировать распределение прибыли (дивидендов). В непубличных корпорациях нередко приходится надеяться на добросовестное добровольное исполнение участниками принятых на себя обязательств по корпоративному договору.

Известно, что в 2024 году Минэкономразвития России предлагались поправки¹ в части реформирования корпоративного договора [29, с. 74–96]. Законопроект предусматривал возможность суда выносить *волеизъявляющее решение* (новое решение общего собрания), которое будет юридическим фактом, порождающим возникновение соответствующих прав и обязанностей, в случаях нарушения условия корпоративного договора (ст. 12 ГК РФ). Позитивным будет закрепление в корпоративном законодательстве данного способа защиты права – *требования о вынесении решения общего собрания*, что соответствует пункту 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 и отчасти напоминает такие уникальные способы защиты права, как *вынесение решения суда о регистрации сделки* при уклонении ее стороны от регистрации договора (п. 2 ст. 165 ГК РФ, п. 63 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29.04.2010²).

Конструкция корпоративного договора неслучайно закреплена в главе 4 ГК РФ. Не все положения обязательственного права, в том числе право на «выход из сделки» либо отказ от ее исполнения (ст. 450.1 ГК РФ), могут применяться к данному договору даже в силу статьи 307.1 ГК РФ. В частности, не будет рассматриваться в качестве добросовестного поведения отказ от корпоративного договора, заявленный в ходе проведения общего собрания и голосования по вопросам повестки дня, поскольку весь процесс голосования может предопределяться условиями корпоративного договора (например, по вопросу распределения прибыли общества), который (отказ) повлечет за собой срыв корпоративной процедуры.

Предлагается также нормативно определить возможное количество корпоративных договоров, заключаемых всеми участниками корпорации. Действующие положения законодательства позволяют одновременно заключить несколько договоров, в частности, всеми участниками (нарушение данного договора может повлечь за собой недействительность решения собрания в силу п. 6 ст. 67.2 ГК РФ) и частью участников общества (обязанными по этому договору становятся лишь его стороны).

Аналогия с единственным уставом у одного общества может быть отправной точкой при решении данного вопроса, поскольку роль корпоративного договора в системе инструментов корпоративного управления достаточно значима. В данном случае положение корпоративного договора о неустойке за его нарушение может быть полностью заменено возмещением потерь – *indemnity* (ст. 406.1 ГК РФ), размер которых, по общему правилу, не снижается судом, подобно снижению неустойки. Важно отметить, что *indemnity* в английском и американском праве [69] практикуется как условие о дорогостоящих возмещениях в корпоративной сфере.

Предлагается закрепить в законе возможность заключения одного корпоративного договора всеми участниками общества (*общего корпоративного договора*). Вновь прибывшие участники общества должны обладать правом присоединения к общему договору и(или) согласования новых (уточнение существующих) условий корпоративного договора, в том числе посредством применения по аналогии инструментов преддоговорных споров (ст. 307.1 и 446 ГК РФ). Желание нескольких участников общества заключить отдельный корпоративный договор (*индивидуальный корпоративный договор*) может быть реализовано, но не должно противоречить положениям общего корпоративного договора.

¹ Подробнее о проекте Федерального закона «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (о корпоративном договоре) см.: URL: https://privlaw.ru/codification/meetings-of-the-council/?ELEMENT_ID=7178

² О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апр. 2010 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 7.

Прекращение юридического лица и прекращение деятельности юридического лица

Корпоративное законодательство включает в себя правовые категории, обозначающие принципиально разные по своему существу правовые последствия [10, с. 282–294]. Речь идет о «прекращении юридического лица» и «прекращении деятельности юридического лица».

Прекращением юридического лица должна признаваться утрата его правоспособности (ст. 49 ГК РФ), отсутствие которой не позволяет лицу осуществлять гражданские права и нести обязанности [4]. Свидетельством такого прекращения может быть публичный реестр, да и то лишь в случаях правомерного исключения из ЕГРЮЛ налоговым органом юридического лица, который признается и не оспаривается в суде участниками данной организации.

Правоспособность юридического лица утрачивается при его прекращении ввиду ликвидации (ст. 61 ГК РФ), исключении его как недействующего лица (ст. 64.2 ГК РФ), завершении арбитражным судом конкурсного производства (п. 3 ст. 149 Закона о банкротстве¹) и в иных установленных законом случаях. Отдельным вопросом будет редомициляция – смена личного закона юридического лица², поскольку в данном случае ее режим трансформируется и определяется новым правовым порядком страны, в которую «переехало» юридическое лицо.

Прекращение деятельности юридического лица представляет собой временное неосуществление предпринимательской и иной экономической деятельности, которое может повлечь за собой утрату правоспособности. Примером могут служить юридические последствия, указанные в статье 64.2 ГК РФ, когда общество в течение двенадцати месяцев, предшествующих его исключению из указанного реестра, не представляло документы отчетности и не осуществляло операций хотя бы по одному банковскому счету. Законодатель обозначает такие юридические лица *недействующими*, но не утратившими способность приобретать либо осуществлять гражданские права.

Отсутствие деятельности у юридического лица не влечет за собой автоматического исключения его из ЕГРЮЛ, порядок которого определяется статьей 21.1 Закона о регистрации юридических лиц. Отметим, что основанием исключения может быть не

только прекращение его деятельности, но и недостоверные сведения в ЕГРЮЛ о юридическом лице и иные случаи [8, с. 153–177].

По сути, прекращение юридического лица – это одно из возможных последствий прекращения его деятельности, которое может и не наступить. Прекращение юридического лица представляет собой юридическую констатацию последствия прекращения деятельности последнего.

Прекращение деятельности юридического лица должно рассматриваться как мера публично-правовой ответственности организации посредством ее исключения из ЕГРЮЛ.

В этой связи положения законодательства требуют корректировки путем изменения названия статьи 64.2 ГК РФ на «прекращение юридического лица», поскольку нарушаются нормативная логика и последовательность § 1 главы 4 ГК РФ, при которых положения рассматриваемой статьи находятся между нормами о ликвидации и банкротстве юридического лица (то есть прекращением юридического лица). Альтернативным вариантом может быть перенос рассматриваемых положений в статью 49 ГК РФ как последствий неосуществления предпринимательской и иной деятельности – утрата правоспособности.

Наследование юридического лица

Востребованным для российского бизнеса стал институт наследования юридического лица (п. 5.2 ст. 64 ГК РФ) [36, с. 34–39; 57, с. 69–76]. Так, предусмотрен пятилетний срок (с момента записи в ЕГРЮЛ об исключении юридического лица), в течение которого кредиторы, участники корпоративной организации и иные лица вправе в судебном порядке инициировать процедуру распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица среди лиц, имеющих на это право (п. 39 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50)³. Повышается юридическое значение публичных (налоговых) реестров, сведения которых должны отслеживать заинтересованные лица.

Универсальность рассматриваемой конструкции доказывает возможность ее применения во всех случаях исключения юридического лица из ЕГРЮЛ (ликвидация, исключение недействующего лица, банкротство и т. д.). Данная процедура стала защитной мерой для кредиторов юридического

¹ О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

² О международных компаниях и международных фондах: Федер. закон от 3 авг. 2018 г. № 290-ФЗ // Там же. 2018. № 32 (ч. 1). Ст. 5083.

³ О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 нояб. 2015 г. № 50 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 1.

лица-должника, минуя инструментарий привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц, в случае достаточности имущества для расчетов с кредиторами¹.

Вместе с тем из положений ГК РФ не явствуют, какие правовые последствия возникают спустя пять лет с момента внесения записи в ЕГРЮЛ об исключении юридического лица. Положения ГК РФ не предусматривают возможности восстановления указанного срока на обращение в суд, делая данный срок пресекательным.

Судьба обнаруженного «выморочного» имущества юридического лица должна определяться по аналогии со статьей 1151 ГК РФ и переходить в собственность публично-правового образования (Российской Федерации, субъекта Федерации либо муниципального образования соответственно). Данный тезис позволяет в силу закона вовлечь в гражданский и торговый оборот имущество (активы), владелец которого отсутствует.

Такое предложение может быть реализовано путем дополнения статьи 218 ГК РФ соответствующими положениями. Вместе с тем приобретение публично-правовым образованием права собственности на имущество исключенной из ЕГРЮЛ организации должно осуществляться на основе принципов разумности и целесообразности, поскольку с приобретением имущества возникают связанные с ним обязательства, несение которых может нарушать интересы государства, так как не каждый актив является ликвидным.

По-прежнему остается неясной возможность арбитражного управляющего, назначенного арбитражным судом на процедуру распределения обнаруженного имущества исключенного лица, «искать» иное имущество, в том числе непосредственно связанное с распределяемым. Так, при нахождении денежных средств на счете исключенной из реестра организации на указанные средства теоретически могут начисляться проценты по статье 395 ГК РФ (п. 37 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7)², поскольку банк, переводя их на свой корреспондентский счет, может ими распоряжаться. Такие ситуации также могут возникать, когда участники до исключения общества из ЕГРЮЛ пытались, но не успели фактически забрать денежные средства с расчетного счета исключенного общества.

Видится недопустимым арбитражному управляющему наращивать распределяемую имущественную массу и «искать» новое имущество, в отношении которого судом не выносилось решение о его распределении среди лиц, имеющих на это право.

Управление стратегическими и оборонными корпорациями с участием публично-правовых образований

Положительным для российской экономики на современном этапе оказалось применение директивной модели управления стратегическими и оборонными хозяйственными обществами. *Директивная модель управления* представляет собой форму организации системы органов корпорации с участием публично-правовых образований, при которой реализация их компетенции протекает на основе направляемых компетентными лицами директив (рекомендаций), определяющих единую экономическую политику корпоративной организации [11, с. 57–59; 12, с. 97–103; 24, с. 136–145].

В вопросе корпоративной ответственности представителей при директивном голосовании на собрании (управлении обществом) выделяются два подхода. Согласно первому государство, будучи самостоятельным участником общественных отношений, несет такую же корпоративную ответственность за выданные его представителю директивы (рекомендации), как и другие участники корпоративных отношений, в силу пункта 3 статьи 53.1 ГК РФ [64, с. 171–182]. При этом поведение представителя, голосовавшего в органах корпорации согласно предписанной директиве, не может рассматриваться как виновное, поскольку является его работой и обязанностью, а не правом (например, в силу п. 107 Кодекса корпоративного управления Банка России). Не случайно указанные представители именуются «зависимыми», поскольку не формулируют свою волю и лишь сообщают содержание директивы публично-правового образования при принятии корпоративных решений [16, с. 12–14].

В силу второго подхода, согласно которому представитель рассматривается как самостоятельный субъект управления, член коллегиального органа корпоративной организации, решения которого повлекли за собой убытки, не освобождается от ответственности, в том числе в случаях, когда

¹ См., например: п. 8 Обзора практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам о субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам недействующего юридического лица, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19 нояб. 2025 г. // Там же. 2026. № 1.

² О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.

данные решения принимались на основании выданных директив (п. 7 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 62).

Полагаем, основания для привлечения и освобождения от ответственности обязанного лица (публично-правового образования, его представителя) должны регулироваться законом, поскольку судебная практика позволяет применять в данном вопросе разные подходы¹.

Складывающаяся директивная модель управления стратегическими и оборонными предприятиями страны предполагает закрытие информации об их деятельности (ст. 92.1 Закона об АО), о чем выше было сказано. Вместе с тем данные положения корпоративного законодательства требуют их соотношения с другими полномочиями эмитента. Так, если эмитенту допускается закрывать доступ третьих лиц к определенной информации, то при проведении общего собрания либо заседания совета директоров акционерам и членам совета директоров, среди которых могут быть и «посторонние» лица (независимые по отношению к основному участнику – публично-правовому образованию), всем участникам собрания (членам совета директоров) предоставляются соответствующие документы, раскрытие которых может привести к прямому ущербу эмитенту и государству. При этом норма о подписании соглашения о конфиденциальности (ст. 91 Закона об АО) не применяется к данным случаям, а также является декларативной при оценке последствий подписания данного соглашения и распространения полученных сведений. В данном случае вопросы обороны и безопасности страны должны носить приоритетный характер.

Экстраординарные сделки и аффилиация. Универсальные конструкции договорного права

Приведение к единообразию в 2016 году положений ГК РФ и законов об отдельных видах корпораций при правовой квалификации сделок по основаниям признания их недействительности (Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 343-ФЗ) не решило все вопросы. Крупные сделки обжалуются по основаниям, указанным в статье 173.1 ГК РФ, сделки с заинтересованностью – в пункте 2 статьи 174 ГК РФ, сделки с уставной экстраординарностью – в пункте 1 статьи 174 ГК РФ.

В корпоративном законодательстве встречаются особые категории сделок, совершаемых акционерными обществами с участием публично-правовых образований (п. 3 ст. 77 Закона об АО). Порядок их одобрения, шестимесячный срок и основания их обжалования побуждают выработать для них отдельный правовой режим. В судебной практике отсутствуют разъяснения порядка применения рассматриваемых норм Закона об АО.

Абстрактная норма статьи 53.2 ГК РФ, которая подвергнута небеспочвенной критике со стороны правоведов [20; 53], позволила правоприменителю выйти за рамки традиционного представления об аффилированности. При этом отсылка в данной статье к подлежащему применению закону определяет аффилиацию по субъектному составу (ст. 4 Закона о конкуренции²).

В судебной практике толкование указанных норм при рассмотрении банкротных дел свидетельствует о том, что фактическая аффилированность определяется поведением лиц в гражданском обороте, в частности, при заключении ими между собой сделок и последующем исполнении этих сделок на условиях, недоступных обычным (независимым) участникам рынка (п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2025 г. № 41)³.

В связи с этим предлагается отразить в ГК РФ актуальные критерии, по которым в судебном порядке возможно установить аффилиацию: исключительно *по субъекту* либо *по субъекту и его поведению* (сделкам, имущественным правам, условиям гражданского оборота, конъюнктуре рынка и т. д.).

Нормативное допущение применять нормы обязательственного права к корпоративным отношениям (ст. 307.1 ГК РФ) должно рассматриваться значительно шире, чем его буквальное содержание. Так, положение о *возмещении потерь*, интегрированное в российское право из англо-американского договорного права, принято распространять исключительно на обязательства, вытекающие из договора (ст. 406.1 ГК РФ).

Полагаем, что indemnity может быть не только договорным, но и чисто корпоративным обязательством, в том числе вытекающим (закрепленным) из локальных нормативных актов организации (устава, внутренних документов) и корпоративных правовых обычаев (например, кодекса корпоративного управления) [31, с. 73–84].

¹ Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 июля 2025 г. // Там же. 2025. № 12.

² О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках: Закон РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-1 // Бюллетень нормативных актов. 1992. № 2–3.

³ Об установлении в процедурах банкротства требований контролирующих должника лиц и аффилированных лиц должника: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 дек. 2025 г. № 41 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2026. № 2.

**Защита корпоративных прав
и законных интересов**

Правовой режим совершения некоммерческими организациями крупных сделок был во многом заимствован из законодательства о хозяйственных обществах. В частности, сделки сельскохозяйственных потребительских кооперативов (ст. 38 Закона о сельскохозяйственной кооперации¹), крупные сделки некорпоративных организаций – бюджетных и автономных учреждений (п. 13 ст. 9.2 Закона о некоммерческих организациях, ст. 14 Закона об автономных учреждениях²) и автономных некоммерческих организаций (п. 4.1 ст. 10 Закона о некоммерческих организациях) – определяются таковыми по критерию соотношения их цены (стоимости отчуждаемого имущества) с валютой баланса. Вместе с тем в статье 50 ГК РФ деление организаций на коммерческие и некоммерческие основано на целях извлечения прибыли.

Кроме того, в положениях пунктов 4–6 статьи 50 ГК РФ, пункта 2 статьи 149 Жилищного кодекса РФ и иных актах указывается роль устава в определении целей деятельности некоммерческой организации. Следовательно, ключевым критерием для категоризации сделки некоммерческой организации как крупной (подлежащей одобрению) будет ее соотношение с уставными целями данной организации, то есть с *обычной уставной деятельностью*.

Лишь отдельные акты содержат подобные подходы, правда, с оговорками. К примеру, в абзаце 3 пункта 3 статьи 38 Закона о сельскохозяйственной кооперации указывается, что уставом могут определяться отдельные категории сделок, которые можно совершать без их дополнительного одобрения, не выходящие за пределы обычной хозяйственной деятельности и не связанные с владением, пользованием и распоряжением земельными участками и основными средствами кооператива. Уставом также может определяться предельный порог цены сделки в привязке к стоимости активов организации. Следовательно, в ряде случаев мы можем одновременно обращаться к таким экономическим характеристикам сделки, как ее цена и соответствие целям деятельности некоммерческой организации.

Применительно к сделкам хозяйственных обществ (то есть коммерческих организаций) действует правило о том, что не подлежат одобрению сделки, совершенные в процессе обычной хозяйственной деятельности (ст. 78 Закона об АО, ст. 46 Закона об ООО), вне зависимости от их цены. Данные положения могут быть заимствованы в Закон о некоммерческих организациях и иные акты.

В корпоративной практике периодически встречаются случаи, когда традиционные доктринальные представления и законодательство о защите корпоративных прав и законных интересов требуют переосмысления. Прежде всего речь идет о положениях статьи 12 ГК РФ, в которой способы защиты права перечисляются по принципу «открытого перечня» и завершаются фразой о том, что иные способы могут отражаться исключительно в законе. В частности, в главе 28.1 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ) упоминаются отдельные способы защиты корпоративных прав (например, о понуждении юридического лица созвать общее собрание участников).

Следовательно, иные не поименованные в статье 12 ГК РФ и в других федеральных законах способы защиты прав не обеспечиваются судебной защитой. Произвольное формулирование «иного» способа защиты права и законного интереса будет противоречить этой парадигме, и предполагается, что суд должен отклонить исковое (материально-правовое) требование, составляющее предмет иска, поскольку положения пункта 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 указывают на обязанность суда на стадии подготовки дела к судебному разбирательству обсудить со сторонами вопрос о *юридической квалификации спорных правоотношений* в тех случаях, когда избранный истцом способ защиты не восстанавливает его права (в том числе поскольку не является надлежащим). В продолжение данной логики необходимо учитывать, что не допускается изменение правовой квалификации требований истца либо его обоснования, если в его результате одновременно меняется само материально-правовое требование (предмет иска) и истец ссылается на иные фактические обстоятельства (основание иска), о чем указано в пункте 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. № 46³.

Вопреки приведенным рассуждениям судебная практика вырабатывает эффективные и действенные *способы защиты прав, не поименованные в законе*. Ярким примером служат иски о прекращении использования соответствующего объекта недвижимости для целей осуществления связи с этим юридическим лицом (п. 5 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля

¹ О сельскохозяйственной кооперации: Федер. закон от 8 дек. 1995 г. № 193-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 1995. № 50. Ст. 4870.

² Об автономных учреждениях: Федер. закон от 3 нояб. 2006 г. № 174-ФЗ // Там же. 2006. № 45. Ст. 4626.

³ О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 дек. 2021 г. № 46 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 3.

2013 г. № 61)¹. Следует также отметить, что восстановление корпоративного контроля как способ защиты первоначально был выработан правоприменительной практикой².

Таким образом, в целях соблюдения положения статьи 12 ГК РФ и во избежание судебной ошибки требуется нормативное закрепление всевозможных способов защиты права в соответствующих законах.

Полагаем, также необходимо законодательно закрепить такой способ защиты, как вынесение судом волеизъявляющего решения собрания (корпоративного решения) при нарушении обязательств по голосованию, вытекающих из корпоративного договора. Данные решения суда будут признаваться в силу статьи 8 ГК РФ юридическим фактом. При этом упомянутые способы защиты по своему существу и правовым последствиям не тождественны понуждению к исполнению договора (обязательства).

Корпоративная ответственность

Вопросы юридической ответственности являются предметом исследования правоведов в каждой отрасли права. Сама идея разработки нового вида ответственности – корпоративной – не является новой [13, с. 39–52; 15, с. 25–35; 32, с. 2–9; 44]. Не погружаясь в научную дискуссию, можно отметить, что корпоративная ответственность является уникальной и самостоятельной с точки зрения сферы ее применения (корпоративные отношения), субъектного состава (лица, входящие в органы корпоративной организации) и конкретных санкций (мер ответственности).

Поведение участников корпоративных отношений тесно связано с их фидуциарными обязанностями по отношению к корпорации и принципом добросовестности [3, с. 103–104] и может регулироваться нормами различных отраслей законодательства (гражданским, административным, корпоративным, уголовным, трудовым и др.). Одно и то же действие (бездействие) участника корпоративных отношений может повлечь за собой одновременно несколько видов юридической ответственности, но при этом следует различать порядок и основания их применения.

В качестве меры административной ответственности за нарушение экономического правопорядка в сфере корпоративных отношений, к примеру, должны рассматриваться дисквалификация директора корпоративной организации (ст. 3.11 КоАП РФ) и исключение из ЕГРЮЛ в административном порядке недействующего юридического лица (ст. 21.1

Закона о регистрации юридических лиц). Исключение участника непубличной корпорации (ст. 10 Закона об ООО, ст. 67 ГК РФ), ликвидация корпоративной организации в судебном порядке (п. 3 ст. 61 ГК РФ) или приостановление выплаты акционеру дивидендов (ст. 43.1 Закона об АО) представляют собой *меры корпоративной ответственности*, поскольку вытекают из исполнения (нарушения) корпоративных прав и обязанностей. Важно, что последние вполне укладываются в понятие корпоративного спора, виды которого перечислены в статье 225.1 АПК РФ [9, с. 59–76; 33, с. 28–30; 39, с. 79–88; 49, с. 26–30; 58, с. 69–72; 59; 60, с. 11–16].

Отдельным вопросом будет ответственность контролирующих корпорацию лиц. С одной стороны, разрешению данного вопроса может помочь соотношение корпоративного и банкротного законодательства, последнее из которых регулирует отношения (материально- и процессуально-правовые) с явным акцентом на публично-правовые аспекты, поскольку банкротное дело служит целью защиты прав неопределенного круга лиц – кредиторов (государства, банков, контрагентов должника и иных лиц), а также стабилизирует экономическую среду на соответствующем рынке. Корпоративное законодательство отчасти содержит нормы публично-правового характера регулирования корпоративных отношений, однако в нем присутствует достаточно большое количество норм частноправового (диспозитивного) свойства.

С другой стороны, следует различать принципиально разные по процессуальному режиму рассмотрения дела (обособленного спора), составу участников спора, доказательствам и презумпциям споры о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих корпорацию лиц. Самостоятельные режимы действуют для исковых заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности лица по обязательствам исключенного из ЕГРЮЛ лица (п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО), заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности в деле о банкротстве (п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО, ст. 15, 53.1, 399 и 1064 ГК РФ, ст. 61.11 и 61.12 Закона о банкротстве), заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности вне рамок дела о банкротстве (ст. 61.19 Закона о банкротстве) и др. [6, с. 204–230; 37, с. 163–177; 42; 48; 51].

Нормативное разграничение указанных режимов позволяет избежать судебных ошибок и учитывать позицию всех заинтересованных лиц (гражданско-правового сообщества кредиторов, государства, участников общества-должника и др.).

¹ О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с достоверностью адреса юридического лица: Постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 61 // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). 2013. № 32.

² См., например: Постановление Президиума ВАС РФ от 3 июня 2008 г. № 1176/08 // Вестник ВАС РФ. 2008. № 10; Постановление Президиума ВАС РФ от 10 июня 2008 г. № 5539/08 // Там же. 2008. № 10.

Меры юридической ответственности в сфере корпоративного хозяйствования могут содержаться в законах об отдельных видах корпораций. Не случайно в некоторых странах, в частности в Китае, специальные законы о корпорациях содержат в себе отдельные главы об ответственности. Так, в главе 14 Закона о компаниях КНР, помимо традиционных административных штрафов (за ложное указание сведения при регистрации компании, нераскрытие информации, отзыв уставного капитала после регистрации компании и т. д.) и имущественной ответственности (за гражданский ущерб), введена ответственность за неосуществление компанией своей деятельности без уважительных причин (ст. 260) либо за использование компанией своего имени для осуществления серьезной незаконной деятельности, угрожающей национальной безопасности или общественным интересам (ст. 262). Указанный подход китайского законодателя является примером объединения мер административной, гражданской и уголовной ответственности в специальном законе о компании.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости реформирования современного корпоративного законодательства. Большинство предложений не содержат новых идей и основаны на реальном положении дел и потребностях в соответствующих подходах судебной практики.

Формулирование неотъемлемого сущностного элемента корпоративной организации (управление, коллективность субъекта права) позволит избежать смешения регулирования их деятельности с унитарными организациями, что будет соответствовать смыслу пункта 3 статьи 307.1 ГК РФ. Известные науке права подходы к установлению связи правоспособности юридического лица с ЕГРЮЛ подлежат пересмотру с учетом реального порядка создания и деятельности корпоративной организации. Роль локальных актов, корпоративных обычаев и общепринятых в практике «корпоративных ценностей» не должна восприниматься в отрыве от сферы осуществляемой деятельности корпорации.

Отличие норм о прекращении юридического лица и прекращении его деятельности дисциплинирует участников корпоративных отношений и позволит избежать юридической ответственности (корпоративной, имущественной и административной) контролирующим корпорацию лицам. Институт наследования юридического лица должен иметь более детальное регулирование с учетом правовых последствий и многовариантности толкования лаконичных положений законодательства.

Введение в научный оборот директивной модели управления стратегическими и оборонными

корпорациями требует завершения нормативного закрепления механизма взаимодействия публично-правового образования с его представителем при его работе в органах корпорации, а также вопросов юридической ответственности за решения, принимаемые по директиве.

Предлагается нормативно разделять особенности совершения сделок, требующих одобрения органами коммерческих и некоммерческих корпоративных организаций, а также публично-правовыми образованиями, включая подходы при определении аффилиации лиц в указанных сделках.

Система способов защиты нарушенных прав, установленных в законе, должна быть гибкой в условиях развития общественных отношений и подходов судебной практики. Кроме того, настало время глубокой научной разработки понятия и содержания корпоративной ответственности как особого вида юридической ответственности.

Высказанные в настоящей работе предложения требуют широкого обсуждения среди представителей юридической общественности, а также всестороннего анализа со стороны Верховного Суда РФ, законодательного органа и иных заинтересованных лиц.

Библиографический список

1. *Абросимова Е. А.* Некоммерческие организации в экономике: проблемы правового регулирования // Журнал российского права. 2016. № 1(229). С. 9–13.
2. *Андреев В. К., Лаптев В. А.* Корпоративное право современной России: монография. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023. DOI 10.31085/9785392392759-2023-432
3. *Вавилин Е. В.* Концептуальные основы развития гражданского законодательства Российской Федерации // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157, № 6. С. 103–104.
4. *Вавилин Е. В.* Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд. М.: Статут, 2016. 416 с.
5. *Витрянский В. В.* Реформа гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2018. 528 с.
6. *Габов А. В.* Исключение юридического лица из Единого государственного реестра юридических лиц: случаи использования, порядок и последствия // Правоприменение. 2022. Т. 6, № 2. С. 204–230. DOI 10.52468/2542-1514.2022.6(2).204-230
7. *Габов А. В.* Корпоративное законодательство России в 2014–2015 годах: состояние, достижения, проблемы, основные дискуссии и перспективы развития // Национальный доклад по корпоративному управлению. Вып. VIII. М.: Нац. совет по корпоративному управлению, 2015. С. 16–95.

8. Габов А. В. процедуры исключения юридического лица из ЕГРЮЛ // Пермский юридический альманах. 2024. № 7. С. 153–177.
9. Габов А. В., Лаптев В. А. Споры с участием лиц, в отношении которых введены санкции (ограничительные меры): компетенция и особенности рассмотрения // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2023. № 4. С. 59–76.
10. Габов А. В. Ликвидация юридических лиц. История развития института в российском праве, современные проблемы и перспективы. М.: Статут, 2011. 304 с.
11. Горбунов А. Б. Директивное управление корпорациями: современные вызовы и перспективы реформирования // Конкурентное право. 2025. № 2. С. 57–59. DOI 10.18572/2225-8302-2025-2-57-59
12. Гринина А. Ю. Директивное управление хозяйственными обществами с участием публично-правовых образований // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 1 (256). С. 97–103.
13. Гутников О. В. Корпоративная ответственность в гражданском праве России // Журнал российского права. 2018. № 3(255). С. 39–52.
14. Двадцать пять лет российскому акционерному закону: проблемы, задачи, перспективы развития / отв. ред. Д. В. Ломакин. М.: Статут, 2021. 414 с.
15. Ершова И. В., Енькова Е. Е., Лаптев В. А. Корпоративная социальная ответственность в системе координат устойчивого развития // Предпринимательское право. 2022. № 2. С. 25–35. DOI 10.18572/1999-4788-2022-2-25-35
16. Кабанова И. Е. Ответственность публичных субъектов за действия представителя публичных интересов в органах управления корпорацией // Гражданское право. 2017. № 1. С. 12–14.
17. Кантор Н. Е. Интерес бенефициара как источник внутригруппового интереса // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2025. № 2. С. 51–70. DOI 10.37239/2500-2643-2025-20-2-51-70
18. Кашанина Т. В. Эволюция форм права // Lex Russica (Русский закон). 2011. Т. 70. № 1. С. 34–53.
19. Кодификация российского частного права 2015 / под ред. П. В. Крашенинникова М.: Статут, 2015. 447 с.
20. Кодификация российского частного права / под ред. Д. А. Медведева. М.: Статут, 2019. 492 с.
21. Корпоративное право: учебник / отв. ред. И. С. Шиткина. М.: Волтерс Клувер, 2007. 312 с.
22. Корпоративное право: учебник / отв. ред. И. С. Шиткина. М.: Статут, 2018. 735 с.
23. Корпоративное право: учебный курс: в 6 т. / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. И. С. Шиткина. 3-е изд., испр. М.: Статут, 2025. Т. I. 540 с.
24. Лаптев В. А. Директивная модель управления корпорациями с участием государства в сфере оборонно-промышленного комплекса // Правоприменение. 2023. Т. 7, № 4. С. 136–145. DOI 10.52468/2542-1514.2023.7(4).136-145
25. Лаптев В. А. Источники предпринимательского права в Российской Федерации. М.: Проспект, 2017. 304 с.
26. Лаптев В. А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем. М.: Проспект, 2019. 384 с.
27. Лаптев В. А. Корпоративное управление предприятиями оборонно-промышленного комплекса: смена парадигм // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20, № 6(175). С. 75–85. DOI 10.17803/1994-1471.2025.175.6.075-085
28. Лаптев В. А. Корпоративный договор в системе источников регулирования корпоративных отношений // Предпринимательское право. 2016. № 1. С. 23–31.
29. Лаптев В. А. Корпоративный договор на современном этапе: обеспечение потребностей инвесторов и эффективное управление обществом // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2025. Т. 20, № 2. С. 74–96. DOI 10.35427/2073-4522-2025-20-2-laptev
30. Лаптев В. А. Локальный правовой обычай как источник регулирования предпринимательских отношений // Lex Russica (Русский закон). 2017. № 4(125). С. 110–119.
31. Лаптев В. А. Положения о возмещении потерь в локальных нормативных актах корпоративных организаций и правовых обычаях // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19, № 11(168). С. 73–84. DOI 10.17803/1994-1471.2024.168.11.073-083.
32. Лаптев В. А. Понятие и место корпоративной ответственности в системе юридической ответственности // Юрист. 2025. № 3. С. 2–9. DOI 10.18572/1812-3929-2025-3-2-9
33. Лаптев В. А. Понятие корпоративного спора в свете реформирования процессуального законодательства // Российская юстиция. 2019. № 12. С. 28–30.
34. Лаптев В. А. Правоспособность исключенного из ЕГРЮЛ юридического лица // Журнал российского права. 2025. Т. 29, № 8. С. 66–79. DOI 10.61205/S160565900033088-0
35. Лаптев В. А. Правоспособность предприятия (бизнеса) мобилизованного гражданина // Хозяйство и право. 2025. № 8. С. 31–45. DOI 10.18572/0134-2398-2025-8-31-45
36. Лаптев В. А. Процедура распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица (правовые аспекты) // Юрист. 2020. № 12. С. 34–39.
37. Лаптев В. А. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц по обязательствам исключенного из ЕГРЮЛ общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2024. Т. 28, № 1. С. 163–177. DOI 10.22363/2313-2337-2024-28-1-163-177
38. Лаптев В. А. Управление доверенным лицом бизнесом мобилизованного гражданина // Юрист. 2025. № 7. С. 2–9. DOI 10.18572/1812-3929-2025-7-2-9

39. Лаптев В. А., Чуча С.Ю. Компетенция суда по спорам, вытекающим из владения и реализации прав, удостоверенных депозитарными расписками // Закон. 2023. № 12. С. 79–88. DOI 10.37239/0869-4400-2023-20-12-79-88
40. Лескова Ю. Г., Диденко А. А. Источники корпоративного права // Власть Закона. 2015. № 3 (23). С. 49–65.
41. Ломакин Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М.: Статут, 2008. 511 с.
42. Лотфуллин Р. К. Субсидиарная и иная ответственность контролирующих должников лиц при банкротстве. М.: СБП, 2021. 860 с.
43. Модернизация гражданского законодательства: правовой опыт и направления развития / Е. В. Вавилин, Л. Ю. Василевская, И. З. Аюшеева [и др.]. М.: Проспект, 2025. 416 с.
44. Молотников А. Е. Ответственность в акционерных обществах. М.: Волтерс Клувер, 2006. 240 с.
45. Пахомова Н. Н. Цивилистическая теория корпоративных отношений. Екатеринбург: Налоги и финансовое право, 2005. 336 с.
46. Предпринимательское право: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / под ред. Н. И. Косяковой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2017. 446 с.
47. Сеницын С. А. Корпоративное право: опыт, состояние, перспективы: монография. М.: Infotropic Media, 2023. 596 с.
48. Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики: монография / отв. ред. О. В. Гутников. М.: ИЗиСП, Статут, 2021. 528 с.
49. Соловых С. Ж., Цыбуленко З. И. Корпоративно-семейные споры: понятие, основания возникновения и компетенция судов // Гражданское право. 2024. № 6. С. 26–30. DOI 10.18572/2070-2140-2024-6-26-30.
50. Степанов Д. И. Соглашения акционеров в российской судебной практике // Корпоративный юрист. 2008. № 9. С. 54–58.
51. Субсидиарная ответственность по гражданскому и семейному законодательству РФ: монография / отв. ред. Ю. Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2021. 128 с.
52. Суханов Е. А. О Концепции развития гражданского законодательства РФ // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2010. № 5. С. 7–26.
53. Суханов Е. А. Систематизация юридических лиц. М.: Статут, 2026. 400 с.
54. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. 456 с.
55. Тарасов И. Т. Учение об акционерных компаниях И. Тарасова: в 2 вып. Вып. 2. Основные понятия, история, значение и учреждение акционерных компаний. Ярославль: Тип. Г. Фальк, 1879. 284 с.
56. Толстой Ю. К. О Концепции развития гражданского законодательства // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 31–38.
57. Усанова В. А., Попов К. А. Процедура распределения обнаруженного имущества юридического лица: новые подходы в судебной практике // Вестник арбитражной практики. 2024. № 1. С. 69–76.
58. Фейзрахманова Д. Р. Понятие корпоративного конфликта: современный взгляд // Российская юстиция. 2019. № 12. С. 69–72.
59. Филиппова С. Ю. Корпоративный конфликт: возможности правового воздействия: монография. М.: РГУП, 2009. 308 с.
60. Фроловский Н. Г. Понятие корпоративного спора // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 6. С. 11–16.
61. Чимидова Е. Комментарий к Федеральному закону от 20.10.2022 № 404-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» // Нормативные акты для бухгалтера. 2022. № 21. С. 14–15.
62. Чистякова Ю. В. Правовое регулирование редомициляции: современные тенденции и зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19, № 11. С. 84–95. DOI 10.17803/1994-1471.2024.168.11.084-095.
63. Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права (по изданию 1914 года) / вступ. ст.: Суханов Е. А. М.: Спарк, 1994. 335 с.
64. Шиткина И. С. Имущественная ответственность государства в корпоративных правоотношениях // Закон. 2017. № 5. С. 171–182.
65. Юридические лица в российском гражданском праве: монография: в 3 т. / отв. ред. А. В. Габов, О. В. Гутников, С. А. Сеницын. М.: ИЗиСП: ИНФРА-М, 2020. Т. 1. Общие положения о юридических лицах. 384 с.
66. Jing L., Huang Y. Controlling shareholders' over-appointment of directors and the cost of debt financing // Research in International Business and Finance. 2026. Vol. 88. 103421. DOI 10.1016/j.ribaf.2026.103421
67. Liu K. Commentary on the Reform of China's Company Law in 2023 // European Business Law Review. 2025. Issue 36. 653–664. DOI 10.54648/EULR2025037.
68. Medioli A., Bertacchini F., Marchini P.L., Lugli E. Shareholder agreements in capital markets. Can they really increase firms' corporate value? // Management Research Review. 2025. Vol. 48. Issue 13. Pp. 112–135. DOI 10.1108/MRR-01-2024-0019.
69. Treitel G. H. The law of contract (12th ed.). London: Sweet & Maxwell. 2010.
70. Zhang P., Die H., Linjie D. Valuation adjustment mechanisms and acquirer's innovation under the new company law reform: Evidence from China // China Economic Review. 2026. Vol. 95(C). DOI 10.1016/j.chieco.2025.102604.
71. 周友苏. 中国公司法论. 北京: 法律出版社. 2024.
72. 施天涛. 公司法论. 第五版. 北京: 法律出版社. 2025.

References

1. Abrosimova E. A. Nekommercheskiye organizatsii v ekonomike: problemy pravovogo regulirovaniya [Non-Profit Organizations in the Economy: Problems of Legal Regulation] *Zhurnal rossiyskogo prava* – Journal of Russian Law. 2016. Issue 1 (229). Pp. 9–13. (In Russ.)
2. Andreev V. K., Laptev V. A. *Korporativnoye pravo sovremennoy Rossii* [Corporate Law of Modern Russia]. 3rd ed. Moscow, 2023. DOI 10.31085/9785392392759-2023-432 (In Russ.)
3. Vavilin E. V. Kontseptual'nyye osnovy razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii [Conceptual Foundations for the Development of Civil Legislation of the Russian Federation] *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*. 2015. Vol. 157. Issue 6. Pp. 103–104. (In Russ.)
4. Vavilin E. V. *Osushchestvleniye i zashchita grazhdanskikh prav* [Implementation and Protection of Civil Rights]. 2nd ed. Moscow, 2016. 416 p. (In Russ.)
5. Vitryansky V. V. *Reforma grazhdanskogo zakonodatel'stva: promezhutochnyye itogi* [Civil Legislation Reform: Interim Results]. 2nd ed. Moscow, 2018. 528 p. (In Russ.)
6. Gabov A. V. Exclusion of a Legal Entity from the Unified State Register of Legal Entities: Cases of Use, Procedure, and Consequences]. *Law Enforcement Review*. 2022. Vol. 6. Issue 2. Pp. 204–230. DOI 10.52468/2542-1514.2022.6(2).204-230 (In Russ.)
7. Gabov A. V. Korporativnoye zakonodatel'stvo Rossii v 2014–2015 godakh: sostoyaniye, dostizheniya, problemy, osnovnyye diskussii i perspektivy razvitiya [Corporate Legislation of Russia in 2014–2015: Status, Achievements, Problems, Main Discussions, and Development Prospects]. National Report on Corporate Governance. Vol. VIII. Moscow, 2015. Pp. 16–95. (In Russ.)
8. Gabov A. V. Protsedury isklyucheniya yuridicheskogo litsa iz YEGRYUL [Procedures for Excluding a Legal Entity from the Unified State Register of Legal Entities] *Permskiy yuridicheskiy al'manakh* – Perm Legal Almanac. 2024. Issue 7. Pp. 153–177. (In Russ.)
9. Gabov A. V., Laptev V. A. Spory s uchastiyem lits, v otnoshenii kotorykh vvedeny sanktsii (ogranichitel'nyye mery): kompetentsiya i osobennosti rassmotreniya [Disputes Involving Persons Against Whom Sanctions (Restrictive Measures) Have Been Imposed: Competence and Peculiarities of Consideration] *Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga* – Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District. 2023. Issue 4. Pp. 59–76. (In Russ.)
10. Gabov A. V. *Likvidatsiya yuridicheskikh lits. Istoriya razvitiya instituta v rossiyskom prave, sovremennyye problemy i perspektivy* [Liquidation of Legal Entities. History of the Institute's Development in Russian Law, Current Problems and Prospects]. Moscow, 2011. 304 p. (In Russ.)
11. Gorbunov A. B. Prescriptive Corporate Management: Modern Challenges and Reformation Prospects. *Competition Law*. 2025. Issue 2. Pp. 57–59. DOI 10.18572/2225-8302-2025-2-57-59 (In Russ.)
12. Grinina A. Yu. Direktivnoye upravleniye khozyaystvennymi obshchestvami s uchastiyem publichno-pravovykh obrazovaniy [Directive Management of Business Entities with the Participation of Public-Law Entities]. *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii* – Property Relations in the Russian Federation. 2023. Issue 1 (256). Pp. 97–103. (In Russ.)
13. Gutnikov O. V. *Korporativnaya otvetstvennost' v grazhdanskom prave Rossii* [Corporate Liability in Russian Civil Law]. *Zhurnal rossiyskogo prava* – Journal of Russian Law. 2018. Issue 3 (255). Pp. 39–52. (In Russ.)
14. *Dvadtsat' pyat' let rossiyskomu aktsionernomu zakonu: problemy, zadachi, perspektivy* [Twenty-Five Years of Russian Joint-Stock Law: Problems, Tasks, and Development Prospects]. Ed. by D. V. Lomakin. Moscow, 2021. 414 p. (In Russ.)
15. Ershova I. V., Enkova E. E., Laptev V. A. *Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost' v sisteme koordinat ustoychivogo razvitiya* [Corporate Social Responsibility in the Sustainable Development Coordinate System] *Predprinimatel'skoye pravo* – Entrepreneurial law. 2022. Issue 2. Pp. 25–35. DOI 10.18572/1999-4788-2022-2-25-35 (In Russ.)
16. Kabanova I. E. Otvetstvennost' publichnykh sub'yektov za deystviya predstavatelya publichnykh interesov v organakh upravleniya korporatsiyey [Liability of Public Entities for the Actions of a Representative of Public Interests in Corporate Governance Bodies]. *Grazhdanskoye pravo* – Civil Law. 2017. Issue 1. Pp. 12–14. (In Russ.)
17. Kantor N. E. The Interest of the Beneficiary as a Source of Intra-Group Interest. *The Herald of Economic Justice*. 2025. Issue 2. Pp. 51–70. DOI 10.37239/2500-2643-2025-20-2-51-70 (In Russ.)
18. Kashanina T. V. Evolyutsiya form prava [Evolution of Forms of Law]. *Lex Russica*. 2011. Vol. 70. Issue 1. Pp. 34–53. (In Russ.)
19. *Kodifikatsiya rossiyskogo chasnogo prava 2015* [Codification of Russian Private Law 2015]. Ed. by P. V. Krashenninnikov. Moscow, 2015. 447 p. (In Russ.)
20. *Kodifikatsiya rossiyskogo chasnogo prava 2019* [Codification of Russian Private Law 2019]. Ed. by D. A. Medvedev. Moscow, 2019. 492 p. (In Russ.)
21. *Korporativnoye pravo* [Corporate Law]. Ed. by I. S. Shitkina. Moscow, 2007. 312 p. (In Russ.)
22. *Korporativnoye pravo* [Corporate Law]. Ed. by I. S. Shitkina. Moscow: Statut, 2018. 735 p. (In Russ.)
23. *Korporativnoye pravo* [Corporate Law]: in 6 vols. Ed. by I. S. Shitkina. 3rd ed. Vol. 1. Moscow, 2025. 540 p. (In Russ.)
24. Laptev V. A. Direktivnaya model' upravleniya korporatsiyami s uchastiyem gosudarstva v sfere

oboronno-promyshlennogo kompleksa [Directive Model of Corporate Management with State Participation in the Military-Industrial Complex]. *Pravoprimeneniye – Law Enforcement Review*. 2023. Vol. 7. Issue 4. Pp. 136–145. DOI 10.52468/2542-1514.2023.7(4).136–145. (In Russ.)

25. Laptev V. A. *Istochniki predprinimatel'skogo prava v Rossiyskoy Federatsii* [Sources of Entrepreneurial Law in the Russian Federation]. Moscow, 2017. 304 p. (In Russ.)

26. Laptev V. A. *Korporativnoye pravo: pravovaya organizatsiya korporativnykh sistem* [Corporate Law: Legal Organization of Corporate Systems]. Moscow, 2019. 384 p. (In Russ.)

27. Laptev V. A. *Korporativnoye upravleniye predpriyatiyami oboronno-promyshlennogo kompleksa: smena paradigm* [Corporate Management of Military-Industrial Complex Enterprises: A Paradigm Shift]. *Actual Problems of Russian Law*. 2025. Vol. 20. Issue 6(175). Pp. 75–85. (In Russ.). DOI 10.17803/1994–1471.2025.175.6.075-085

28. Laptev V. A. *Korporativnyy dogovor v sisteme istochnikov regulirovaniya korporativnykh otnosheniy* [Corporate Agreement in the System of Sources of Corporate Relations Regulation]. *Predprinimatel'skoye pravo – Entrepreneurial Law*. 2016. Issue 1. Pp. 23–31. (In Russ.)

29. Laptev V. A. *Corporate Agreement at the Current Stage: Meeting the Needs of Investors and Effective Management of the Company*. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 2025. Vol. 20. Issue 2. Pp. 74–96. DOI 10.35427/2073-4522-2025-20-2-laptev (In Russ.)

30. Laptev V. A. *Lokal'nyy pravovoy obyichay kak istochnik regulirovaniya predprinimatel'skikh otnosheniy* [Local Legal Custom as a Source of Regulation of Business Relations]. *Lex Russica*. 2017. Issue 4 (125). Pp. 110–119. (In Russ.)

31. Laptev V. A. *Provisions on Compensation for Losses in Local Regulatory Acts of Corporate Entities and Legal Customs*. *Actual Problems of Russian Law*. 2024. Vol. 19. Issue 11(168). Pp. 73–84. DOI 10.17803/1994-1471.2024.168.11.073-083 (In Russ.)

32. Laptev V. A. *The Concept and Place of Corporate Responsibility in the System of Legal Liability*. *Jurist*. 2025. Issue 3. Pp. 2–9. DOI 10.18572/1812-3929-2025-3-2-9 (In Russ.)

33. Laptev V. A. *Ponyatiye korporativnogo spora v svete reformirovaniya protsessual'nogo zakonodatel'stva* [The Concept of a Corporate Dispute in Light of the Reform of Procedural Legislation]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justice*. 2019. Issue 12. Pp. 28–30. (In Russ.)

34. Laptev V. A. *Legal Capacity of a Legal Entity Excluded from the Unified State Register of Legal Entities*. *Journal of Russian Law*. 2025. Vol. 29, Issue 8. Pp. 66–79. DOI 10.61205/S160565900033088-0 (In Russ.)

35. Laptev V. A. *Legal Capacity of the Enterprise (Business) of a Conscripted Citizen*. *Economy and Law*. 2025. Issue 8. Pp. 31–45. DOI 10.18572/0134-2398-2025-8-31-45 (In Russ.)

36. Laptev V. A. *Protsedura raspredeleniya obnaryuzhennogo imushchestva likvidirovannogo yuridicheskogo litsa (pravovyye aspekty)* [Procedure for the Distribution of Discovered Property of a Liquidated Legal Entity (Legal Aspects)]. *Jurist – Jurist*. 2020. Issue 12. Pp. 34–39. (In Russ.)

37. Laptev V. A. *Subsidiary Liability of Controlling Persons for Obligations of a Company Excluded from the Unified State Register of Legal Entities*. *RUDN Journal of Law*. 2024. Vol. 28, Issue 1. Pp. 163–177. DOI 10.22363/2313-2337-2024-28-1-163-177 (In Russ.)

38. Laptev V. A. *Managing a Mobilized Citizen's Business by an Authorized Representative*. *Jurist*. 2025. Issue 7. Pp. 2–9. DOI 10.18572/1812-3929-2025-7-2-9 (In Russ.)

39. Laptev V. A., Chucha S. Yu. *Competence of the Court in Disputes Arising from the Possession and Exercise of Rights Certified by Depository Receipts*. *Zakon*. 2023. Issue 12. Pp. 79–88. DOI 10.37239/0869-4400-2023-20-12-79-88 (In Russ.)

40. Leskova Yu. G., Didenko A. A. *Istochniki korporativnogo prava* [Sources of Corporate Law]. *Vlast' Zakona – The Power of Law*. 2015. Issue 3 (23). Pp. 49–65. (In Russ.)

41. Lomakin D. V. *Korporativnyye pravootnosheniya: obshchaya teoriya i praktika yeye primeneniya v khozyaystvennykh obshchestvakh* [Corporate Legal Relations: General Theory and Practice of Its Application in Business Entities]. Moscow, 2008. 511 p. (In Russ.)

42. Lotfullin R. K. *Subsidiarnaya i inaya otvetstvennost' kontroliruyushchikh dolzhnikov lits pri bankrotstve* [Subsidiary and Other Liability of Persons Controlling Debtors in Bankruptcy]. Moscow, 2021. 860 p. (In Russ.)

43. *Modernizatsiya grazhdanskogo zakonodatel'stva: pravovoy opyt i napravleniya razvitiya* [Modernization of Civil Legislation: Legal Experience and Development Avenues]. E. V. Vavilin, L. Yu. Vasilevskaya, I. Z. Ayusheeva et al. Moscow, 2025. 416 p. (In Russ.)

44. Molotnikov A. E. *Otvetstvennost' v aktsionernykh obshchestvakh* [Liability in Joint-Stock Companies]. Moscow, 2006. 240 p. (In Russ.)

45. Pakhomova N. N. *Tsivilisticheskaya teoriya korporativnykh otnosheniy* [Civil Law Theory of Corporate Relations]. Yekaterinburg, 2005. 336 p. (In Russ.)

46. *Predprinimatel'skoye pravo* [Entrepreneurial Law]. Ed. by N. I. Kosyakova. 3rd ed. Moscow, 2017. 446 p. (In Russ.)

47. Sinitsyn S. A. *Korporativnoye pravo: opyt, sostoyaniye, perspektivy* [Corporate Law: Experience, Status, Prospects]. Moscow, 2023. 596 p. (In Russ.)

48. *Sovremennoye korporativnoye pravo: aktual'nyye problemy teorii i praktiki: monografiya* [Modern Corporate Law: Current Issues of Theory and Practice]. Ed. by O. V. Gutnikov. Moscow, 2021. 528 p. (In Russ.)
49. Solovykh S. Zh., Tsybulenko Z. I. Corporate Family Disputes: The Notion, Grounds for Origination and Court Jurisdiction. *Civil Law*. 2024. Issue 6. Pp. 26–30. DOI 10.18572/2070-2140-2024-6-26-30 (In Russ.)
50. Stepanov D. I. Soglasheniya aktsionerov v Rossiyskoy sudebnoy praktike [Shareholders' Agreements in Russian Judicial Practice]. *Korporativnyy yurist* – Corporate Lawyer. 2008. Issue 9. Pp. 54–58. (In Russ.)
51. *Subsidiarnaya otvetstvennost' po grazhdanskomu i semeynomu zakonodatel'stvu RF* [Subsidiary Liability Under Civil and Family Legislation of the Russian Federation]. Ed. by Yu. F. Bespalov. Moscow, 2021. 128 p. (In Russ.)
52. Sukhanov E. A. O Kontseptsii razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva RF [On the Concept of Development of Civil Legislation of the Russian Federation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo* – Bulletin of Moscow University. Series 11. Law. 2010. Issue 5. Pp. 7–26. (In Russ.)
53. Sukhanov E. A. *Sistematizatsiya yuridicheskikh lits* [Systematization of Legal Entities]. Moscow, 2026. 400 p. (In Russ.)
54. Sukhanov E. A. *Sravnitel'noye korporativnoye pravo* [Comparative Corporate Law]. Moscow, 2014. 456 p. (In Russ.)
55. Tarasov I. T. *Ucheniye ob aktsionernykh kompaniyakh I. Tarasova Vyp. 2. Osnovnyye ponyatiya, istoriya, znachenije i uchrezhdeniye aktsionernykh kompaniy* [The Doctrine of Joint-Stock Companies by I. Tarasov. Issue 2. Basic Concepts, History, Significance, and Establishment of Joint-Stock Companies]. Yaroslavl, 1879. 284 p. (In Russ.)
56. Tolstoy Yu. K. O Kontseptsii razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva [On the Concept of Development of Civil Legislation]. *Zhurnal Rossiyskogo prava* – Journal of Russian Law. 2010. Issue 1. Pp. 31–38. (In Russ.)
57. Usanova V.A., Popov K.A. *Protседura raspredeleniya obnaruzhennogo imushchestva yuridicheskogo litsa: novyye podkhody v sudebnoy praktike* [The Procedure for Distribution of Discovered Property of a Legal Entity: New Approaches in Judicial Practice]. *Vestnik arbitrazhnoy praktiki* – Bulletin of Arbitration Practice. 2024. Issue 1. Pp. 69–76. (In Russ.)
58. Feyzrakhmanova D.R. *Ponyatiye korporativnogo konflikta: sovremennyy vzglyad* [The Concept of Corporate Conflict: A Modern View]. *Rossiyskaya yustitsiya* – Russian Justice. 2019. Issue 12. Pp. 69–72. (In Russ.)
59. Filippova S. Yu. *Korporativnyy konflikt: vozmozhnosti pravovogo vozdeystviya* [Corporate Conflict: Possibilities of Legal Influence]. Moscow, 2009. 308 p. (In Russ.)
60. Frolovsky N. G. *Ponyatiye korporativnogo spora* [The Concept of a Corporate Dispute]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2010. Issue 6. Pp. 11–16. (In Russ.)
61. Chimidova E. Commentary on the Federal Law of October 20, 2022 No. 404-FZ "On Amendments to the Federal Law 'On Mobilization Preparation and Mobilization in the Russian Federation'". *Normativnyye akty dlya bukhgaltera* – Regulatory Acts for an Accountant. 2022. Issue 21. Pp. 14–15. (In Russ.)
62. Chistyakova Yu. V. Legal Regulation of Redomiciliation: Current Trends and Foreign Experience. *Actual Problems of Russian Law*. 2024. Vol. 19. Issue 11. Pp. 84–95. DOI 10.17803/1994-1471.2024.168.11.084-095 (In Russ.)
63. Shershenevich G. F. *Uchebnyy kurs torgovogo prava* [Textbook of Commercial Law (based on the 1914 edition)]. Moscow, 1994. 335 p. (In Russ.)
64. Shitkina I. S. *Imushchestvennaya otvetstvennost' gosudarstva v korporativnykh pravootnosheniyakh* [Property Liability of the State in Corporate Legal Relations]. *Zakon*. 2017. Issue 5. Pp. 171–182. (In Russ.)
65. *Yuridicheskiye litsa v Rossiyskom grazhdanskom prave* [Legal entities in Russian Civil Law]. Vol. 1. *Obshchiye polozheniya o yuridicheskikh litsakh* [General Provisions on Legal Entities]. Ed. by A. V. Gabov, O. V. Gutnikov, S. A. Sinitsyn. Moscow, 2020. 384 p. (In Russ.)
66. Lu J., Huang Y. Controlling Shareholders' Over-Appointment of Directors and the Cost of Debt Financing. *Research in International Business and Finance*. 2026. Vol. 88, 103421. DOI 10.1016/j.ribaf.2026.103421 (In Eng.)
67. Liu K. Commentary on the Reform of China's Company Law in 2023. *European Business Law Review*. 2025. Issue 36. Pp. 653–664. DOI 10.54648/EULR2025037 (In Eng.)
68. Medioli A., Bertacchini F., Marchini P. L., Lugli E. Shareholder Agreements in Capital Markets. Can They Really Increase Firms' Corporate Value? *Management Research Review*. 2025. Vol. 48. Issue 13. Pp. 112–135. DOI 10.1108/MRR-01-2024-0019 (In Eng.)
69. Treitel G. H. *The Law of Contract*. 12 th ed. London: Sweet & Maxwell, 2010. (In Eng.)
70. Zhang P., Die H., Linjue D. Valuation Adjustment Mechanisms and Acquirer's Innovation Under the New Company Law Reform: Evidence from China. *China Economic Review*. 2026. Vol. 95(C). DOI 10.1016/j.chieco.2025.102604 (In Eng.)
71. 周友苏. 中国公司法论. 北京: 法律出版社. 2024. (In Chin.)
72. 施天涛. 公司法论. 第五版. 北京: 法律出版社. 2025. (In Chin.)

Информация об авторе:

В. А. Лаптев

Доктор юридических наук, профессор кафедры
предпринимательского и корпоративного права
Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9

главный научный сотрудник сектора гражданского
и предпринимательского права

Институт государства и права Российской академии наук
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

ORCID: 0000-0002-6495-1599
ResearcherID: A-7888-2019

Статьи в БД Scopus / Web of Science:

DOI 10.17323/2072-8166.2019.2.79.102
DOI 10.21638/spbu14.2020.102
DOI 10.17589/2309-8678-2020-8-1-138-157
DOI 10.31857/S013207690009532-7
DOI 10.31857/S102694520019309-0
DOI 10.52468/2542-1514.2022.6(1).229-244
DOI 10.3390/laws10040093
DOI 10.31857/S102694520022202-3
DOI 10.31857/S102694520020140-5
DOI 10.21638/spbu14.2022.206
DOI 10.17803/2713-0525.2022.2.20.227-250
DOI 10.31857/S102694520021329-2
DOI 10.17803/2713-0533.2024.2.28.268-294
DOI 10.17223/22253513/54/8
DOI 10.31857/S1026945224060088
DOI 10.21638/spbu14.2025.103
DOI 10.31857/S1026945225090084
DOI 10.7868/S2713039826020118

About the author:

V. A. Laptev

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, 125993, Russia

Institute of State and Law of the Russian Academy
of Sciences

10, Znamenka st., Moscow, 119019, Russia

ORCID: 0000-0002-6495-1599

ResearcherID: A-7888-2019

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI 10.17323/2072-8166.2019.2.79.102
DOI 10.21638/spbu14.2020.102
DOI 10.17589/2309-8678-2020-8-1-138-157
DOI 10.31857/S013207690009532-7
DOI 10.31857/S102694520019309-0
DOI 10.52468/2542-1514.2022.6(1).229-244
DOI 10.3390/laws10040093
DOI 10.31857/S102694520022202-3
DOI 10.31857/S102694520020140-5
DOI 10.21638/spbu14.2022.206
DOI 10.17803/2713-0525.2022.2.20.227-250
DOI 10.31857/S102694520021329-2
DOI 10.17803/2713-0533.2024.2.28.268-294
DOI 10.17223/22253513/54/8
DOI 10.31857/S1026945224060088
DOI 10.21638/spbu14.2025.103
DOI 10.31857/S1026945225090084
DOI 10.7868/S2713039826020118

Информация для цитирования:

Сидиков Д. А. Определение правового режима результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием искусственного интеллекта, по законодательству Республики Таджикистан // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2026. Вып. 3(73). С. 485–510. DOI 10.17072/1995-4190-2026-73-485-510. EDN AWEUJA

Sidiqov D. A. Establishing the Legal Regime of Intellectual Property Created With the Use of Artificial Intelligence Under the Legislation of the Republic of Tajikistan. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2026. Issue 3(73). Pp. 485–510. DOI 10.17072/1995-4190-2026-73-485-510. EDN AWEUJA (In Russ.)

УДК 343.3

DOI 10.17072/1995-4190-2026-73-485-510

EDN <https://elibrary.ru/aweuja>

EDN AWEUJA

Определение правового режима результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием искусственного интеллекта, по законодательству Республики Таджикистан

Д. А. Сидиков

Российско-Таджикский (Славянский) университет

E-mail: sidiqov.dilshod@mail.ru

Статья поступила в редакцию 17.03.2026

Введение: высокий темп развития технологий искусственного интеллекта и модернизация его функциональности, позволившие ему имитировать когнитивные способности человека, сделали его ныне главным агрегатом в создании результатов интеллектуальной деятельности, которые по объективным признакам могут ничем не отличаться от продуктов, созданных творческой деятельностью человека. Такой процесс привел к изменению общественных отношений, что, безусловно, не могло не отразиться на состоянии и развитии законодательства об интеллектуальных правах. **Цель:** рассмотреть влияние искусственного интеллекта на состояние законодательства Республики Таджикистан об авторском праве, определить правовой режим результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием искусственного интеллекта, в Республике Таджикистан. **Методы:** эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы, в том числе юридико-догматический и метод толкования правовых норм. **Результаты:** по итогам исследования установлено, что принятая Постановлением Правительства «Стратегия развития искусственного интеллекта в Республике Таджикистан на период до 2040 года» от 30 сентября 2022 г. № 483 стала своевременным шагом. Особенно ценным и верным признается закрепление в Стратегии искусственного интеллекта в качестве объекта права. **Выводы:** опираясь на глубокий анализ природы искусственного интеллекта и текущего уровня его развития, а также осмысливая разнообразные исследовательские подходы, автор заключает, что наделение искусственного интеллекта правосубъектностью для целей интеллектуального права не имеет под собой оснований и представляется нерациональным. Искусственный интеллект как сложный

© Сидиков Д. А., 2026



Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

результат интеллектуальной деятельности является программой для ЭВМ, что делает его объектом авторских прав. С целью реализации положений пункта 47 Стратегии автор предлагает ряд мер по совершенствованию правового регулирования интеллектуальных прав в данной сфере, и прежде всего – определить режим смежных прав для результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием искусственного интеллекта.

Ключевые слова: генеративный искусственный интеллект; интеллектуальные права; авторские права; смежные права; результаты интеллектуальной деятельности; правовой режим; объект, субъект; Республика Таджикистан

Establishing the Legal Regime of Intellectual Property Created With the Use of Artificial Intelligence Under the Legislation of the Republic of Tajikistan

D. A. Sidiqov

Russian-Tajik (Slavonic) University

E-mail: sidiqov.dilshod@mail.ru

Received 17 Mar 2026

Introduction: the rapidly developing artificial intelligence technology, with its advancing capabilities that enable it to mimic human cognitive abilities, has become a major driver in creating intellectual property objects that, by objective standards, may be indistinguishable from products created through human creative activity. This process has led to changes in social relations, which inevitably affects the state and development of legislation on intellectual property rights. **Purpose:** to examine the impact of artificial intelligence on the copyright legislation of the Republic of Tajikistan and to determine the legal regime governing intellectual property objects created with the use of artificial intelligence in the Republic of Tajikistan. **Methods:** empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; specific scientific methods, including legal dogmatics and the method of interpreting legal norms. **Results:** the study has found that the “Strategy for the Development of Artificial Intelligence in the Republic of Tajikistan for the Period Until 2040,” adopted by Government Decree No. 483 of September 30, 2022, was a timely step. The Strategy’s recognition of artificial intelligence as an object of law should be considered particularly appropriate and significant. **Conclusions:** drawing on an in-depth analysis of the nature of artificial intelligence and its current state of development, and having considered various research approaches, the author concludes that granting artificial intelligence legal personality under intellectual property law is unfounded and appears irrational. Artificial intelligence, as a complex result of intellectual activity, is a computer program, which makes it subject matter of copyright. Following the provisions of Item 47 of the Strategy, the author proposes certain measures intended to improve legal regulation of intellectual property rights in the field, these primarily including the establishment of the related rights regime for intellectual property created with the use of artificial intelligence.

Keywords: generative artificial intelligence; intellectual property rights; copyright; related rights; intellectual property; legal regime; object; rights holder; Republic of Tajikistan

Введение

Сегодня наука, техника и технология развиваются как никогда раньше. Каждый новый результат научно-технологического прогресса является прорывным, кардинально отличающимся от предыдущего. Одним из таких революционных результатов

на текущий момент по праву можно признать технологии искусственного интеллекта, особенно генеративного типа (искусственный интеллект), который начал внедряться в социально-экономические сферы различных стран: образование, здравоохранение, промышленность, привлечение инвестиций и услуги и т. д. Однако объем охвата

искусственным интеллектом этих сфер в той или иной стране прямо зависит от уровня развития и внедрения такой технологии в ней. В то же время множество государств, включая Республику Таджикистан, уделяют большое внимание искусственному интеллекту, предпринимают соответствующие меры по его развитию.

Для содействия развитию и внедрению искусственного интеллекта в Республике Таджикистан Постановлением Правительства от 30 сентября 2022 г. № 483 была принята Стратегия развития искусственного интеллекта в Республике Таджикистан на период до 2040 года (далее – Стратегия)¹. В целях реализации ее положений Агентством инноваций и цифровых технологий при Президенте Республики Таджикистан, который осуществляет национальную политику в сфере искусственного интеллекта и цифровых технологий, создана Межведомственная комиссия по регулированию искусственного интеллекта². Наряду с этим в части содействия в развитии искусственного интеллекта при Министерстве промышленности и новых технологий Республики Таджикистан функционирует Совет по искусственному интеллекту и т. д. Об экономической значимости (повышении производительности и эффективности труда) внедрения искусственного интеллекта говорится в пункте 12 Стратегии, а в пункте 13 подчеркивается, что, по оценкам международных экспертов, к 2030 году за счет внедрения и использования технологий искусственного интеллекта мировой валовой продукт увеличится на 14 %, или 15,7 трлн долл. США.

В своем ежегодном послании парламенту Республики Таджикистан в 2024 году, посвященном основным направлениям внутренней и внешней политики, Президент страны Эмомали Рахмон особо отметил важность широкого применения искусственного интеллекта в сфере предоставления услуг и системы государственной регистрации. Он также обозначил это направление как ключевое для развития цифровой экономики в стране³. В 2025 году Президент Республики Таджикистан поручил Правительству страны «принять меры с целью использования возможностей искусственного интеллекта в процессе развития по созданию Национальной корпорации искусственного интеллекта, Регионального центра искусственного интеллекта и комплекса центров переработки “зелёной информации” (дата-центры)»⁴.

Параллельно с разработкой и внедрением искусственного интеллекта, являющимися одними из ключевых задач государства, не менее важным представляется формирование законодательной базы. Она призвана обеспечить адекватную правовую регламентацию общественных отношений, возникающих в связи с развитием искусственного интеллекта.

Поскольку появление искусственного интеллекта оказало непосредственное влияние на множество сфер общественной жизни, его воздействие особенно заметно в области интеллектуальных прав. Сегодня такой результат научно-технологического прогресса, как искусственный интеллект, начал широко применяться в создании разного вида продуктов интеллектуального труда – музыкальных произведений, кинофильмов, современных технологий и пр. Данная тенденция развития использования искусственного интеллекта требует немедленного и надлежащего правового оформления, в рамках которого важно решение вопроса возможности распространения на них режима интеллектуальных прав – установление правообладателя, способов использования, сроков правовой охраны и др. Для этой цели существуют доктрина, законодательство и судебная практика, однако достижение данной цели – задача не из простых.

Важно, что на данный процесс своевременно отреагировало Правительство Республики Таджикистан, указывая на необходимость принимать меры по разработке проекта Закона Республики Таджикистан «Об искусственном интеллекте», определяющего основы государственного регулирования в этой сфере, вносить изменения и дополнения в законы и кодексы, касающиеся правовой охраны искусственного интеллекта и связанных с ним отношений и др. (п. 47 Стратегии). В этих целях, а также для последующего доктринального осмысления Правительство определило понятие «искусственный интеллект» как «систему или компьютерное оборудование, которое способно имитировать интеллектуальные и аналитические способности человека для выполнения определенных задач» (п. 9). Стоит заметить, что близкие по содержанию дефиниции понятия «искусственный интеллект» приводятся разными учеными [40, с. 18; 12, с. 8; 4, с. 31]. Это свидетельствует о том, что положения Стратегии разрабатывались с учетом определенных достижений правовой науки.

¹ Стратегия развития искусственного интеллекта в Республике Таджикистан на период до 2040 года: утв. Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 30 сент. 2022 г. № 483. URL: http://www.portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonun-hoview.php?showdetail=&asosi_id=26592

² URL: <https://egov.tj/site/innovation/press/news/details/1872?lang=ru>

³ Послание Президента Республики Таджикистан, уважаемого Эмомали Рахмона «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики» от 28 дек 2024 г. URL: <https://president.tj/event/news/49237>

⁴ Послание Президента Республики Таджикистан, уважаемого Эмомали Рахмона «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики» от 16 дек. 2025 г. URL: <https://president.tj/event/news/54185>

Однако не секрет, что где-то теория опережает практику, а где-то практика – теорию. В случае с искусственным интеллектом следует признать, что теория отчасти уступила практике (реальное (фактическое) общественное отношение, не упорядоченное правом в достаточной степени). Это вовсе не означает, что в доктрине не выработаны решения по определению правового режима результатов интеллектуальной деятельности, создаваемых с использованием искусственного интеллекта. В ней сформулированы разные теории для определения такого правового режима. Вместе с тем дискуссии в контексте данной проблемы не привели к формированию общего согласия или устойчивого большинства сторонников какого-либо одного подхода среди научного сообщества. Это может быть связано тем, что, как верно отметил В. О. Калятин, «не решен вопрос об установлении места искусственного интеллекта в правовой системе в целом» [19, с. 24], что указывает на лакуны в доктрине.

Тем не менее такое состояние в доктрине на текущий момент считаем не фатальным, ибо искусственный интеллект развивается прогрессивно и непредсказуемо. С каждым днем обновляются, совершенствуются, обогащаются его функциональные возможности. На каждые эти моменты (процессы) доктрина и законодательство, не говоря уже о судебной практике, реагируют незамедлительно. В доктрине в результате таких процессов некоторые научные подходы перестают быть актуальными и отвечать требованиям реальности либо, наоборот, обуславливают зарождение новых подходов и концепций.

Действительно, актуальность и сложность этого вопроса сохраняются и в настоящее время. В данном контексте формирование поспешных и, более того, категоричных заключений, призванных окончательно разрешить данный вопрос, представляется, на наш взгляд, рискованным. Тем не менее необходимо стремиться к выработке окончательной позиции, основываясь на реальном положении дел в общественных отношениях, особенно в свете повсеместного внедрения искусственного интеллекта и, в частности, в случаях, когда результаты интеллектуальной деятельности создаются с его помощью. В этих целях следует исследовать и развивать накопленные в рамках доктрины интеллектуальных прав научные подходы, изучать судебную практику, а также анализировать опыт стран с развитой экономикой и правом, где общественные отношения, особенно имущественные, достигли иной степени зрелости.

Проблемы охраноспособности результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием искусственного интеллекта, в рамках авторского права

Термин «искусственный интеллект» впервые был использован еще в 1956 году американским ученым Д. Маккарти в докладе на конференции в Дартмутском университете [64, р. 36]. Однако именно в настоящее время охрана результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием искусственного интеллекта, стала жизненно важной и практически необходимой задачей права [19, с. 26]. Сейчас мы уже должны выходить за рамки прогностического осмысления гипотетических сценариев того, что может случиться, ибо сегодня всё это уже реальность – искусственный интеллект способен автономно без творческого участия человека создавать результаты интеллектуальной деятельности. В этом процессе (создании) роль человека сводится лишь к формулированию задач для функционирования искусственного интеллекта, чтобы последний мог дальше самостоятельно создать объект. По этому поводу в доктрине отмечено, что в режиме онлайн простое отдание команды еще не делает кого-то «автором» [29, с. 185; 57, pp. 133–134]. Именно эта действительность (обстоятельство) вызывает существенные сложности в сфере интеллектуальных прав, учитывая пробельность законодательства Республики Таджикистан в этом аспекте.

Для распространения авторско-правовой охраны на произведение, как это предусмотрено частью 1 статьи 5 Закона Республики Таджикистан «Об авторском праве и смежных правах» от 13 ноября 1998 г. № 726¹ (далее – Закон РТ об авторском праве), необходимо, чтобы оно, во-первых, было выражено в объективной форме и, во-вторых, создано творческим трудом. Следует заметить, что объекты, созданные с использованием искусственного интеллекта, по форме ничем не отличаются от форм произведений, созданных человеком. Следовательно, неоспоримо, что объекты, созданные с помощью такой технологии, соответствуют критерию объективной формы выражения произведения, что не требует дальнейших доказательств. Однако сложность вызывает второй критерий – наличие творческого труда. В рамках данного обсуждения, не углубляясь в специфику анализа категории «творчество», отметим, что под ней традиционно понимается «процесс разумной человеческой деятельности, итогом которой становится создание качественно новых объектов, основной характеристикой которых является их уникальность, непохожесть на нечто существовавшее ранее» [22, с. 36–37]. Из данного

¹ Об авторском праве и смежных правах: Закон Республики Таджикистан от 13 нояб. 1998 г. под № 726. URL: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhovview.php?showdetail=&asosi_id=234

определения понятно, что творчество – это проявление интеллектуальной способности именно человека – физического лица в процессе создания результата интеллектуальной деятельности. При этом следует подчеркнуть, что участие человека не исчерпывается только процессом, оно опосредует и создание конечного результата, то есть последний достигается непосредственно творческими усилиями человека. Поэтому фигура человека играет определяющую роль в распространении авторско-правовой охраны на результаты интеллектуальной деятельности. Такой же позиции придерживается Закон РТ об авторском праве, где предусматривается, что «автор – физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение» (ст. 3).

В силу сказанного можно утверждать, что вопрос заключается не только в том, в какой мере созданные с использованием искусственного интеллекта произведения науки, литературы, искусства не похожи (или же не совпадают) на ранее существующие, но и непосредственно в творческом участии человека – физического лица, создающего такой продукт. Следовательно, Закон РТ об авторском праве не охраняет произведение, которое создано искусственным интеллектом без творческого участия человека-творца. Такой подход имеет место и в Германии, где произведением является «результат созидательной деятельности человека, “передающий человеческие мысли и чувства”, что приводит к отрицанию охраноспособности таких результатов, которые созданы машиной или, например, программой для ЭВМ без участия человека» [46, с. 532]. Аналогичная позиция была высказана в Решении Федерального суда Австралии от 2 февраля 2012 г. по делу *Acohs Pty Ltd v Ucorp Pty Ltd*, согласно которому на произведение, созданное в результате функционирования компьютера и программных алгоритмов на нем, авторско-правовая охрана не распространяется, ибо произведение не создано автором-человеком (п. 57)¹.

Показательной является и статья 2(1) Закона Японии 1970 года (в редакции 2014 г.) «Об авторском праве», согласно которой произведение авторского права представляет собой результат, «в котором мысли или чувства выражены творческим образом»². Данное положение законодательного акта стало предметом анализа Р. А. Евдокимова, который разъясняет, что закрепленная в законе концепция «мыслей и чувств» была выработана Высоким судом Токио в процессе рассмотрения в 1987 году дела *Election Tip Sheet Case*, *Case, Second Instance*, *Tokyo High Cour.* В этом контексте исследователь подчеркивает, что если в продукте

(«произведении») не прослеживается отпечаток мысли и чувства человека, то оно не является охраноспособным. К числу подобных продуктов ученый отнес автоматически создаваемые компьютерами результаты интеллектуальной деятельности, а также результаты творчества животных и др. [16, с. 79–80].

В контексте законодательного регулирования актуализируется вопрос о правовом положении результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием искусственного интеллекта, при условии творческого (пусть и имплицитного) участия человека. Историческая аналогия с переходом от рукописных к машинописным произведениям демонстрирует, что инструменты (будь то перо, ручка или печатная машина) традиционно рассматривались как средства реализации человеческого творческого потенциала автора-человека, не влияя на охраноспособность самого произведения.

Изобретение фотоаппаратов кардинально изменило положение дел. В середине XIX века это стало настоящим вызовом для авторского права. Многие сомневались в оригинальности фотографий, считая их лишь механическими копиями, а не самостоятельными произведениями. Судебные инстанции даже ставили под вопрос адекватность законодателей, присвоивших фотографиям статус авторов. Со временем способность фотографий соответствовать критериям охраны авторским правом перестала вызывать сомнения у большинства [9, с. 181], хотя не у всех. Существовало мнение, согласно которому фотографические произведения не обладали творческим характером. Аргументация противников основывалась на представлении о том, что создание таких произведений осуществляется посредством механических и химических процессов, управляемых аппаратурой, а деятельность фотографа рассматривалась как обыденный труд, лишенный творческой составляющей [49, с. 63]. Данное разногласие нашло отражение и в ходе обсуждения перечня охраняемых произведений в рамках Бернской конвенции, где предложение Франции о включении фотографий было отклонено Германией, которая на тот момент не признавала их объектами произведения искусства [27, с. 288–289]. Тем не менее в 1908 году Бернская конвенция распространила авторско-правовую охрану на фотографические произведения. В Германии вопрос правовой охраны фотографий был глубоко проработан, что привело к формированию «двухъязычной» системы. Согласно ей фотографии, являющиеся результатом творческого интеллектуального труда, признаются объектами авторских

¹ Решение Федерального суда Австралии от 2 февр. 2012 г. по делу «*Acohs Pty Ltd v Ucorp Pty Ltd*» [*Acohs Pty Ltd v Ucorp Pty Ltd* [2012] FCAFC 16 / Judgment of the Federal Court of Australia. 2012. URL: <http://www8.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/cases/cth/FCAFC/2012/16.html>]

² Copyright Act No. 48 of May 6, 1970 (as amended up to Act No. 35 of May 14, 2014) // WIPO Database «WIPO Lex». URL: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=479970

прав и охраняются авторским правом (§ 2(1) Закона об авторском праве ФРГ). Иные же фотографии, создание которых обусловлено в основном техническими, организационными или коммерческими факторами, получают смежно-правовую охрану [9, с. 183], будучи признанными объектами смежных прав (§ 72 Закона об авторском праве ФРГ).

Таким образом, со временем в силу преодоления определенных сложностей фотоаппарат стал рассматриваться как инструмент, посредством которого создается объект авторских прав – фотографическое произведение (ст. 6 Закона РТ об авторском праве). Очевидно, согласно Закону РТ об авторском праве об охраноспособности фотографических произведений речь пойдет только в том случае, если в их основе лежит творческая деятельность автора-человека.

В настоящее время мы сталкиваемся с аналогичной дилеммой в отношении искусственного интеллекта, однако она усугубляется повышенной сложностью, обусловленной его функциональными возможностями и потенциалом. Вопрос о правовом положении результатов интеллектуальной деятельности, созданных человеком с использованием искусственного интеллекта, остается неразрешенным в законодательстве Республики Таджикистан об интеллектуальных правах и не получил развития в судебной (правоприменительной) практике.

Верховный Суд Российской Федерации, стремясь к правовой ясности в сфере интеллектуальной деятельности, особо подчеркнул в пункте 80 Постановления Пленума от 23 апреля 2019 г. № 10 ключевой аспект, касающийся реализации человеческого творчества при создании результатов интеллектуальной деятельности, что является важным ориентиром для судов: «Творческий характер создания произведения не зависит от того, создано произведение автором собственноручно или с использованием технических средств. Вместе с тем результаты, созданные с помощью технических средств в отсутствие творческого характера деятельности человека, объектами авторского права не являются». Такое пояснение, на наш взгляд, считается очень важным, особенно в настоящее время, когда развитие технических средств, посредством которых можно создать результаты интеллектуальной деятельности, находятся на ином уровне, ибо обладают многофункциональностью, причем иногда для достижения цели (создание объекта) не требуют больших усердий (интеллектуальных) человека. В свете современного технического прогресса, а также для обеспечения единообразия правоприменительной практики и предотвращения произвольного расширительного толкования норм Гражданского кодекса Российской

Федерации (далее – ГК РФ) судьями упомянутое Постановление Пленума Верховного Суда РФ особо подчеркивает значимость творческого участия человека. Оно предписывает судам при определении принадлежности конкретного результата интеллектуальной деятельности к объектам авторских прав руководствоваться принципом, согласно которому таковым признается исключительно результат, возникший в процессе творческого труда. В данном контексте положительной следует признать норму, закрепленную в абзаце (е) части 1 статьи 4 Закона Республики Армения «Об авторском праве и смежных правах» от 15 июня 2006 г., где прямо предусматривается, что не являются объектами авторского права «результаты, полученные с помощью технических средств без творческой деятельности человека»¹.

В отношении поднятого вопроса В. О. Калятин указывает, что правовое регулирование не вызывает затруднений, когда искусственный интеллект выступает исключительно как инструмент (техническое средство) реализации творческой деятельности человека по созданию результата интеллектуальной деятельности. В этом положении искусственный интеллект рассматривается как программа ЭВМ – понятие, которое хорошо известно праву [19, с. 27]. В подтверждение вышесказанного стоит привести точку зрения И. В. Овчинникова, который отмечал, что и до возникновения генеративного искусственного интеллекта «традиционные» компьютерные программы уже были способны генерировать результаты, которые в контексте человеческой деятельности мы бы определили как творческие [34, с. 75].

Тем не менее необходимо признать, что использование человеком искусственного интеллекта в создании результатов интеллектуальной деятельности вызывает множество сложных вопросов, в частности, определение его явного творческого участия, степени использования им такой технологии для обозначенной цели (создание) и т. д. В данном контексте отметим, что если человек при создании результата интеллектуальной деятельности использовал искусственный интеллект лишь как вспомогательный инструмент для рутинных задач (проверка, обработка, корректировка материала) или как отправную точку, которую затем существенно доработал своим творческим вкладом, придав ей свой уникальный замысел и личностный отпечаток, то такой результат считается произведением человека и подлежит авторско-правовой охране. Создатель в этом случае признается автором со всеми соответствующими неимущественными правами по Закону РТ об авторском праве.

¹ Об авторском праве и смежных правах: Закон Республики Армения от 15 июня 2006 г. под ЗР-142. URL: <https://www.arlis.am/hy/acts/173423>.

**Недопустимость снижения уровня творчества
в целях распространения авторско-правовой
охраны на продукты, созданные
с использованием искусственного интеллекта**

В случаях, когда индивид активно вовлечен в процесс создания результатов интеллектуальной деятельности с применением искусственного интеллекта – путем формулирования, модификации текстовых запросов и предоставления инструкций, что является выражением его творческого потенциала, – конечный результат не может быть полностью атрибутирован ему как единоличному создателю. Уровень креативности, демонстрируемый в таком взаимодействии, существенно уступает творческому вкладу человека, который достиг аналогичного результата без посредничества искусственного интеллекта.

В данном контексте речь идет о демаркации умственных способностей человека, а не о самом результате интеллектуальной деятельности как таковой. Человек, не использовавший искусственный интеллект при создании результата интеллектуальной деятельности, полностью контролирует весь этот процесс и самостоятельно, непосредственно доводит замысел до конечного результата. Иначе говоря, все компоненты, детали, а самое главное – итоговый результат создается именно человеком, что нельзя утверждать в отношении случаев, когда человек использует искусственный интеллект для создания результата интеллектуальной деятельности. Несмотря на то что он творчески (причем не явно) участвовал в процессе (задавая текстовые запросы) при создании такого результата, конечный продукт является не его творческим вкладом, а следствием функционирования искусственного интеллекта.

Такая несопоставимость уровня творчества, а также отсутствие непосредственного участия в конечном результате порождает сложность в распространении правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием искусственного интеллекта, в рамках авторского права, следовательно, и закреплении авторства за человеком, создавшим его. С целью подтверждения этих слов можно привести схожую ситуацию: например, лицо, объявлявшее публичный конкурс, формулируя техническое задание, детально описывает содержание, композицию и ключевые элементы будущей картины. Правомерно ли в таком случае считать лицо, чья роль ограничилась лишь концептуальным описанием (как в случае с лицом, вводящим тестовые запросы), но не непосредственным участием в творческом процессе создания произведения, автором? Представляется, что подобная претензия на авторство не имеет оснований.

Важно отметить, что для решения обозначенного вопроса в рамках авторского права снижение требований к уровню творческого характера

произведения не является достаточным. Такой подход для распространения авторско-правовой охраны на продукты, созданные с использованием искусственного интеллекта, на наш взгляд, не представляется продуктивным и справедливым. Ведь это, в первую очередь, затрагивает интересы тех людей, которые реально в процессе создания произведений вкладывают все свои умственные способности и непосредственно доводят замысел до конечного результата. Таких авторов-творцов будет меньше и меньше. Большинство, если не все, выберут легкий путь – прибегнуть к массированному использованию искусственного интеллекта для создания результатов интеллектуальной деятельности, что, несомненно, приведет к переходу от качества к количеству. Свидетельством тому может быть ситуация, связанная с Amazon.com, который был заполнен книгами, написанными/созданными с помощью генеративного искусственного интеллекта ChatGPT. Этот нюанс был предметом детального изучения со стороны Р. Диас Мартинса, который в итоге написал ряд статей: “Amazon is Being Flooded With Books Entirely Written by AI. It’s The Tip Of The Aiceberg”, опубликованную в журнале Futurism (The Byte); “Scammy AI-Generated Book Rewrites Are Flooding Amazon”, опубликованную в журнале Wired. Ученый, раскрывая содержание второй статьи, отметил, что в практике применения искусственного интеллекта наблюдается тенденция переписывания отдельными лицами известных книг в иной текстовой форме. Такие «произведения» он назвал мошенническими. Далее автор указывает, что в сложившейся ситуации проблема заключается не только в неочевидных формах нарушения авторских прав, но и в низком качестве имитаций произведений, созданных с использованием искусственного интеллекта. Примечательно, что, по его мнению, низкое качество подобных продуктов обусловлено не тем, что они сделаны искусственным интеллектом (который на данном этапе развития создает оригинальные результаты интеллектуальной деятельности, о которых будем вести речь ниже), а тем, что отдельные пользователи, действуя недобросовестно, используют сервис для создания и распространения низкокачественных, недоработанных произведений. Цель такого поведения – ввести в заблуждение покупателей, создавая ложное впечатление о приобретаемом продукте [13, с. 145].

Можно также привести другой случай, который получил широкий резонанс в СМИ и в социальных сетях в Российской Федерации, – когда студент Российского государственного гуманитарного университета для написания своей дипломной работы использовал искусственный интеллект ChatGPT. Оригинальность его работы на момент сдачи составляла 82 %. Факт использования ChatGPT при написании дипломной работы был раскрыт самим «автором»-студентом, после защиты. Однако диплом не был аннулирован [5, с. 102].

Случаи использования искусственного интеллекта при написании научных работ в Республике Таджикистан были зафиксированы Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Президенте Республики Таджикистан. Данный факт подтверждается информацией, размещенной 9 октября 2025 г. на ее официальном веб-ресурсе в рубрике «Новости» под заголовком «Искусственный интеллект не всегда достоверен». В ней сообщается, что анализ диссертаций и авторефератов, поданных на проверку оригинальности в ВАК при Президенте Республики Таджикистан, выявил случаи использования искусственного интеллекта при их подготовке. Далее подчеркивается: анализ динамики таких случаев показывает, что в сентябре 2025 года по сравнению с январем 2025 года количество диссертаций и авторефератов, подготовленных таким способом, увеличилось в 6 раз. Также приведена статистика касательно того, в каких областях науки было обнаружено использование искусственного интеллекта при подготовке диссертации и авторефератов: образование – 42, экономика – 28, политология – 10, филология – 6, юриспруденция – 6, техника и технология – 5, история – 3, аграрная сфера – 1, медицина – 1. Учитывая такое обстоятельство, ВАК при Президенте Республики Таджикистан предостерегла соискателей ученых степеней и званий и потребовала воздержаться от использования такого метода написания научной работы¹.

Таким образом, опубликованная информация демонстрирует негативную позицию ВАК при Президенте Республики Таджикистан по отношению к диссертациям, написанным с использованием искусственного интеллекта. Безусловно, данная позиция ВАК при Президенте Республики Таджикистан, на наш взгляд, является вполне обоснованной и корректной, поскольку диссертация, как научное квалификационное исследование, в первую очередь должна быть результатом научной творческой деятельности автора-человека (ученого), где отражается его личный вклад; научные положения, выводы и практические рекомендации, сделанные в ней, должны быть сформулированы автором самостоятельно и непосредственно; они должны отвечать критерию достоверности, новизны и т. д. Кроме того, диссертация выступает доказательством научной квалификации конкретного физического лица.

Продолжая рассуждение о неэффективности ослабления критериев творческой деятельности, следует отметить, что в рамках современной доктрины, с учетом стремительного прогресса искусственного интеллекта, существует точка зрения, согласно которой, несмотря на эти технологические

достижения, сущность творческого процесса остается неизменной [14, с. 22]. В свою очередь, В. О. Калятин подчеркнул неприменимость снижения требований к уровню творчества в странах континентальной правовой системы, к которым, в частности, относятся Российская Федерация и Республика Таджикистан. Ученый обосновывает свою позицию тем, что в текущей правовой системе простое снижение требований к творческой составляющей охраняемых объектов не решит проблему. Необходимо создать и применить новую модель правового регулирования, которая будет учитывать уникальные характеристики функционирования искусственного интеллекта [19, с. 28].

Исходя из вышесказанного, обстоятельство, при котором человек, использовавший искусственный интеллект (часто не как фиксацию действий) для создания результатов интеллектуальной деятельности, независимо от того, насколько он реализовал свое творчество (то есть насколько креативным являются его текстовые запросы (промпты)), и случаи, когда человек при таком использовании не проявил творческих способностей (то есть его текстовые запросы (промпты) были простыми и общими), но в итоге возник уникальный объект, нами рассматриваются как идентичные ситуации, поскольку в обоих случаях конечный продукт является не результатом, созданным творческим трудом человека, а продуктом функционирования искусственного интеллекта. В таком случае, говоря о результатах интеллектуальной деятельности (произведений), созданных с использованием искусственного интеллекта², мы подразумеваем, что конечный продукт создается не человеком, а машиной (искусственным интеллектом).

Здесь для целей правового регулирования ключевым фактором является сама природа продукта: его уникальность или оригинальность. На данном этапе развития техники и технологий создаваемые с помощью искусственного интеллекта результаты интеллектуальной деятельности по уникальности и (или) оригинальности могут не уступать и не отличаться от продуктов человеческого труда и порой могут даже превосходить их в части восприятия аудиторией. К тому же, наряду с оригинальностью, такие результаты обладают и экономической ценностью, что обусловило их участие в гражданском обороте. К примеру, А. И. Балашова приводит ряд показательных примеров из реальной практики, иллюстрирующих данную тенденцию. Среди них особо выделяется продажа на аукционе Christie's в Лондоне картины «Портрет Эдмонда де Белами», созданной нейросетью Generative Adversarial Networks, за внушительную

¹ URL: https://vak.tj/hac_new/index.php/navgoni/malumoti-umumi/2039-tava-u-ze-ni-sun-na-amesha-boe-timod-ast.

² В контексте настоящей статьи понятия «результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта» и «результаты интеллектуальной деятельности, созданные искусственным интеллектом» рассматриваются как равнозначные.

сумму в 432 тыс. долл. США; не менее впечатляющим представляется то, что четыре картины, созданные искусственным интеллектом Botto в форме NFT, были проданы на платформе SuperRare за 1 млн долл. США [3, с. 192]. Безусловно, возникновение таких оригинальных продуктов, созданных искусственным интеллектом, и складывающиеся в связи с этим отношения требуют незамедлительного законодательного регулирования. В данном контексте необходимо обратиться к опыту зарубежных стран.

**Опыт зарубежных стран
в вопросе охраноспособности результатов
интеллектуальной деятельности, созданных
с использованием искусственного интеллекта**

Прежде всего, заметим, что вопросы правовой охраны произведений, созданных машинами, поднимались и обсуждались на международном уровне в рамках деятельности Всемирной организации интеллектуальной собственности. В частности, в 1991 году экспертной группой был разработан проект Протокола к Бернской конвенции, куда были включены предложения по урегулированию вопросов, связанных с правовой охраной произведений, созданных компьютером. В частности, документ предлагал ввести понятие «произведение, созданное компьютером»; исключительные права на него должны были принадлежать тому, кто предпринял шаги для его создания (физическому или юридическому лицу), но без предоставления моральных (личных неимущественных) прав, предусмотренных статьей 6bis Бернской конвенции. Предлагался следующий срок охраны исключительного права: 25 лет для произведений прикладного искусства и 50 лет для остальных произведений, отсчитывая с момента их создания [65, р. 38]. Однако отмеченные идеи так и не получили закрепления в виде международных норм [39, с. 90].

Следует подчеркнуть, что предложения, представленные в проекте Протокола к Бернской конвенции, были сформированы под влиянием подхода, закрепленного в части 3 статьи 9 Закона Великобритании об авторском праве, промышленных образцах и патентах от 1988 года (Закон Великобритании об авторском праве). Согласно этому подходу автором произведения, созданного компьютером, признается лицо, предпринявшее необходимые действия для его создания¹. В основе этого положения лежит концепция «фиктивного авторства», поскольку закон распространяет авторско-правовую охрану на произведения, не имеющие автора-человека, так как их конечный результат не является плодом творческих усилий человека. Примечательно, что статья 79 упомянутого закона не предоставляет такому «фиктивному

автору» права быть идентифицированным как автор, то есть признаваться как автор.

Необходимо также обратить внимание на то, что положения части 3 статьи 9 Закона Великобритании об авторском праве стали предметом бурных дискуссий среди большинства ученых. Так, Д. Вейвер, интерпретируя данное положение, отмечает, что созданная в ней фигура «фиктивного автора» не имеет ничего общего с поощрением творчества человека. Далее он подчеркивает, что в качестве такой фигуры в большей степени выступают юридические лица, нежели человек. В силу этих наблюдений исследователь заключил, что такой подход направлен исключительно на защиту продукта капиталовложения (инвестиции) от недобросовестной конкуренции или незаконного присвоения [70, р. 162]. Схожую по содержанию мысль высказали Т. Бонд и С. Блэр, по мнению которых положение части 3 статьи 9 Закона Великобритании об авторском праве было первой попыткой законодательного решения вопроса охраноспособности произведений, созданных с использованием искусственного интеллекта, в рамках авторского права. Такой шаг, с их точки зрения, был принят для повышения доверия к инвестициям в искусственный интеллект, фактически послужив защитной мерой для этих вложений. Однако, как они далее заключают, часть 3 статьи 9 Закона Великобритании об авторском праве была принята еще в 1980-х годах, когда искусственный интеллект был лишь концепцией, поэтому она нуждается в обновлении, при котором должны быть учтены реалии функционирования искусственного интеллекта [52, р. 423].

Л. Бентли и Б. Шерман высказывают мнение о широкой интерпретации части 3 статьи 9 указанного Закона. По их мнению, понятие «лицо, которое сделало приготовления, необходимые для создания произведения» может охватывать как оператора компьютерной системы, так и того, кто предоставил или разработал программное обеспечение для нее [51, р. 127]. В данном контексте представляется важным замечание М. Кречмера, Б. Мелетти, Л. Х. Порангаба, указывающих, что определение лица, которое сделало приготовления, необходимые для создания произведения, согласно части 3 статьи 9 Закона Великобритании об авторском праве, — не простая задача. За более чем 30 лет положения части 3 статьи 9 отмеченного Закона были применены лишь в одном судебном решении, а именно в деле *Nova Productions v Mazooma Games*, где Апелляционный суд постановил, что таким лицом является автор компьютерной программы, а не пользователь. Однако это решение касалось простой двумерной видеоигры и давало ограниченные рекомендации по вопросу продуктов, созданных с использованием искусственного интеллекта [60, р. 322].

¹ Copyright, Designs and Patents Act 1988 (UK). URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48>

На это судебное дело также обратил внимание и П. Гулд, который отметил, что судья Джейкоб в рамках него постановил, что лицом, которое сделало «приготовления, необходимые для создания произведения», является лицо, внесшее «умение или труд художественного характера». Далее он предположил, что судья Джейкоб интерпретировал «приготовления, необходимые для создания произведения» как синоним «требования к оригинальности», и таким образом придал порогу оригинальности юридическое значение при определении того, кто должен быть правообладателем произведения [58, р. 10]. Проведя тщательный анализ указанной судебной практики и положений части 3 статьи 9 Закона Великобритании об авторском праве, а также учитывая общие принципы авторского права, ученый пришел к выводу о целесообразности отмены части 3 статьи 9 указанного Закона в Великобритании.

Для подкрепления своей точки зрения автор указывает на противоречивость и избыточность части 3 статьи 9 Закона Великобритании об авторском праве применительно к произведениям, у которых нет автора-человека. Он аргументирует это тем, что требование оригинальности (как результат интеллектуального труда автора) для правовой охраны таких произведений, при отсутствии человека-автора, является внутренне противоречивым. Ученый развивает мысль об избыточности данной нормы, подчеркивая, что если произведения, созданные с использованием искусственного интеллекта, признать оригинальными, то они и без применения части 3 статьи 9 Закона Великобритании об авторском праве получат правовую охрану по традиционным принципам авторского права. Единственный выход из дилеммы с частью 3 статьи 9 – принять, что она не подразумевает требования оригинальности. Но тогда мы столкнемся с проблемой: защита будет распространяться на неоригинальные компьютерные произведения [58, pp. 21–22] и т. д.

Рассматривая часть 3 статьи 9 Закона Великобритании об авторском праве и комментарии ученых к нему, можно обнаружить, что разработка такого законодательного положения была обусловлена экономическими соображениями – обеспечением возврата инвестиций. Следует согласиться с Р. Кларком и Ш. Смитом, что закрепленная в части 3 статьи 9 указанного Закона фигура «фиктивный автор» носит предпринимательский характер, а не творческий [55, р. 253]. Полагаем, что концепция «фиктивного авторства» как механизма легитимации применения авторско-правовых норм к продуктам, созданным машинами, не соответствует фундаментальным принципам авторского права. Данная

система ориентирована на охрану творческого труда человека, обеспечение его экономических интересов и стимулирование к созданию новых уникальных продуктов. Защита инвестиций не может служить основанием для модификации системы авторского права и искажения представлений об авторе, в частности, путем признания авторами неизвестных лиц, при этом без наделения их правом на идентификацию как таковых.

Продолжая анализ опыта зарубежных стран, важно констатировать, что вопрос охраноспособности продуктов, созданных с использованием искусственного интеллекта, был предметом рассмотрения суда в китайском городе Шэньчжэнь, который впервые признал авторские права на текст статьи, сгенерированный Tencent Robot Dreamwriter. По определению суда, статья содержит «оригинальные формулировки», а значит, должна рассматриваться как объект авторского права, защищаемый законом [5, с. 102]. Подобный случай признания авторско-правовой охраны за контентом, сгенерированным искусственным интеллектом, был зафиксирован также в Пекинском интернет-суде. Для закрепления своей позиции суд постановил, что на протяжении всего процесса генерации изображения в Stable Diffusion – от концептуализации до окончательного выбора изображения – истец вносил свой интеллектуальный вклад¹.

Иную обстановку можно наблюдать в правовом пространстве Республики Казахстан. Так, 17 ноября 2025 г. был принят Закон Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте»², в части 1 статьи 23 которого предусматривается следующее: «Произведения, созданные с использованием систем искусственного интеллекта, охраняются авторским правом только в случае наличия творческого вклада человека в их создание». Наряду с этим данный закон в качестве объектов авторских прав признает и текстовые запросы, которые загружаются (вводятся) в систему искусственного интеллекта для создания произведения, если такие запросы являются продуктом творческого труда человека (ч. 2 ст. 23).

Из содержания статьи 23 упомянутого Закона следует, что в Республике Казахстан впредь авторско-правовая охрана распространяется на произведения, созданные с использованием искусственного интеллекта. Следует заметить, что такой подход реализован на фоне того, что конечный результат произведения создается системой искусственного интеллекта, а не человеком. Роль последнего в таком процессе (создание) ограничивается лишь введением текстовых запросов (промптов).

¹ Beijing Internet Court Civil Judgment. 2023. Jing. 0491. Min Chu. № 11279. URL: <https://english.bjinternetcourt.gov.cn/pdf/BeijingInternetCourtCivilJudgment112792023.pdf>

² Об искусственном интеллекте: Закон Республики Казахстан от 17 нояб. 2025 г. № 230-VIII ЗРК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000230>

Дискуссионный характер данного подхода уже был нами затронут в рамках анализа законодательства Республики Таджикистан. Тем не менее для обеспечения целостности изложения подчеркнем, что его спорность проистекает из двух ключевых факторов. Во-первых, процесс создания результатов интеллектуальной деятельности с использованием искусственного интеллекта принципиально отличается от самостоятельного творческого акта человека (речь идет о процессе создания). Во-вторых, поскольку конечный продукт создается искусственным интеллектом, а не человеком-пользователем, он лишен индивидуального авторского почерка человека-создателя, что исключает возможность закрепления за человеком-пользователем статуса автора. В данном контексте считаем целесообразным подчеркнуть высказанную в доктрине точку зрения: «Сердцем и сутью охраны прав авторов в системе авторских прав является автор как человек. Автор получает охрану по авторскому праву как личность» [66, pp. 15–16]. Исходя из вышеизложенных аргументов, мы полагаем вполне обоснованным также не рассматривать человека – разработчика искусственного интеллекта в качестве автора, а продукт, созданный с использованием его технологии, – как его творение.

Что касается положения части 2 статьи 23 Закона Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте», распространившего авторско-правовую охрану на текстовые запросы (промпты), которые пользователь вводит в систему искусственного интеллекта для создания текста, изображения, видео и т. д., то отметим, что представленный в нем подход также, на наш взгляд, является спорным. По вопросу текстовых запросов (промптов) мы ранее установили, что их можно классифицировать как «творческие» и стандартные (общие). Оба типа запросов рассматриваются нами на равных основаниях, поскольку ключевым критерием оценки является оригинальность и/или уникальность полученного результата. Следует отметить, что даже простые запросы способны порождать оригинальные произведения, которые могут отвечать интересам общества.

Затрагивая спорность вопроса о признании так называемых творческих текстовых запросов (промптов) объектами авторских прав, прежде всего необходимо подчеркнуть, что уровень творчества в них значительно ниже, чем это требуется для авторско-правовой охраны. Следует заметить, что введение промптов в систему искусственного интеллекта в большинстве случаев осуществляется поэтапно. На каждом этапе они могут быть скорректированы или добавлены, однако такой процесс не отражает высокий уровень творчества человека-пользователя. Кроме того, такая «площадка» (система искусственного интеллекта), ограничивая реализацию умственного потенциала

человека, очерчивает строгие рамки, где промпты, по всей вероятности, могут совпадать и повторяться. В этих случаях актуализируется вопрос о параллельном творчестве [21, с. 75–119], которое, в свою очередь, не имеет специального регулирования в рамках законодательства Республики Таджикистан.

Неурегулированность параллельного творчества и повторных произведений в рамках авторского права Республики Таджикистан считается обоснованным и оправданным, ибо основой авторско-правовой охраны произведений выступает их форма, которая делает их уникальным, и именно поэтому их невозможно создать повторно вследствие параллельного творчества разных лиц [26, с. 10], что нельзя однозначно утверждать в отношении текстовых запросов (промптов).

Кроме того, также заслуживают внимания сформулированные Н. Н. Ковалевой и М. А. Рожковой доводы против отнесения текстового запроса (промпта) к числу объектов авторских прав: «во-первых, формулирование промпта, как правило, имеет цель решения конкретных практических задач; во-вторых, промпт – это только постановка задачи перед искусственным интеллектом; в-третьих, при составлении промпта большей значительностью обладает профессиональный навык, нежели креативность» [23, с. 110–111].

Таким образом, если основной трудностью в вопросе распространения авторско-правовой охраны на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта, является невозможность признания пользователя автором из-за недостаточной степени его творческого вклада и того факта, что конечный продукт не является его непосредственным творением, то возникает закономерный вопрос: может ли сам искусственный интеллект быть признан автором в качестве одного из возможных решений данной проблемы? Рассмотрим его подробнее в следующем разделе статьи.

Вопрос возможности признания искусственного интеллекта автором в целях распространения авторско-правовой охраны на создаваемые им продукты интеллектуального труда

В юридической литературе встречается точка зрения А. Рамальхо, по утверждению которого искусственный интеллект *de facto* является автором созданных продуктов, однако его юридическое признание таковым остается нерешенным [67, р. 20].

К. Р. Дэвис, со своей стороны, занял более радикальную позицию, утверждая, что лишь машина может быть признана автором созданного объекта. Для достижения такого статуса, а следовательно, и закрепления за ним авторских исключительных прав исследователь предлагает юридически оформить его как самостоятельное лицо (субъект права) [56,

р. 614]. Привлекательность идеи о том, что искусственный интеллект может быть автором, очевидна, ведь именно он создает произведение. Однако главное и непреодолимое препятствие заключается в том, что искусственный интеллект не обладает правосубъектностью. Кроме того, его творческие способности являются предметом активных дискуссий среди юристов [8, с. 7–13; 25, с. 12; 31, с. 112].

Итак, признание искусственного интеллекта автором равносильно признанию его субъектом права. Однако вопрос о правосубъектности искусственного интеллекта является весьма спорным в доктрине права. Прежде всего, следует подчеркнуть, что концептуальная основа сторонников, признающих искусственный интеллект в качестве субъекта права, строится на базе его когнитивных способностей (самообучения, способности решать поставленные задачи не по заранее заданному алгоритму и т. д.), которые делают его «похожим» на человека.

В то же время идея о наделении искусственного интеллекта правосубъектностью также получила негативную оценку в доктрине права. Среди них можно выделить точку зрения А. И. Балашовой, которая считает, что на данном этапе развития в силу отсутствия у искусственного интеллекта таких конституирующих признаков субъекта права, как «воля», «волеизъявление» и «интерес», невозможно определить его как самостоятельного субъекта права [2, с. 91].

А. В. Нестеров, анализируя вопрос о правосубъектности робота с элементами искусственного интеллекта, пришел к выводу, что последний не может быть субъектом права, поскольку, так или иначе, сделки совершаются дееспособными субъектами, а роботы только выполняют их поручения [33, с. 7].

Между тем А. Гурко, выступая против правосубъектности искусственного интеллекта, приводит следующие аргументы: во-первых, он не в состоянии осуществлять и распоряжаться правами; во-вторых, право должно защищать интересы людей, а не наделять машины определенным правовым статусом ради решения существующих правовых проблем [12, с. 11].

В. Витко, в свою очередь, считает, что если признать искусственный интеллект автором, то есть субъектом права, в то время когда он, как программа, является объектом гражданских прав, то, несомненно, такое обстоятельство – искусственный интеллект одновременно в статусе субъекта и объекта права – создаст абсурдные «юридические отношения» [7, с. 19].

В Республике Таджикистан исследованием данной проблематики занимался Ф. С. Сулаймонов, который с осторожностью отметил, что признание искусственного интеллекта в качестве субъекта права может обусловить возникновение множества вопросов: каким образом он будет осуществлять или

распоряжаться своими правами? какой объем прав у него будет? каким имуществом он будет отвечать перед своими кредиторами? Кроме того, ученый открыто возразил против одновременного признания искусственного интеллекта в качестве субъекта и объекта права. Он объяснил свою позицию тем, что согласно общепринятым теоретическим воззрениям объект и субъект права обособлены, отделены друг от друга; они не могут рассматриваться в единстве, ибо действие субъекта направлено именно на объект [41].

На наш взгляд, приведенные позиции ученых являются аргументированными и имеют достаточные теоретико-правовые основания. Тем не менее стоит заметить, что состояние искусственного интеллекта, выражающееся в невозможности осуществлять, распоряжаться своими правами, защищать их и т. д. (по крайней мере на данном этапе развития технологии), не является существенным барьером в закреплении права за определенной юридической сущностью. В качестве иллюстрации можно привести доктринально и нормативно (юридически) оформленный институт юридического лица. Ввиду этого некоторые исследователи, поддерживающие концепцию о наделении искусственного интеллекта правосубъектностью, предлагают использовать фиктивный подход юридического лица. Исходя из анализа опыта Великобритании, США и Европейского союза, Э. А. Шахназарова предполагает, что идею юридической фикции, лежащую в основе правового статуса юридического лица, можно успешно применить и к искусственному интеллекту, наделив его правосубъектностью [48, с. 44]. В продолжение этой линии рассуждений А. В. Нестеров задается вопросом: если юридическое лицо – это юридическая фикция, то не стоит ли рассматривать искусственный интеллект как очередную такую фикцию, представляющую собой некую организационную конструкцию с интегрированным искусственным интеллектом [33, с. 7]? Следует подчеркнуть, что введение правосубъектности для юридических лиц было продиктовано стремлением ограничить ответственность в коммерческой деятельности. Именно этот аспект – ограничение ответственности, – как верно указывает В. О. Калятин, мог бы стать ключевым аргументом в пользу предоставления правосубъектности искусственному интеллекту, деятельность которого потенциально способна причинить убытки другим сторонам [19, с. 42–43] и который, как отмечает А. Морриги, сам по себе не может нести ответственность [62, р. 7]. Однако в данной ситуации возникает вопрос о целесообразности признания искусственного интеллекта в качестве самостоятельного субъекта, с учетом уже существующего института юридического лица, изначально предназначенного для ограничения ответственности.

Ввиду этого считаем вполне закономерным поставленный Г. А. Гаджиевым и Е. А. Войниканис вопрос: не признать ли в будущем искусственный интеллект (по мере его совершенствования) особой разновидностью юридических лиц? Ученые также указывают на возможность применения альтернативного подхода, заключающегося в использовании уже разработанной юридической техники уподобления в отношении искусственного интеллекта. В качестве иллюстрации они приводят пункт 2 статьи 124 ГК РФ, где публично-правовые образования приравниваются к юридическим лицам [10, с. 45].

К. С. Мусина развивает идею признания искусственного интеллекта как разновидности юридического лица, предлагая расширить институт юридических лиц для создания новой категории – кибернетических «электронных организмов» [30, с. 141]. Соглашаясь с подходом К. С. Мусиной, И. А. Филипова и В. Д. Коротеев отмечают, что для его оптимальной реализации целесообразнее рассматривать юридическое лицо за пределами традиционного его определения, закрепленного в статье 48 ГК РФ. Другими словами, оно должно пониматься в более широком смысле, когда юридическим лицом признается любая правовая конструкция, не являющаяся физическим лицом [45, с. 373]. Возможность рассматривать искусственный интеллект как отдельный вид юридического лица отмечена и в зарубежной литературе [61, р. 55].

Некоторые исследователи продвигают идею о наделении искусственного интеллекта правосубъектностью, предлагая рассматривать его как «электронное лицо» и предоставлять ему субъективные права.

Термин «электронное лицо» впервые был упомянут в 1967 году в статье для журнала LIFE [61, р. 16; 54]. Позже он был закреплен в Резолюции Европейского Парламента вместе с рекомендациями Комиссии по гражданско-правовому регулированию в сфере робототехники Европейского Парламента от 16 февраля 2017 г. «Нормы гражданского права о робототехнике» (Резолюция Европейского Парламента от 2017 г.)¹. В ней указывается, что в долгосрочной перспективе для наиболее сложных автономных роботов целесообразно предусмотреть специальный правовой статус «электронных лиц» (electronic persons), которые несут ответственность за любой причиненный ими вред и могут иметь определенные права и обязанности, если самостоятельно вступают в правовые отношения с третьими лицами (подп. «f» п. 59).

Стоит заметить, что с момента принятия Резолюции вопрос о правосубъектности искусственного

интеллекта как электронного лица продолжает занимать центральное место в научной повестке, сопровождаясь нарастающей активностью доктринальных дискуссий. В частности, О. А. Ястребов отмечает, что в современных условиях одним из важнейших направлений развития российского права являются именно теоретические исследования проблематики искусственного интеллекта и «электронного лица» [50, с. 325].

Категория «электронное лицо» было рассмотрено А. Н. Артемовой с позиции экономического подхода к анализу права. Она, указывая на конструкцию юридического лица, отмечает, что сущность его правосубъектности заключалась в ограничении ответственности, привлечении капитала, минимизации рисков, поощрении инвестиции, что в результате оказало положительное влияние на экономическое состояние общества. Делая акцент на этих аспектах и используя данную конструкцию в качестве аналога, исследователь дала положительную оценку введению в оборот категории «электронные лица» для автономных систем искусственного интеллекта, обозначив, что такой шаг может быть экономически оправданным и согласуется с вызовами цифровой экономики [1, с. 181].

Н. В. Кузнецова, также проанализировав вопрос о правосубъектности искусственного интеллекта, заключила, что для наиболее эффективного решения в целях формирования правового режима искусственного интеллекта в Российской Федерации целесообразным представляется принятие специального закона об искусственном интеллекте, по сути, схожего с Регламентом ЕС (2024/1689) об искусственном интеллекте². В этот закон необходимо включить отдельные нормы, регламентирующие правосубъектность искусственного интеллекта как особого (электронного) субъекта права с некоторыми изъятиями [24, с. 31]. Важно помнить, что указанный регламент является ориентиром для формирования странами-участницами общей нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность по использованию искусственного интеллекта. В нем отражен рискориентированный подход к искусственному интеллекту, поскольку в рамках правового регулирования последнего регламентом учитываются риски его применения для здоровья граждан, их безопасности и основных прав.

Между тем Е. В. Вавилин, заострив внимание на статусе искусственного интеллекта, приходит к выводу, что последний, будучи на стадии создания объектом интеллектуальных прав разработчиков программного обеспечения, после соответствующей сертификации, государственной регистрации может

¹ European Parliament Resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P8-TA-2017-0051+0+DOC+XML+V0//EN>

² European Parliament and Council of the European Union. (2024, June 13). *Regulation (EU) 2024/1689 on artificial intelligence*. Official Journal of the European Union. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/d79f3e5d-41bc-11f0-b9f2-01aa75ed71a1/language-en/pdf>

быть наделен статусом субъекта права – электронного лица. Далее он подчеркивает, что правоспособность и дееспособность такого лица имеет специальный характер [6, с. 155].

Проблематика правосубъектности «электронного лица» была предметом обстоятельного исследования в научном труде П. М. Морхата, в рамках которого ученый отметил, что концепция электронного лица (в качестве возможного субъекта права) является новой для современной правовой доктрины. Исходя из этого, классифицируя субъектов на индивидуальные (физические лица) и коллективные (организации, государство и т. д.), он задался вопросом о том, впишется ли электронное лицо в обозначенную классификацию [29, с. 293]. Для решения этого вопроса он, с должной степенью детализации проанализировав концепты индивидуального и коллективного субъекта права применительно к электронному лицу [29, с. 302–316], пришел к выводу, что концепт правосубъектности «электронного лица» является гибридным, интегрируя в себе некоторые элементы уже существующих концептов правосубъектности физических, но более всего – юридических лиц, в интерсекциональности этих двух концептов, но всё же обладая при этом самостоятельностью и уникальностью [29, с. 339].

В свою очередь, Е. С. Тютчева, исследовав свойства искусственного интеллекта в корреляции с физическими и юридическими лицами, пришла к умозаключению, что в полной мере использование правосубъектности этих лиц в качестве правового фундамента для формирования надлежащей правосубъектности «электронного лица» считается неправильным [43, с. 50].

В контексте обсуждения электронного лица как независимого субъекта права, наряду с уже существующими физическими и юридическими лицами, А. А. Карцхия также внес свой вклад. Его исследование, хотя и допускает потенциальное появление самостоятельного искусственного интеллекта в статусе электронного лица, акцентирует внимание на необходимости его функционирования в правовом поле под надзором человека-принципала [20, с. 30].

Необходимо заметить, что сущность категории «электронное лицо» на теоретическом уровне недостаточно проработана. Поэтому в правовой доктрине ее дефиниция раскрывается с точки зрения разных подходов. В частности, «электронное лицо» определяется как абстрактная юридическая форма (а не биоэтическая или философская констатация) [29, с. 300]; как носитель искусственного интеллекта (машина, робот, программа), обладающий разумом, аналогичным человеческому [44, с. 359], и т. д.

Таким образом, приведенные выше позиции исследователей главным образом подчеркивают важность решения вопроса о надлежащем правовом регулировании имущественных отношений с

участием искусственного интеллекта. Основательно изучив и проанализировав доводы и аргументы ученых, мы можем подчеркнуть, что попытки наделяния искусственного интеллекта правосубъектностью прежде всего ориентированы на искусственный интеллект, который в состоянии самостоятельно, автономно, без вмешательства человека, осуществлять свою деятельность. По этой причине закономерно, что в доктрине права искусственный интеллект делят на слабый (weak AI) и сильный (strong AI) [53, р. 3; 59, pp. 45–47; 32, с. 532; 37, с. 43–57]. На данном этапе развития технологий речь идет о слабом искусственном интеллекте, который, в отличие от сильного, ограничен в возможностях, в частности абсолютно не автономен, не в состоянии полностью и абсолютно имитировать человеческие способности, мыслить и осознавать себя как минимум на уровне человека, не способен к самоорганизации и т. д. Поэтому в большинстве случаев, когда в юридической литературе возникает спор о наделянии искусственного интеллекта статусом субъекта права, речь идет именно о сильном искусственном интеллекте, который, по мнению некоторых авторов, появится лишь через весьма длительное время [53, р. 3]. В настоящем формирование сильного искусственного интеллекта представляется невозможным, ибо у человечества нет полноценного понимания того, как устроен человеческий мозг и как он работает [32, с. 532].

С учетом сказанного можно утверждать, что сегодня нет достаточных оснований, как научных, так и нормативных (законодательных), говорить об искусственном интеллекте как о субъекте права. Более того, не наблюдается насущной практической необходимости для реализации такого шага. О правосубъектности искусственного интеллекта можно говорить лишь на перспективу, исходя из степени его развития. При этом процесс теоретического осмысления этого вопроса не должен прекращаться. Ведь практика показывает, что появление искусственного интеллекта сильно повлияло, помимо прочего, на развитие науки и техники, а он сам в это время совершенствуется слишком быстро. Поэтому в этом русле нужно усердно развивать правовую доктрину, рассматривать самые разные вариации появления сильного искусственного интеллекта и последствия признания его как субъекта права. К примеру, благодаря теоретическому и иному правовому осмыслению учеными-исследователями на данный момент мы имеем некоторые гипотезы в виде юридической конструкции (юридического лица и электронного лица) для оформления искусственного интеллекта как субъекта права. Указанные гипотезы и предположения должны постоянно изучаться, анализироваться и оцениваться, чтобы в этом вопросе найти точку соприкосновения.

Касательно указанных юридических конструкций для оформления искусственного интеллекта как субъекта права, соответственно, как «автора» произведения, выскажем некоторые свои соображения. Не стоит забывать, что вопрос придания искусственному интеллекту статуса субъекта права поднимается в основном в связи с его возможностями имитировать когнитивные способности человека. Если основой придания искусственному интеллекту статуса субъекта права является этот фактор (способность), то в чем смысл признания его в качестве юридического лица или, как указано выше, особого вида юридического лица, когда такое лицо (юридическое), так или иначе, полностью контролируется человеком, то есть ключевым фактором в его деятельности выступает способность человека? Если попытки применения конструкции юридического лица к искусственному интеллекту осуществляются исключительно в целях возложения ответственности на него, то в таком случае данный подход, на наш взгляд, фундаментально является неверным. Ведь суть признания юридического лица как субъекта строится на ограничении ответственности физического лица-человека, который при этом стоит за ней, и все действия юридического лица зависят от него; он тем или иным способом реализует его действия. Сказанное нельзя применить к искусственному интеллекту (сильному), поскольку его автономность, самостоятельность и признанность субъектом права по форме (наподобие) юридического лица повлекут за собой независимость его «воли» от человеческой, а также непредсказуемость его действий, что может привести к различным негативным последствиям. В таком контексте речь идет не столько об ограничении ответственности, сколько о полном ее снятии с разработчиков или иных правообладателей.

Категория «электронное лицо», предполагающая юридическое оформление искусственного интеллекта в качестве субъекта права, по нашему мнению, в некоторой степени заслуживает положительной оценки. Ее появление в научном обороте обусловлено необходимостью теоретического осмысления и юридической артикуляции нового явления для определения его пригодности и общественной полезности. В этих целях в рамках настоящей статьи были представлены различные исследовательские позиции и выводы, касающиеся применимости концепции электронного лица для наделения искусственного интеллекта правосубъектностью и его экономической целесообразности. Наряду с этим было констатировано, что на доктринальном уровне осуществляется научно-теоретический анализ свойств физических и юридических лиц в сопоставлении со свойствами электронного лица с целью формирования правосубъектности последнего на основе правосубъектности указанных лиц.

Дискуссия о будущем признании сильного искусственного интеллекта субъектом права, выраженным в форме «электронного лица», берет свое начало в Резолюции Европейского Парламента 2017 года. Этот документ, несмотря на свою значимость, столкнулся с критикой. В частности, Ж. Лебретон выступил против положений, касающихся наделения искусственного интеллекта статусом субъекта, основываясь на следующих аргументах: во-первых, он предвидел потенциальное снятие ответственности с производителей и пользователей искусственного интеллекта, что могло бы быть выгодно влиятельным лоббистским группам; во-вторых, он акцентировал внимание на уникальности человеческой личности, обладающей духовным измерением, которое принципиально отличает ее от любого искусственного интеллекта [10, с. 37].

Кроме того, указанное положение Резолюции, будучи на стадии проекта, стало предметом специального исследования Н. Натали, которое, в свою очередь, было инициировано Комитетом по правовым делам Европарламента в целях юридической и этической оценки и анализа некоторых будущих норм европейского гражданского права в области робототехники. Н. Натали в рамках своей работы умозаключила, что «было бы неправильным и неуместным не только признавать существование электронного субъекта, но даже создать такую юридическую личность. Это приведет не только к риску наделения правами и обязанностями того, что является простым инструментом, но и нарушит границы между человеком и машиной, сделает размытыми грань между живым и неживым, человеком и нечеловеческим <...> присвоение статуса личности неживой, бессознательной сущности является ошибкой, поскольку, в конечном итоге, человечество, скорее всего, будет низведено до уровня машины. Роботы должны служить человечеству и не должны играть никакой другой роли, кроме как в сфере научной фантастики» [63, pp. 15–16].

Принимая во внимание высказывания автора, следует констатировать их неоспоримую обоснованность как с юридической, так и с этической позиции. В связи с этим в процессе изучения правосубъектности потенциального сильного искусственного интеллекта, представленного в виде электронного лица, исследователям надлежит акцентировать внимание на данных положениях.

Таким образом, с учетом текущего уровня развития искусственного интеллекта мы придерживаемся принципиальной позиции, что недопустимо наделение искусственного интеллекта правосубъектностью. Искусственный интеллект по своей характеристике выступает объектом, а не субъектом права. С точки зрения объекта права он рассматривается как сложный результат интеллектуальной деятельности человека, в связи с чем является объектом интеллектуальных прав, а именно авторских прав. Поэтому, на наш взгляд, положение

пункта 9 Стратегии развития искусственного интеллекта в Республике Таджикистан на период до 2040 года, где искусственный интеллект рассматривается как объект, а не субъект права, является вполне обоснованным и правильным.

Определившись с тем, что искусственный интеллект не может быть субъектом права, вернемся к вышеуказанному вопросу: можно ли в целях распространения авторско-правовой охраны на результаты интеллектуальной деятельности, созданных посредством искусственного интеллекта, признать последнего автором? Исходя из того, что искусственный интеллект на данном этапе развития не может выступать как субъект права, ответ в этом случае очевиден: если он не является субъектом права, то невозможно рассмотреть его как автора и закрепить за ним авторство.

Заглядывая в будущее, представим, что появится сильный искусственный интеллект и возникнет вопрос о его правосубъектности. Если в итоге искусственный интеллект будет наделен статусом субъекта права, сможет ли он считаться автором произведений? Следует отметить, что правосубъектность искусственного интеллекта, скорее всего, будет основана на юридической фикции, подобно юридическим лицам, что определит его как «негуманоидного субъекта». Однако действующий Закон Республики Таджикистан об авторском праве (ст. 3) устанавливает, что автором произведения может быть исключительно физическое лицо (человек). Следовательно, Закон не признает других субъектов – юридическое лицо, государство в качестве автора произведения. Таким образом, в рамках текущего законодательства искусственный интеллект не может быть признан автором. Признание искусственного интеллекта субъектом права не влечет за собой автоматического признания его автором, поскольку авторство традиционно ассоциируется с гуманоидным субъектом. Мы полагаем, что данная позиция законодателя является обоснованной и целесообразной, поскольку она акцентирует внимание на личностном характере творческого процесса. В связи с этим мы выступаем против любых попыток реформирования концепции авторского права с целью признания негуманоидного субъекта автором. Анализ доктринальных источников демонстрирует, что подобное изменение может привести к серьезным дестабилизирующим последствиям, таким как подрыв существующих правовых систем и возникновение правовой неопределенности в различных юрисдикциях [29, с. 170–171].

Исходя из проведенного выше анализа, можем заключить, что идея о распространении авторско-правовой охраны на результаты интеллектуальной деятельности (произведений), созданных посредством искусственного интеллекта, представляется весьма дискуссионной и недостаточно обоснованной.

Режим смежных прав как оптимальный вариант для результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием искусственного интеллекта

Обеспечение правовой охраны таких продуктов необязательно должно осуществляться именно в рамках авторского права, как это верно подчеркивается в юридической литературе [69, pp. 299–307]. Это также не означает, что для них следует конструировать новый правовой режим. Здесь следует согласиться с точкой зрения Е. А. Суханова, которая, по нашему мнению, представляется уместной и отличается методологической эффективностью. Так, исследователь отмечает, что формирование новых правовых режимов целесообразно только в том случае, если юридическая природа новых объектов и явлений не позволяет включить их в сложившийся правопорядок [42, с. 37–52]. Иными словами, в первую очередь необходимо исходить из существующих правовых режимов, чтобы адаптировать правовое регулирование указанных результатов в рамках них.

Для достижения поставленных целей в отношении результатов, созданных с использованием искусственного интеллекта, наиболее подходящим правовым режимом представляется действующий режим смежных прав. В отличие от авторского права, смежные права не требуют наличия творческого вклада человека¹, а лишь опосредованно связаны с соответствующими сферами. К тому же данный институт интеллектуальных прав, как верно отмечает А. Г. Матвеев, «благодаря его емкому и нейтральному по содержанию названию является сегодня наиболее удобной в интеллектуальном праве платформой для пролиферации исключительных прав» [28, с. 59]. Соглашаясь с рассуждениями автора, добавим, что за последние несколько лет в законодательстве множества государств круг смежных прав значительно расширился. В частности, в Российской Федерации в качестве смежных прав начали рассматривать права на инвестиционные базы данных (нетворческие база данных); в ЕС – право изготовителей кинофильмов (право на видеозаписи); права на произведения, впервые опубликованные после того, как они перешли в общественное достояние и др.; в Австрии – право на фотографии, не охраняемые авторским правом и др.; в Италии – право на трансляцию спортивных мероприятий и т. д. [28, с. 55]. Кроме того, акцент на распространение режима смежных прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданных искусственным интеллектом, в 2018 году был сделан Высшим советом по литературной и художественной собственности Франции, который исходил из неприменимости положений авторского права к таким результатам [17].

¹ Правда, за исключением исполнения, которое может обладать творческой и индивидуальной спецификой.

Итак, определяя режим смежных прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные искусственным интеллектом (конечный результат создается не человеком, а машиной), необходимо осуществить доработку и внести ясность в некоторые аспекты.

Одним из главных таких аспектов является вопрос определения субъекта смежных прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта. Прежде всего, для решения этого вопроса надо исходить из цели предоставления подобным объектам правовой охраны. Таковой является стимулирование деятельности по созданию этих продуктов. Например, законодательное обеспечение авторов исключительными (имущественными) правами на созданные ими произведения способствовало их стимулированию к созданию новых произведений. Не секрет, что в нынешних условиях стремление любого человека направлено на повышение и укрепление своего экономического благосостояния. Поэтому необходимо поощрять то лицо (наделив его исключительным правом), от которого зависело бы развитие и создание новых продуктов интеллектуального труда.

Заслуживает внимания глубокое исследование, проведенное В. О. Калятиным в контексте определения субъекта права на продукты интеллектуального труда, созданные с использованием искусственного интеллекта. В рамках анализа участников процесса создания таких объектов исследователь предложил рассматривать в качестве вероятных субъектов права следующих лиц: «лицо, разработавшее программу, лежащую в основе искусственного интеллекта; лицо, организовавшее функционирование искусственного интеллекта и создание тематики результатов интеллектуальной деятельности (и разновидность такого субъекта-инвестора); пользователь искусственного интеллекта; сам искусственный интеллект. Кроме того, возможны промежуточные модели: соавторство искусственного интеллекта и человека; фиктивное авторство» [19, с. 37].

Все приведенные варианты, как отмечает сам ученый, не пользуются однозначной поддержкой, имеют свои как положительные, так и отрицательные стороны. Поэтому, исходя из нашей позиции (непризнание правосубъектности искусственного интеллекта и определение режима смежных прав для результатов интеллектуальной деятельности, созданных искусственным интеллектом), хотели бы исключить искусственный интеллект и промежуточные модели (о которых говорил В. О. Калятин) из вариантов определения субъекта права на такие результаты, поскольку указанные промежуточные модели представляют собой попытку распространения авторско-правовой охраны на продукты интеллектуального труда, созданные с использованием искусственного интеллекта.

Что касается лица, разработавшего программное обеспечение, лежащее в основе искусственного интеллекта (разработчика), отметим, что в доктрине высказываются аргументы в пользу наделяния его исключительным правом. Среди ученых, разделяющих эту точку зрения, можно отметить В. Н. Синельникову, О. В. Ревинского [40, с. 18–22], Ю. Гульбина [11, с. 39], И. В. Савельеву [36, с. 19], А. П. Сергееву [38, с. 138], С. Руперес, Э. Гутьеррес, С. Пуэнте, Х. А. Оливарс [68, pp. 294–295] и др.

Однако однозначное определение разработчика в качестве субъекта предлагаемого нами смежного права представляется очень спорным. Это обусловлено тем, что он является автором самого искусственного интеллекта, внесшим в его создание творческий вклад, определившим методы его функционирования. При этом он не вносит вклад в продукты, создаваемые искусственным интеллектом. Иначе говоря, он создает объект, которым могут пользоваться другие лица как инструментом для создания новых результатов интеллектуальной деятельности. Следовательно, необходимо стимулировать не разработчика, а лицо, которое посредством такого объекта создает новые продукты для общества. Что же касается стимулирования разработчика, то оно связано с его деятельностью – развитием и созданием новых искусственных интеллектов. В этой сфере интересы разработчика в достаточной мере обеспечены авторским правом. Поэтому наделяние разработчика еще и исключительными смежными правами на продукты, созданные его программой, было бы уже сверхстимулированием, не оправданным с точки зрения общественного интереса. В частности, это может привести к монополизации рынка, поскольку исключительные права на все создаваемые искусственным интеллектом продукты принадлежали бы лишь ограниченному числу ведущих разработчиков на рынке вместо огромного числа конкурирующих лиц.

Кроме того, в доктрине, в контексте справедливости, поднимается вопрос о том, целесообразно ли наделять разработчика исключительным правом. В частности, Е. П. Сесицкий отмечает, что если искусственный интеллект в процессе самообучения модифицируется, приобретает новые, дополнительные способности, которые не были непосредственно заложены разработчиком на этапе программирования, то в таком случае возникает закономерный вопрос о правовой оправданности закрепления исключительного права за разработчиком, который, по всей видимости, не имеет отношения к новым, дополнительным способностям искусственного интеллекта [39, с. 147].

Принимая во внимание значительные трудозатраты разработчиков, создавших и постоянно оптимизирующих высокоэффективный «легкий» инструмент (который с каждым днем модернизируется и становится еще «легче») – искусственный

интеллект для создания результатов интеллектуальной деятельности, а также их вклад в развитие данной технологической сферы, в целях обеспечения их законных интересов целесообразно предоставить им право требования на указание наименования разработанных ими технологий в продуктах интеллектуального труда, созданных с использованием последних. Данная мера будет способствовать рыночному продвижению их искусственного интеллекта, повышению их узнаваемости, обеспечению конкурентных преимуществ и расширению пользовательской аудитории, что окажет положительное влияние на их экономическое состояние. Часто «право требования на указание наименования» не может обеспечить перечисленных преимуществ, если их (разработчиков) искусственный интеллект не будет функционировать на качественно высоком уровне, не будет обновляться с учетом вызовов реальности. Поэтому для экономического благосостояния разработчика наделяемое им право должно сопровождаться их творческими, новаторскими усердиями, чтобы их искусственный интеллект не отставал от подобных технологий на рынке.

Переходя к рассмотрению лица, организовавшего функционирование искусственного интеллекта (лицо, организовавшее применение (использование) искусственного интеллекта [18, с. 3] (лицо-организатор)), в качестве субъекта предлагаемого нами смежного права, заметим, что о закреплении за таким лицом прав на продукты, созданные искусственным интеллектом, как о важном нововведении говорится в Докладе Высшей школы экономики 2021 года. В частности, в нем отмечается, что достоинством этого подхода является «стимулирование процесса создания новых результатов интеллектуальной деятельности и обеспечение владельцу искусственного интеллекта возможности эффективно осуществлять его коммерческую эксплуатацию. Именно эта фигура является той точкой, воздействуя на которую можно стимулировать, возможно, эффективное применение искусственного интеллекта. От этого лица зависит, какие результаты и с какими характеристиками будут созданы» [15, с. 21]. Действительно, такой подход нам представляется очень продуктивным. Однако необходимо прояснить некоторые ключевые моменты. К примеру, по этому поводу В. О. Калятин отмечает, что при таком подходе права на созданные продукты будут возникать непосредственно у лица-организатора, а не у физического лица-оператора, которое осуществляет работу с применением искусственного интеллекта. При этом исследователь указывает, что по мере развития искусственного интеллекта оператор всего лишь будет выполнять технические функции. Он сравнивает эту ситуацию с предусмотренным в законе случаем, когда права возникают непосредственно у организатора определенной деятельности – изготовителя базы данных

или фонограммы, при этом операторы, занимающиеся введением данных в систему, даже не упоминаются [19, с. 39].

Сказанное В. О. Калятиным, как правило, отражает случаи, когда лицо своими усилиями собирает персонал, обеспечивает им доступ к технологиям искусственного интеллекта, формирует и ставит перед ними конкретные задачи по созданию результатов интеллектуальной деятельности с использованием такой технологии, оплачивает им выполненный труд. Здесь речь идет именно о лице, которое организует процесс, но сам фактически не выполняет какие-либо работы. В данном случае возникает вопрос: если лицо-пользователь, которое без руководства кого-либо (то есть лица-организатора), самостоятельно своими усердиями с помощью искусственного интеллекта создает результат интеллектуальной деятельности, то в таком случае он не наделяется правом, остается без правового обеспечения? Следует признать, что на рынке доля продуктов, созданных такими лицами с использованием искусственного интеллекта, большая. Они, как и лица-организаторы, вносят свой вклад и всячески предпринимают усилия для создания новых соответствующих продуктов, и потому также нуждаются в стимулировании. Исходя из сказанного, мы предлагаем расширить круг лиц, организовавших применение искусственного интеллекта, лицом-пользователем, которое без руководства кого-либо, самостоятельно с применением искусственного интеллекта создает новые результаты интеллектуальной деятельности. Однако следует подчеркнуть, что такое расширенное понимание – «лицо, организовавшее использование искусственного интеллекта» – допускается только тогда, когда лица-организатора нет в процессе создания. А в случае его участия лицо-пользователь будет выступать как привлеченный (наемный работник) для выполнения порученных лицом-организатором работ (поставленных задач), которые будут оплачиваться последним. Соответственно, исключительные смежные права на продукты, созданные с применением искусственного интеллекта, будут принадлежать лицу-организатору.

Другим важным моментом считается определение срока действия исключительного смежного права лица-организатора. Здесь прежде всего необходимо понимать, что смежные права по объему и сроку действия ограничены в сопоставлении с авторскими правами. Исходя из этого, а также природы создаваемых продуктов, срок действия исключительного смежного права лица-организатора должен быть значительно ограниченным. Такой подход прежде всего обоснован в целях обеспечения интересов авторов, которые самостоятельно, творчески и через трудоемкую работу создают результаты интеллектуальной деятельности. Как известно, для продуктов, создаваемых искусственным интеллектом, не

требуется больших усилий, времени и расходов. В складывающейся ситуации, если (в отличие от исключительного авторского права) существенно не редуцировать срок исключительного смежного права на такие продукты, лица, безусловно, не видя принципиальной разницы в правовом стимулировании, выберут легкий путь – будут всячески прибегать к искусственному интеллекту для создания продуктов интеллектуального труда, что нанесет колоссальный ущерб творческому потенциалу общества и культурному наследию. Ограничение срока исключительного смежного права на продукты, созданные искусственным интеллектом, можно также объяснить тем, что такие продукты в обществе быстро теряют свою экономическую ценность – из-за их массовости, отсутствия «отпечатков» личности человека и т. д. Поэтому правообладателю достаточно и короткого времени, в пределах которого он мог бы удовлетворить свои имущественные интересы, то есть возратить инвестицию.

В отношении срока действия исключительного права на продукты, созданные искусственным интеллектом, в юридической литературе высказаны разные мнения. В частности, Р. М. Рахматулина, рассматривая результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта, как объекты авторских прав, отмечает, что срок действия исключительного права на них должен составлять 25 лет с момента их создания [35, с. 18]. Как уже упоминалось нами ранее, эксперты, участвовавшие в разработке Протокола к Бернской конвенции, предложили установить срок действия исключительного права на произведения искусства, аналогичный озвученному Р. М. Рахматулиной, а для других категорий произведений ими был предложен срок в 50 лет с момента их создания. Следует отметить, что столь продолжительные сроки были обоснованы с точки зрения авторского права, которое, как мы ранее подчеркивали, характеризуется более широким объемом прав и более длительным сроком их действия по сравнению со смежными правами.

Между тем авторы упомянутого ранее Доклада Высшей школы экономики в качестве срока действия исключительного права лица-организатора предлагают временные рамки от 25 до 50 лет [15, с. 27–28]. Кроме того, в правовой литературе можно заметить высказывание о годовом сроке действия исключительного права на продукты, созданные с помощью искусственного интеллекта [47, с. 134].

В рамках данного исследования мы намерены использовать в качестве ориентира срок действия исключительного смежного права издателей прессы на онлайн-использование их публикаций¹,

с внесением соответствующих корректировок. Процесс законодательного закрепления данного срока в Директиве об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке представляет собой предмет особого интереса. Первоначальная версия проекта Директивы предусматривала срок в 12 лет, однако в ходе дальнейших консультаций он был пересмотрен: сначала сокращен до 1 года, затем увеличен до 5 лет и в настоящее время составляет 2 года [28, с. 60]. Указанные изменения подтверждают, что данный вопрос тщательно изучался. Принимая во внимание природу объектов, отметим, что установленный период действия исключительного права на них выглядит вполне логичным. В отношении результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием искусственного интеллекта, мы считаем целесообразным установить пятилетний срок, по истечении которого они перейдут в общественное достояние. Такой временной промежуток, как нам представляется, сбалансирует интересы всех сторон: правообладателей, создателей технологий, авторов, занимающихся творческим трудом, и общества в целом.

Заключение

Проведенный анализ позволяет заключить, что появление технологии искусственного интеллекта генеративного типа сильно отразилось на развитии различных общественных отношений, особенно в сфере интеллектуальных прав. С применением такой технологии создается множество результатов интеллектуальной деятельности (и их число увеличивается немислимо) – музыкальные произведения, кинофильмы, фотографии и проч., что обусловило незамедлительное законодательное регулирование в этой сфере. Однако сложностью на этом пути является быстрая и трудно поддающаяся прогнозированию динамика развития самого искусственного интеллекта, который обновляется и модернизируется так, что порождает всё больше неопределенности. В этих же условиях сложные задачи возникают и перед правовой доктриной, которая, тем не менее, своевременно реагирует на все эти процессы. В научной среде появляется очень много различных позиций, которые могут быть полезны законодателю для выработки норм, регламентирующих отношения, связанные с созданием продуктов интеллектуального труда с применением искусственного интеллекта.

В сложившейся ситуации считаем принятие Постановления Правительства «Стратегия развития искусственного интеллекта в Республике Таджикистан на период до 2040 года» от 30 сентября 2022 г. № 483 своевременным шагом.

¹ Право издателей прессы на онлайн-использование их публикаций со вступлением в силу Директивы (ЕС) 2019/790 (от 17 апр. 2019 г.) призналось как новое смежное право. В Республике Таджикистан на текущий момент такое право не имеет законодательного закрепления.

Проанализировав природу искусственного интеллекта, уровень его развития на текущий момент, осмыслив различные точки зрения исследователей, считаем нецелесообразным наделение искусственного интеллекта правосубъектностью в целях интеллектуального права. Поэтому представляется вполне обоснованным и правильным подход, заложенный в Стратегии, согласно которому искусственный интеллект рассматривается как объект, а не субъект права. Искусственный интеллект как сложный результат интеллектуальной деятельности является программой для ЭВМ, что делает его объектом авторских прав.

Мы полагаем, что в отношении концепции сильного искусственного интеллекта, как она представлена в доктрине, отечественной правовой науке следует уделить особое внимание обозначенной проблематике. Крайне важно провести глубокий анализ потенциальных последствий – как благоприятных, так и неблагоприятных – ситуации, если сильный искусственный интеллект будет наделен правосубъектностью. Это может быть реализовано через создание специализированной формы юридического лица или введение понятия «электронное лицо», а также других инновационных правовых конструкций.

Для реализации положений пункта 47 Стратегии, где указывается необходимость принятия мер по разработке и совершенствованию нормативных правовых актов, затрагивающих интеллектуальные права, предлагаем для результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием искусственного интеллекта, определить режим смежных прав. В статусе первоначального правообладателя (субъекта) такого исключительного смежного права предлагается признать лицо, организовавшее создание результата интеллектуальной деятельности с использованием искусственного интеллекта. Предлагаем ограничить срок действия исключительного смежного права этого лица пятью годами с момента создания.

В целях поощрения усердия разработчика (разработчиков) искусственного интеллекта и защиты его (их) интересов в создании новых технологий предлагается предоставить ему (им) право требования на указание наименования разработанных им (ими) технологий в продуктах интеллектуального труда, созданных с их использованием.

Целесообразно внести разъяснения относительно применения норм авторского права к результатам интеллектуальной деятельности, при создании которых был задействован искусственный интеллект. В случаях, когда искусственный интеллект использовался человеком исключительно для выполнения вспомогательных функций, таких как проверка, обработка, изменение или иная корректировка материала, или когда человек, взаимодействуя с искусственным интеллектом,

создал результат интеллектуальной деятельности и затем существенно (на концептуальном уровне) доработал его своим творческим трудом, внося собственную идею и обеспечив ее индивидуальность, такой результат подпадает под действие авторско-правовой охраны. Лицо, осуществившее указанный творческий вклад, признается автором и наделяется личными неимущественными правами, предусмотренными Законом РТ об авторском праве.

В контексте текстовых запросов (промттов) мы не дифференцируем их по признаку «творческой» или простоты, поскольку ключевым аспектом для нас является оценка конечного продукта на предмет его оригинальности и/или уникальности. Примечательно, что даже простые запросы способны создавать оригинальные произведения, потенциально обладающие общественной значимостью. Однако вопрос об их (промттов) охраноспособности в рамках авторского права представляется нам дискуссионным. Полагаем, что уровень творческого вклада в текстовые запросы, как правило, не соответствует требованиям, предъявляемым для авторско-правовой защиты. Более того, мы солидарны с доводами, изложенными в доктрине, которые оспаривают отнесение текстовых запросов к объектам авторских прав, ссылаясь на следующие причины: 1) их формулирование преимущественно направлено на решение конкретных практических задач; 2) промт является лишь инструментом постановки задачи перед искусственным интеллектом; 3) при его составлении доминирующую роль играют профессиональные навыки, а не креативность.

Библиографический список

1. *Артемова А. Н.* Правосубъектность искусственного интеллекта с позиции экономического анализа права // *Respublica Literaria*. 2025. Т. 6, № 4. С. 176–183. DOI 10.47850/RL.2025.6.4
2. *Балашова А. И.* Искусственный интеллект в авторском и патентном праве: объекты, субъектный состав правоотношений, сроки правовой охраны // *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. 2022. № 2(36). С. 90–98.
3. *Балашова А. И.* Правовой режим результатов деятельности искусственного интеллекта: единство и дифференциация подходов // *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. 2023. № 3(41). С. 190–206. DOI 10.58741/23134852_2023_3_20.
4. *Болотова Л. С.* Системы искусственного интеллекта: модели и технологии, основанные на знаниях: учебник. М.: Финансы и статистика. 2012. 664 с.
5. *Борисова Л. В.* О понятии искусственного интеллекта и правовом режиме произведений, созданных им без творческого участия человека // *Актуальные проблемы российского права*. 2024. Т. 19, № 8. С. 100–113. DOI 10.17803/1994-1471.2024.165.8.100–113

6. Вавилин Е. В. Статус искусственного интеллекта: от объекта к субъекту правовых отношений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 45. С. 147–158. DOI 10.17223/22253513/45/10
7. Витко В. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2019. № 2. С. 5–20.
8. Витко В. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2019. № 3. С. 5–22.
9. Вольфсон В. Л. Творчество или уникальность? Фотографические произведения в фокусе охраноспособности // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. № 2(44). С. 172–195. DOI 10.58741/23134852_2024_2_10.
10. Гаджиев Г. А., Войничанис Е. А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики)? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48. DOI 10.17323/2072-8166.2018.4.24.48.
11. Гульбин Ю. Актуальные проблемы правовой охраны программного обеспечения ЭВМ // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2002. № 10. С. 38–41.
12. Гурко А. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 12. С. 7–18.
13. Диас Мартинс Р. Авторство без автора: правовые аспекты произведений, созданных ИИ // Труды по интеллектуальной собственности. 2024. Т. 51, № 4. С. 143–152. DOI 10.17323/tis.2024.23978
14. Диллон Т. К дискуссии – необходимо ли менять подходы к пониманию творческой деятельности, учитывая стремительное развитие технологий и генеративных искусственного интеллекта – систем? // Евразийский журнал права интеллектуальной собственности. 2025. № 2. С. 22–23.
15. Доклад НИУ ВШЭ «Проблема машинного творчества в системе права: регулирование создания и использования результатов интеллектуальной деятельности с применением искусственного интеллекта, зарубежный опыт и российские перспективы» / рук. авт. колл. В. О. Калятин. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 28 с.
16. Евдокимов Р. А. Правовое регулирование охраны компьютерных программ: теоретические и практические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 213 с.
17. Ерохина Е. Авторские права на произведения, созданные искусственным интеллектом // Закон.ру. URL: https://zakon.ru/blog/2024/5/25/avtorskie_prava_na_proizvedeniya_sozdannye_iskusstvennym_intellektom
18. Калятин В. О. Законодательство об интеллектуальной собственности: от прошлого к будущему // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. № 3 (45). С. 1–4. DOI 10.58741/23134852_2024_3_1
19. Калятин В. О. Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта и его влияние на развитие гражданского законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15, № 4. С. 24–50. DOI 10.17323/2072-8166.2022.4.24.50
20. Карцхия А. А. Искусственный интеллект: «ларец Пандоры» или новая надежда? // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 4. С. 23–30.
21. Кашанин А. В. Творческий характер как условие охраноспособности произведения в российском и иностранном авторском праве // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 75–119.
22. Кирсанова Е. Е. Обзор основных теорий определения правового режима объектов, созданных искусственным интеллектом // Закон. 2023. № 9. С. 36–46. DOI 10.37239/0869-4400-2023-20-9-36-46
23. Ковалева Н. Н., Рожкова М. А. Является ли промпт объектом авторского права: аргументы «за» и «против» // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025 Т. 55, № 4. С. 107–115. DOI 10.17323/tis.2025.28904
24. Кузнецова Н. В. К вопросу о правосубъектности искусственного интеллекта // Право и бизнес. 2025. № 2. С. 25–32. DOI 10.18572/2712-8865-2025-2-25-32
25. Куликова Е. В. Влияние новых технологий на развитие авторского права и смежных прав: договоры, законодательство, практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 31 с.
26. Луткова О. Проблема охраноспособности произведений с незначительным уровнем творчества и повторных произведений в авторском праве зарубежных государств и РФ // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2016. № 8. С. 5–16.
27. Матвеев А. Г., Синельникова В. Н. Объекты интеллектуальной собственности, получающие охрану в XXI веке // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 44. С. 281–309. DOI 10.17072/1995-4190-2019-44-281-309
28. Матвеев А. Г. Идея смежных прав и их разновидности // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2019. № 24. С. 54–60.
29. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 420 с.
30. Мусина К. С. Идентификация правосубъектности искусственного интеллекта: кросс-национальный анализ законодательств зарубежных стран // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2023. Т. 27, № 1. С. 135–147. DOI 10.22363/2313-2337-2023-27-1-135-147

31. *Насиров Х. Т.* Нематериальные блага как объект гражданских правоотношений по законодательству Республики Таджикистан // Академический юридический журнал. 2021. № 4. С. 111–113.
32. *Наумов В. Б., Тютюк Е. В.* К вопросу о правовом статусе «творчества» искусственного интеллекта // Правоведение. 2018. Т. 62, № 3. С. 531–540. DOI 10.21638/11701/spbu25.2018.307
33. *Нестеров А. В.* Возможны ли правоотношения и юридические взаимодействия между людьми и роботами? // Юридический мир. 2017. № 8. С. 57–60.
34. *Овчинников И. В.* Генеративный искусственный интеллект и авторское право // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. № 1 (47). С. 74–82. DOI 10.58741/23134852_2025_1_1
35. *Рахматулина Р. М.* Концептуальные основы построения системы объектов авторского права: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. 376 с.
36. *Савельева И. В.* Правовая охрана программного обеспечения ЭВМ // Право и информатика: сб. ст. / под ред. Е. А. Суханова. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 9–24.
37. *Самарцева Н. В.* Определение понятия искусственного интеллекта на современном этапе развития технологии // Проблемы права. 2025. Т. 2(98). С. 43–57. DOI 10.24412/2075-7913-2025-2(98)-43-57
38. *Сергеев А. П.* Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2004. 752 с.
39. *Сесицкий Е. П.* Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 218 с.
40. *Синельникова В. Н., Ревинский О. В.* Права на результаты искусственного интеллекта // Копирайт. 2017. № 4. С. 17–27.
41. *Сулаймонов Ф. С.* Гражданско-правовые вопросы использования искусственного интеллекта в Республике Таджикистан // Концептуальные основы правового регулирования цифровой экономики в странах СНГ: кол. монография // под ред. З. И. Исмиловой, Д. А. Сидикова Душанбе: РТСУ, 2025. 700 с.
42. *Суханов Е. А.* О гражданско-правовых проблемах цифровизации // Вестник гражданского процесса. 2025. № 1. С. 37–52.
43. *Тютчева Е. С.* Правосубъектность «электронного лица»: теоретический анализ // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 2 (12). С. 50–58. DOI 10.22394/2686-7834-2022-2-50-58
44. *Ужов Ф. В.* Искусственный интеллект как субъект права // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 357–360.
45. *Филипова, И. А., Коротеев, В. Д.* Будущее искусственного интеллекта: объект или субъект права? // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 1 (2). С. 359–386.
46. *Харитонов Ю. С., Савина В. С.* Технология искусственного интеллекта и право: вызовы современности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 49. С. 524–549. DOI 10.17072/1995-4190-2020-49-524-549
47. *Чернышов М. С.* Проблема распределения интеллектуальных прав на произведения, сгенерированные искусственным интеллектом // Труды по интеллектуальной собственности (Works in Intellectual Property). 2024. Т. 49, № 2. С. 124–137. DOI 10.17323/tis.2024.21721
48. *Шахназарова Э. А.* Правовое регулирование отношений, возникающих по поводу объектов интеллектуальной собственности, созданных технологией искусственного интеллекта, на примере опыта Великобритании, США и ЕС // Журнал суда по интеллектуальным правам. 2021. № 2 (32). С. 34–45.
49. *Шебанова Н. А.* К вопросу об охраноспособности фотографических произведений // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. № 1 (43). С. 62–69. DOI 10.58741/23134852_2024_1_5
50. *Ястребов О. А.* Искусственный интеллект в правовом пространстве // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22, № 3. С. 315–328. DOI 10.22363/2313-2337-2018-22-3-315-328
51. *Bently L., Sherman B.* Intellectual Property Law. 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 2014. 1296 p.
52. *Bond T., Blair S.* Artificial Intelligence & Copyright: Section 9(3) or Authorship Without an Author // Journal of Intellectual Property Law & Practice. 2019. Vol. 14, Issue 6. Pp. 423. DOI 10.1093/JIPLP/JPZ056
53. *Castro, D. New J.* The Promise of Artificial Intelligence / Center for Data Innovation. Washington, DC, 2016. 46 p.
54. 1967 – “Shakey” – Charles Rosen, Nils Nilsson, Bertram Raphael et al (American). 2010. URL: <http://cyberneticzoo.com/cyberneticanimals/1967-shakey-charles-rosen-nils-nilsson-bertram-raphael-et-al-american>
55. *Clark R., Smyth S.* Intellectual Property Law in Ireland. Dublin: Butterworths, 1997. 837 p.
56. *Davies C. R.* An Evolutionary Step in Intellectual Property Rights – Artificial Intelligence and Intellectual Property // Computer Law and Security Review. 2011. Vol. 27. Issue 6. Pp. 601–619.
57. *Ginsburg J. C.* People Not Machines: Authorship and What It Means in the Berne Convention // IIC; International Review of Industrial Property and Copyright Law. 2018. Issue 2 (49). Pp. 131–135. DOI 10.1007/s40319-018-0670-x
58. *Goold P.* The Curious Case of Computer-Generated Works under the Copyright, Designs and Patents Act 1988 (City Law School Research Paper 2021/03). London, UK: The City Law School, 2021. 22 p.
59. *Kaur J.* Intellectual Property Law in Times of Artificial Intelligence: is It a Misnomer to Consider the Bot a Possible IP Right Holder? // Journal of Legal Studies and Research. 2016, December. Vol. 2. Issue. 6. Pp. 45–47.

60. Kretschmer M., Meletti B., Porangaba L. H. Artificial Intelligence and Intellectual Property: Copyright and Patents – a Response by the CREATE Centre to the UK Intellectual Property Office's Open Consultation // *Journal of Intellectual Property Law & Practice*. 2022. Vol. 17. Issue. 3, Pp. 321–326.

61. Maia Alexandre F. The Legal Status of Artificially Intelligent Robots: Personhood, Taxation and Control: Master of Laws Thesis; Tilburg University. Tilburg, 2017. 68 p.

62. Moriggi A. The role of intellectual property in the intelligence explosion // 4iP Council Research Award Winner 2017 (Second Place). 13 p.

63. Nevejans N. European Civil Law Rules in Robotics. Study. European Parliament's Legal Affairs Committee. 2016. 29 p.

64. Prange D., Lawson A. Re-Evaluating Companies' AI Protection Strategies // *Managing IP Magazine*. February 2018. Pp. 35–38.

65. Preparatory Document for and Report of the First Session of the Committee of Experts on a Possible Protocol to the Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works (Geneva, November 4 to 8, 1991) // Copyright. Monthly Review of the World Intellectual Property Organization (WIPO). 1992. Issue 2. Pp. 30–53.

66. Rahmatian A. Originality in UK Copyright Law: The Old «Skill and Labour» Doctrine Under Pressure // *International Review of Intellectual Property and Competition Law*. 2013. Vol. 44. Issue 1. Pp. 4–34. DOI 10.1007/S40319-012-0003-4

67. Ramalho A. Will Robots Rule the (Artistic) World? A Proposed Model for the Legal Status of Creations by Artificial Intelligence Systems // *Journal of Internet Law*. 2017. Vol. 21. Issue 1. Pp. 12–25. DOI 10.2139/ssrn.2987757

68. Ruipérez C. et al. New Challenges of Copyright Authorship in AI / C. Ruipérez, E. Gutiérrez, C. Puente, J. A. Olivas // *Proceedings of the 2017 International Conference on Artificial Intelligence*. Las Vegas, 2017. Pp. 291–296.

69. Tianxiang He. AI Originality Revisited: Can We Prompt Copyright over AI-Generated Pictures? // *GRUR International*. 2024. Vol. 73. Issue 4. Pp. 299–307. DOI 10.1093/grurint/ikae024

70. Vaver D. Translation and Copyright: A Canadian Focus // *European Intellectual Property Review*. 1994. Vol. 16. Issue 4. Pp. 159–166.

References

1. Artemova A. N. The Legal Personality of Artificial Intelligence from the Perspective of the Economic Analysis of Law. *Respublica Literaria*. 2025. Vol. 6. Issue 4. Pp. 176–183. DOI 10.47850/RL.2025.6.4 (In Russ.)

2. Balashova A. I. Iskusstvennyi intellekt v avtorskom i patentnom prave: obiekty, subiektnyi sostav pravootnoshenii, sroki pravovoi okhrany [Artificial intelligence in Copyright and Patent Law: Objects,

Parties to Legal Relations, Terms of Legal Protection]. *Zhurnal Suda po intellektualnym pravam*. 2022. Issue 2 (36). Pp. 90–98. (In Russ.)

3. Balashova A. I. The Legal Regime of Artificial Intelligence Activity Results: Unity and Differentiation of Approaches. *Zhurnal Suda po intellektualnym pravam*. 2023. Issue 3 (41). Pp. 190–206. DOI 10.58741/23134852_2023_3_20 (In Russ.)

4. Bolotova L. S. *Sistemy iskusstvennogo intellekta: modeli i tekhnologii, osnovannye na znaniyakh* [Artificial Intelligence Systems: Knowledge-Based Models and Technologies]. Moscow, 2012. 664 p. (In Russ.)

5. Borisova L. V. On the Concept of Artificial Intelligence and the Legal Regime of AI-Generated Results Without the Creative Participation of an Individual. *Actual Problems of Russian Law*. 2024. Vol. 19. Issue 8. Pp. 100–113. DOI 10.17803/1994-1471.2024.165.8.100-113 (In Russ.)

6. Vavilin E. V. The Status of Artificial Intelligence: From Object to the Subject of Legal Relations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 2022. Issue 45. Pp. 147–158. DOI 10.17223/22253513/45/10 (In Russ.)

7. Vitko V. Analiz nauchnykh predstavlenii ob avtore i pravakh na rezultaty deiatelnosti iskusstvennogo intellekta [Analysis of Scientific Views Regarding Authorship and Rights to the Results of AI Activity]. *Intellektualnaia sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava – Intellectual Property. Copyright and Related Rights*. 2019. Issue 2. Pp. 5–20. (In Russ.)

8. Vitko V. Analiz nauchnykh predstavlenii ob avtore i pravakh na rezultaty deiatelnosti iskusstvennogo intellekta [Analysis of Scientific Views Regarding Authorship and Rights to the Results of AI Activity (continued)]. *Intellektualnaia sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava – Intellectual Property. Copyright and Related Rights*. 2019. Issue 3. Pp. 5–22. (In Russ.)

9. Volfson V. L. Tvorchestvo ili unikalnost? Fotograficheskie proizvedeniia v fokuse okhranosposobnosti [Creativity or Uniqueness: Photographic Works in the Focus of Protectability]. *Zhurnal Suda po intellektualnym pravam*. 2024. Issue 2 (44). Pp. 172–195. DOI 10.58741/23134852_2024_2_10 (In Russ.)

10. Gadzhiev G. A., Voinikanis E. A. Could Robot Be a Legal Subject (in search of legal forms for digital economy regulation). *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2018. Issue 4. Pp. 24–48. DOI 10.17323/2072-8166.2018.4.24.48 (In Russ.)

11. Gulbin Iu. Aktualnye problemy pravovoi okhrany programmnogo obespecheniia EVM [Topical problems in the legal protection of computer software] *Intellektualnaia sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava – Intellectual property. Copyright and Related Rights*. 2002. Issue 10. Pp. 38–41. (In Russ.)

12. Gurko A. Iskusstvennyi intellekt i avtorskoe pravo: vzgliad v budushchee [Artificial Intelligence and

Copyright: A Look into the Future]. *Intellektualnaia sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava* – Intellectual property. Copyright and Related Rights. 2017. Issue 12. Pp. 7–18. (In Russ.)

13. Dias Martins R. Authorship Without an Author: Legal Aspects of Works Created By AI. *Works on Intellectual Property*. 2024. Vol. 51. Issue 4. Pp. 143–152. (In Russ.)

14. Dillon T. K diskussii – neobkhodimo li meniat podkhody k ponimaniyu tvorcheskoi deiatelnosti, uchityvaia strimitelnoe razvitie tekhnologii i generativnykh iskusstvennogo intellekta – sistem? [For Discussion: Is It Necessary to Revise Approaches to Understanding Creative Activity, Given the Rapid Development of Technologies and Generative AI Systems?]. *Evraziyskiy jurnal prava intellektualnoy sobstvennosti* – Eurasian Journal of Intellectual Property Law. 2025. Issue 2. Pp. 22–23 (In Russ.)

15. HSE University Report “The problem of Machine Creativity in the System of Law: Regulation of the Creation and Use of Intellectual Property Objects Using Artificial Intelligence, Foreign Experience and Russian Prospects”. Moscow, 2021. 28 p. (In Russ.)

16. Evdokimov R. A. *Pravovoe regulirovanie okhrany kompiuternykh programm: teoreticheskie i prakticheskie problem* [Legal Regulation of the Protection of Computer Programs: Theoretical and Practical Issues]. Cand. jurid. sci. diss. Moscow. 2015. 213 p. (In Russ.)

17. Erokhina E. Copyright to Works Created by Artificial Intelligence. *Zakon.ru* [website]. Available at: https://zakon.ru/blog/2024/5/25/avtorskie_prava_na_proizvedeniya_sozdannye_iskusstvennym_intellektom (In Russ.)

18. Kalyatin V. O. Zakonodatelstvo ob intellektualnoi sobstvennosti: ot proshlogo k budushchemu [Legislation on Intellectual Property: From the Past to the Future]. *Zhurnal Suda po intellektualnym pravam*. 2024. Issue 3 (45). Pp. 1–4. DOI 10.58741/23134852_2024_3_1 (In Russ.)

19. Kalyatin V. O. Opredelenie subieekta prav na rezultaty intellektualnoi deiatelnosti, sozdannye s ispolzovaniem iskusstvennogo intellekta i ego vliianie na razvitie grazhdanskogo zakonodatelstva [Establishing of Subject of Rights to Intellectual Property Created With Use of Artificial Intelligence]. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2022. Vol. 15. Issue 4. Pp. 24–50. DOI 10.17323/2072-8166.2022.4.24.50 (In Russ.)

20. Kartskhiia A. A. Iskustvennyi intellekt: “Iarets Pandory” ili novaia nadezhda? [Artificial Intelligence: “Pandora's Box” or a New Hope?]. *Intellektualnaia sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava* – Intellectual property. Copyright and Related Rights. 2017. Issue 4. Pp. 23–30. (In Russ.)

21. Kashanin A. V. Tvorcheskii kharakter kak uslovie okhranosposobnosti proizvedeniia v rossiiskom i inostrannom avtorskom prave [Creative Character As a Condition for the Protectability of a Work in Russian and Foreign Copyright Law]. *Vestnik grazhdanskogo prava*. 2007. Issue 2. Pp. 75–119. (In Russ.)

22. Kirsanova E. E. Review of the Main Theories of Determining the Legal Regime of Objects Created By Artificial Intelligence. *Zakon*. 2023. Issue 9. Pp. 36–46. DOI 10.37239/0869-4400-2023-20-9-36-46 (In Russ.)

23. Kovaleva N. N., Rozhkova M. A. Whether Prompt is an Object of Copyright: Pros and Cons. *Works on Intellectual Property*. 2025 Vol. 55. Issue 4. Pp. 107–115. DOI 10.17323/tis.2025.28904 (In Russ.)

24. Kuznetsova N. V. K voprosu o pravosubieektnosti iskusstvennogo intellekta [On the Legal Personality of Artificial Intelligence]. *Law and Business*. 2025. Issue 2. Pp. 25–32. DOI 10.18572/2712-8865-2025-2-25-32 (In Russ.)

25. Kulikova E. V. *Vliianie novykh tekhnologii na razvitie avtorskogo prava i smezhnykh prav: dogovory, zakonodatelstvo, praktika* [The Impact of New Technologies on the Development of Copyright and Related Rights: Agreements, Legislation, Practice]. Abstr. Cand. jurid. sci. diss. Moscow. 2001. 31 p. (In Russ.)

26. Lutkova O. Problema okhranosposobnosti proizvedenii s neznachitelnyim urovnem tvorchestva i povtornykh proizvedenii v avtorskom prave zarubezhnykh gosudarstv i RF [The Problem of the Protectability of Works With an Insignificant Level of Creativity and Derivative Works in the Copyright Law of Foreign Countries and the Russian Federation]. *Intellektualnaia sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava* – Intellectual property. Copyright and Related Rights. 2016. Issue 8. Pp. 5–16. (In Russ.)

27. Matveev A. G., Sinelnikova V. N. Intellectual Property Objects Acquiring Protection in the 21st Century. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2019. Issue. 44. Pp. 281–309. DOI 10.17072/1995-4190-2019-44-281-309 (In Russ.)

28. Matveev A. G. Ideia smezhnykh prav i ikh raznovidnosti [The Idea of Related Rights and Their Varieties]. *Zhurnal Suda po intellektualnym pravam*. 2019. Issue 24. Pp. 54–60. (In Russ.)

29. Morkhat P. M. *Pravosubieektnost iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektualnoi sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problem* [Legal Personality of Artificial Intelligence in Intellectual Property Law: Civil Law Problems]. Dr. jurid. sci. diss. Moscow, 2018. 420 p. (In Russ.)

30. Musina K. S. Identifikatsiia pravosubieektnosti iskusstvennogo intellekta: krossnatsionalnyi analiz zakonodatelstv zarubezhnykh stran [Theoretical Aspects of Identifying Legal Personality of Artificial Intelligence: Cross-National Analysis of the Laws of Foreign Countries]. *RUDN Journal of Law*. 2023. Vol. 27. Issue 1. Pp. 135–147. DOI 10.22363/2313-2337-2023-27-1-135-147 (In Russ.)

31. Nasirov Kh. T. Nematerialnye blaga kak ob’ekt grazhdanskikh pravootnoshenij po zakonodatelstvu Respubliki Tadjikistan [Intangible Assets As an Object of Civil Legal Relations Under the Legislation of the Republic of Tajikistan]. *Akademicheskiiy yuridicheskiiy jurnal* – Academic Law Journal. 2021. Issue. 4. Pp. 111–113. (In Russ.)

32. Naumov V. B., Tytiuk E. V. On the Legal Status of the "Art" of the Artificial Intelligence. *Pravovedenie*. 2018. Vol. 62. Issue 3. Pp. 531–540. DOI 10.21638/11701/spbu25.2018.307 (In Russ.)
33. Nesterov A. V. *Vozmozhny li pravootnosheniia i iuridicheskie vzaimodeistviia mezhdru liudmi i robotami?* [Are Legal Relationships and Interactions Between People and Robots Possible?]. Moscow, 2016. 14 p. (In Russ.)
34. Ovchinnikov I. V. Generativnyi iskusstvennyi intellekt i avtorskoe parvo [Generative Artificial Intelligence and Copyright Law]. *Zhurnal Suda po intellektualnym pravam*. 2025. Issue 1 (47). Pp. 74–82. DOI 10.58741/23134852_2025_1_1 (In Russ.)
35. Rakhmatulina R. M. *Kontseptualnye osnovy postroeniia sistemy obiektov avtorskogo prava* [Conceptual foundations for constructing a system of copyright objects]. Dr. jurid. sci. diss. Moscow, 2020. 376 p. (In Russ.)
36. Saveleva I. V. *Pravovaia okhrana programmno-go obespecheniia EVM. Sbornik statey «Pravo i informatika»* [Legal Protection of Computer Software. A Collection of Articles "Law and Computer Science"]. Moscow, 1990. Pp. 9–24. (In Russ.)
37. Samartseva N. V. *Opredelenie poniatiia iskusstvennogo intellekta na sovremennom etape razvitiia tekhnologii* [Definition of the Concept of Artificial Intelligence at the Present Stage of Technology Development]. *Issues of Law*. 2025. Vol. 2 (98). Pp. 43–57. DOI 10.24412/2075-7913-2025-2(98)-43-57 (In Russ.)
38. Sergeev A. P. *Pravo intellektualnoi sobstvennosti v Rossiiskoi Federatsii* [Intellectual Property Law in the Russian Federation]. Moscow, 2005. 752 p. (In Russ.)
39. Sesitskiy E. P. *Problemy pravovoi okhrany rezultatov, sozdavaemykh sistemami iskusstvennogo intellekta* [Problems of legal protection of results created by artificial intelligence systems]: Cand. jurid. sci. diss. Moscow, 2018. 218 p. (In Russ.)
40. Sinelnikova V. N., Revinskiy O. V. Prava na rezultaty iskusstvennogo intellekta [Rights to the Results of Artificial Intelligence]. *Copyright*. 2017. Issue 4. Pp. 17–27. (In Russ.)
41. Sulaimonov F. S. *Grazhdansko-pravovye voprosy ispolzovaniia iskusstvennogo intellekta v Respublike Tadjikistan*. Kontseptualnye osnovyi pravovogo regulirovaniya tsifrovoy ekonomiki v stranah SNG [Civil and Legal Issues of the Use of Artificial Intelligence in the Republic of Tajikistan. Conceptual Foundations of Legal Regulation of the Digital Economy in the CIS Countries]. Dushanbe, 2025. 700 p. (In Russ.)
42. Sukhanov E. A. O grazhdansko-pravovykh problemakh tsifrovizatsii [On Civil Law Issues of Digitalization]. *Herald of Civil Procedure*. 2025. Issue 1. Pp. 37–52. (In Russ.)
43. Tiutcheva E. S. Legal Personality of an "Electronic Person": Theoretical Analysis. *Theoretical and Applied Law*. 2022. Issue 2(12). Pp. 50–58. DOI 10.22394/2686-7834-2022-2-50-58 (In Russ.)
44. Uzhov F. V. *Iskusstvennyi intellekt kak subiekt prava* [Legal Personality of Artificial Intelligence]. *Probely v rossiiskom zakonodatelstve – Gaps in Russian legislation*. 2017. Issue 3. Pp. 357–360. (In Russ.)
45. Filipova, I. A., Koroteev, V.D. Future of the Artificial Intelligence: Object of Law or Legal Personality?. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2023. Issue 1(2). Pp. 359–386. (In Russ.)
46. Kharitonova Y. S., Savina V. S. Artificial Intelligence Technology and Law: Challenges of Our Time. *Vestnik Permskogo universiteta. Iuridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2020. Issue 49. Pp. 524–549. DOI 10.17072/1995-4190-2020-49-524-549. (In Russ.)
47. Chernyshov M. S. Problema raspredeleniia intellektualnykh prav na proizvedeniia, sgenerirovannye iskusstvennym intellektom [The Problem of Distribution of Intellectual Rights on Artificial Intelligence Generated Works]. *Works in intellectual Property*. 2024. Vol. 49. Issue 2. Pp. 124–137. DOI 10.17323/tis.2024.21721 (In Russ.)
48. Shakhnazarova E. A. Pravovoe regulirovanie otnoshenii, vznikaiushchikh po povodu obiektov intellektualnoi sobstvennosti, sozdannykh tekhnologii iskusstvennogo intellekta, na primere opyta Velikobritanii, SShA i ES [Legal Regulation of Relations Arising Regarding Intellectual Property Objects Created By Artificial Intelligence Technology, Based on the Experience of the UK, the USA and the EU]. *Zhurnal suda po intellektualnym pravam*. 2021. Issue 2 (32). Pp. 34–45. (In Russ.)
49. Shebanova N. A. K voprosu ob okhranosposobnosti fotograficheskikh proizvedenii [On the Protectability of Photographic Works]. *Zhurnal Suda po intellektualnym pravam*. 2024. Issue 1 (43). Pp. 62–69. DOI 10.58741/23134852_2024_1_5 (In Russ.)
50. Yastrebov O. A. Artificial Intelligence in the Legal Space. *RUDN Journal of Law*. 2018. Vol. 22. Issue 3. Pp. 315–328. DOI 10.22363/2313-2337-2018-22-3-315-328 (In Russ.)
51. Bently L., Sherman B. *Intellectual Property Law*. 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 2014. 1296 p. (In Eng.)
52. Bond T., Blair S. Artificial Intelligence & Copyright: Section 9(3) or Authorship Without an Author. *Journal of Intellectual Property Law & Practice*. 2019. Vol. 14. Issue. 6. Pp. 423. DOI 10.1093/JIPLP/IPZ056 (In Eng.)
53. Castro, D. New J. *The Promise of Artificial Intelligence*. Center for Data Innovation. Washington, DC, 2016. 46 p. (In Eng.)
54. 1967 – "Shakey" – Charles Rosen, Nils Nilsson, Bertram Raphael et al (American). 2010. Available at: <http://cyberneticzoo.com/cybernetic-animals/1967-shakey-charles-rosen-nils-nilsson-bertram-raphael-et-al-american> (In Eng.)
55. Clark R., Smyth S. *Intellectual Property Law in Ireland*. Dublin: Butterworths, 1997. 837 p. (In Eng.)

56. Davies C. R. An Evolutionary Step in Intellectual Property Rights – Artificial Intelligence and Intellectual Property. *Computer Law and Security Review*. 2011. Vol. 27. Issue 6. Pp. 601–619. (In Eng.)

57. Ginsburg J. C. People Not Machines: Authorship and What It Means in the Berne Convention. *IIC – International Review of Industrial Property and Copyright Law*. 2018. Issue 2 (49). Pp. 131–135. DOI 10.1007/s40319-018-0670-x (In Eng.)

58. Goold P. *The Curious Case of Computer-Generated Works Under the Copyright, Designs and Patents Act 1988* (City Law School Research Paper 2021/03). London, UK: The City Law School, 2021. 22 p. (In Eng.)

59. Kaur J. Intellectual Property Law in Times of Artificial Intelligence: Is It a Misnomer to Consider the Bot a Possible IP Right Holder? *Journal of Legal Studies and Research*. 2016, December. Vol. 2. Issue. 6. Pp. 45–47. (In Eng.)

60. Kretschmer M., Meletti B., Porangaba L. H. Artificial intelligence and intellectual property: copyright and patents – a response by the CREATE Centre to the UK Intellectual Property Office's open consultation. *Journal of Intellectual Property Law & Practice*. 2022. Vol. 17. Issue. 3. Pp. 321–326. (In Eng.)

61. Maia Alexandre F. The Legal Status of Artificially Intelligent Robots: Personhood, Taxation and Control: Master of Laws Thesis; Tilburg University. Tilburg, 2017. 68 p. (In Eng.)

62. Moriggi A. The Role of Intellectual Property in the Intelligence Explosion (4iP Council Research Award Winner 2017, Second Place). 13 p. Available at: https://www.4ipcouncil.com/application/files/9615/1638/1031/The_Role_of_Intellectual_Property_in_the_Intelligence_Explosion.pdf (In Eng.)

Информация об авторе:

Д. А. Сидиков

Кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры гражданского права

Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе,
ул. Мирзо Турсун-заде, 30

ORCID: 0009-0007-3954-3159

ResearcherID: RCH-3541-2026

63. Nevejans N. *European Civil Law Rules in Robotics*. Study. European Parliament's Legal Affairs Committee. 2016. 29 p. (In Eng.)

64. Prange D., Lawson A. Re-Evaluating Companies' AI Protection Strategies. *Managing IP Magazine*. 2018. February. Pp. 35–38. (In Eng.)

65. Preparatory Document for and Report of the First Session of the Committee of Experts on a Possible Protocol to the Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works (Geneva, November 4–8, 1991). Copyright. *Monthly Review of the World Intellectual Property Organization (WIPO)*. 1992. Issue 2. Pp. 30–53. (In Eng.)

66. Rahmatian A. Originality in UK Copyright Law: The Old "Skill and Labour" Doctrine Under Pressure. *International Review of Intellectual Property and Competition Law*. 2013. Vol. 44. Issue 1. Pp. 4–34. DOI 10.1007/s40319-012-0003-4 (In Eng.)

67. Ramalho A. Will Robots Rule the (Artistic) World? A Proposed Model for the Legal Status of Creations by Artificial Intelligence Systems. *Journal of Internet Law*. 2017. Vol. 21. Issue 1. Pp. 12–25. DOI 10.2139/ssrn.2987757 (In Eng.)

68. Ruipérez C., Gutiérrez E., Puente C., Olivas J. A. New Challenges of Copyright Authorship in AI. *Proceedings of the 2017 International Conference on Artificial Intelligence*. Las Vegas, 2017. Pp. 291–296. (In Eng.)

69. Tianxiang He. AI Originality Revisited: Can We Prompt Copyright Over AI-Generated Pictures? *GRUR International*. 2024. Vol. 73. Issue 4. Pp. 299–307. DOI 10.1093/grurint/ikae024 (In Eng.)

70. Vaver D. Translation and Copyright: A Canadian Focus. *European Intellectual Property Review*. 1994. Vol. 16. Issue 4. Pp. 159–166. (In Eng.)

About the author:

D. A. Sidiqov

Russian-Tajik (Slavonic) University
30, Mirzo Tursun-zade st., Dushanbe, 734025,
Tajikistan

ORCID: 0009-0007-3954-3159

ResearcherID: RCH-3541-2026

IV. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Информация для цитирования:

Козубенко Ю. В. Миграционная политика в образовании как средство противодействия вербовке в экстремистские образования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2026. Вып. 3(73). С. 511–524. DOI 10.17072/1995-4190-2026-73-511-524. EDN BMUPLR

Kozubenko Yu. V. Migration Policy in Education as a Means of Countering Recruitment into Extremist Organizations. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2026. Issue 3(73). Pp. 511–524. DOI 10.17072/1995-4190-2026-73-511-524. EDN BMUPLR (In Russ.)

УДК 343.123.5

DOI 10.17072/1995-4190-2026-73-511-524

EDN <https://elibrary.ru/bmuplr>

EDN BMUPLR

Миграционная политика в образовании как средство противодействия вербовке в экстремистские образования

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00881, <https://rscf.ru/project/25-18-00881/>

Ю. В. Козубенко

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

E-mail: yuri.kozubenko@usla.ru**Статья поступила в редакцию 15.01.2026**

Введение: научный анализ стратегических задач новой концепции государственной миграционной политики выявил определенную проблему их реализации в сфере высшего образования. По результатам изучения трех последовательно сменявших друг друга с 2014 года Стратегий противодействия экстремизму в Российской Федерации описаны современные проблемы реализации основных направлений государственной политики в сфере противодействия экстремизму в области государственной миграционной политики в образовательных организациях высшего образования. **Цель:** предложить оптимальное определение стратегических задач миграционной политики в сфере образования как способ противодействия экстремистским проявлениям. **Методы:** методологической базой исследования послужили положения концепции государственного проектного управления и стратегического планирования. В качестве основных методов использовались структурно-логический и сравнительный анализ. **Результаты:** исследованы проблемы реализации государственной политики в сфере образования, описаны способы вербовки в экстремистские образования, дана характеристика «связанных» преступлений и раскрыты особенности придания различных процессуальных статусов субъектам экстремистской деятельности. Предложено ввести запрет на одновременное рассмотрение в рамках одного уголовного дела основного и «связанного» преступления, а также установить процессуальную последовательность: уголовное дело в отношении взрослых соучастников, в том числе с обвинением по статье 150 Уголовного кодекса РФ (УК РФ), рассматривается позднее уголовного дела в отношении несовершеннолетнего, вовлеченного в совершение преступления экстремистской направленности или организацию незаконной миграции субъектов экстремистской деятельности.

© Козубенко Ю. В., 2026



Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Выводы: предложенный алгоритм позволит решить вопрос о возможности прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон по части 1 статьи 150 УК РФ, а также исключит вопрос неправомерности приговора по основному делу о преступлении экстремистской направленности в случае оправдания взрослого по статье 150 УК РФ.

Ключевые слова: экстремизм; государственная миграционная политика; реестр контролируемых лиц; законная и незаконная миграция; связанные преступления; противодействие экстремистским проявлениям; вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений экстремистской направленности

Migration Policy in Education as a Means of Countering Recruitment into Extremist Organizations

The study was funded under a grant from the Russian Science Foundation, project No. 25-18-00881, <https://rscf.ru/project/25-18-00881>

Yu. V. Kozubenko

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

E-mail: yuri.kozubenko@usla.ru

Received 15 Jan 2026

Introduction: a scientific analysis of the strategic objectives outlined in the new state migration policy concept has revealed certain problems in their implementation in the field of higher education. Based on an analysis of three successive strategies for countering extremism adopted in the Russian Federation since 2014, the article describes the current challenges in implementing the main areas of state policy regarding the countering of extremism within the context of state migration policy in educational institutions of higher education. **Purpose:** to outline the strategic objectives of migration policy in the field of education as a means of countering extremist activities. **Methods:** the study is based on the principles of state project management and strategic planning. Structural-logical and comparative analyses were used as the main methods. **Results:** Issues in the implementation of state policy in the education sector have been studied; methods of recruitment into extremist groups are described; the phenomenon of related crimes is presented; the assignment of different procedural statuses to individuals involved in extremist activities is explained. It is proposed to ban the simultaneous consideration of the main (substantive) crime and a related crime within a single criminal case and to establish a procedural sequence: the criminal case against adult accomplices – including those charged under Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation – should be heard only after criminal proceedings against a minor involved in the commission of an extremist crime or in the organization of illegal migration for individuals engaged in extremist activities. **Conclusions:** the proposed algorithm would make it possible to resolve the issue of the possibility of terminating a criminal case due to the reconciliation of the parties under Part 1 of Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation, and also would eliminate the issue of the invalidity of the verdict in the main (substantive) case concerning an extremist crime should the adult defendant be acquitted under Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: extremism; state migration policy; register of controlled persons; legal and illegal migration; related crimes; countering extremist activities; involvement of minors in extremist crimes

Введение

В Российской Федерации на уровне национальных стратегий экстремизм признается одной из наиболее сложных проблем современного российского общества. Способствует этому и обострение внутренних угроз распространения экстремистских проявлений, к числу которых относятся склонение, вербовка или иное вовлечение российских граждан и находящихся на территории страны иностранных граждан в деятельность экстремистских сообществ. Данные проявления

не могут не затрагивать деятельность образовательных организаций высшего образования ввиду того, что с начала проведения специальной военной операции ситуация только обострилась – основной целевой аудиторией субъектов экстремистской деятельности стали преимущественно две группы населения: 1) лица пожилого возраста и 2) молодежь, в том числе обучающиеся учебных заведений. При этом вторая группа, по утверждению специалистов-криминологов, составляет до 75 % всех завербованных в состав экстремистских и террористических сообществ [10, с. 206].

Обе эти группы не только легче (в том числе ввиду возможной «мобилизации» молодежи) поддаются идеологическому и психологическому воздействию и манипулированию, но и при определенных обстоятельствах (возраст уголовной ответственности, уменьшенная или ограниченная вменяемость) не всегда подлежат уголовной ответственности.

В целях противодействия этим угрозам при работе со второй группой – обучающимися – образовательным организациям на уровне официально утверждаемых и принимаемых стратегий и политик предлагается проводить занятия, направленные на воспитание патриотизма, межнациональной, межэтнической и межконфессиональной дружбы, формирование умения отстаивать собственное личное мнение, противодействовать всеми существующими законными способами вербовке и иному вовлечению в экстремистскую и террористическую деятельность. Более того, образовательным организациям предписано не только включать в учебные планы образовательных программ и в учебно-методические материалы дисциплины, направленные на воспитание традиционных духовно-нравственных человеческих ценностей и формирование у обучающихся на всех этапах образовательного процесса общероссийской гражданской идентичности, чувства гордости за историю России, но и разрабатывать и внедрять в учебный процесс новые стандарты и педагогические методики, ориентированные на противодействие вербовке и иному вовлечению в экстремистскую деятельность. И действительно, в учебных планах начиная с 2022–2023 учебного года появились такие обязательные предметы, как «История России», «Основы российской государственности», а в учебных заведениях – должности проректоров по молодежной политике и помощники ректора по воспитанию и работе с молодежью.

Вместе с тем применительно к образовательным организациям одним из самых опасных каналов, через который наиболее вероятны склонение, вербовка и иное вовлечение российской молодежи в осуществление экстремистской деятельности, остается привлечение на обучение в образовательные организации иностранных обучающихся из стран, где распространены подобные проявления.

Неслучайно в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации начиная с 2014 года и до сих пор отмечаются в качестве весьма серьезных

такие проблемы, как проникновение из других государств лиц, проповедующих исключительность радикальных религиозных течений ислама и прошедших обучение в теологических центрах, где преподаются основы этих религиозных течений, а также попытки создания в различных регионах России законспирированных ячеек экстремистских и террористических организаций, в том числе через образовательный процесс. Среди основных факторов, порождающих экстремистские проявления, называются неконтролируемая миграция и недостаточно регулируемые на региональном и муниципальном уровнях миграционные процессы, часто нарушающие сложившийся в отдельных регионах и муниципальных образованиях этноконфессиональный баланс населения¹.

Однако среди основных направлений государственной политики в сфере противодействия экстремизму в области государственной миграционной политики названы (1) «противодействие незаконной миграции, профилактика, предупреждение, выявление и пресечение нарушений миграционного законодательства Российской Федерации, а также совершенствование мер ответственности за такие нарушения» и (2) «развитие информационных систем учета иностранных граждан, пребывание которых на территории Российской Федерации является нежелательным»².

Иными словами, контроль за *законной* миграцией, в том числе за «миграционным» каналом проникновения субъектов экстремистской деятельности среди молодежи, находящейся на законных основаниях на обучении в образовательных организациях, на стратегическом уровне, по сути, даже не рассматривается. А введение с 5 февраля 2025 г. реестра контролируемых лиц не решает этой проблемы, так как цель его введения иная – миграционный учет иностранных граждан, находящихся в Российской Федерации и не имеющих законных оснований для пребывания (проживания) в Российской Федерации³, то есть незаконная миграция.

Концепция государственной миграционной политики в сфере образования

При обращении к таким стратегическим документам, как новая Концепция государственной миграционной политики на 2025–2036 годы⁴, важно заметить, что по сравнению с ранее действовавшей

¹ См.: п. 18 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г.: утв. Президентом РФ 28 нояб. 2014 г. № Пр-2753; Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 (п. 21) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2020. № 22. Ст. 3475; Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 28 дек. 2024 г. № 1124 (п.23) // Там же. 2024. № 53 (ч. 1). Ст. 8669.

² Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года...

³ О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федер. закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (ст. 31.2) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3032.

⁴ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы: Указ Президента РФ от 15 окт. 2025 № 738 // Там же. 2025. № 42. Ст. 6143.

Концепцией на период с 2019 по 2025 год цели и принципы миграционной политики не претерпели существенных изменений¹.

С одной стороны, объясняется это прежде всего неизменностью таких условий формирования и реализации миграционной политики, как устойчивое социально-экономическое положение, сохранение исторических и культурных связей народов Союзного государства России и Республики Беларусь, государств – участников Содружества Независимых Государств, взаимные безвизовые поездки, учреждение Евразийского экономического союза, которые были и остаются мощными факторами миграционной привлекательности Российской Федерации.

С другой стороны, за последние годы существенно возросла миграционная активность вблизи внешних границ Союзного государства России и Республики Беларусь и в зоне его интересов. Интенсивный миграционный поток из стран Ближнего Востока и Северной Африки в Европу, возникший в 2014–2015 годах и восстановившийся в постпандемийный период, ухудшение социально-экономического положения в Европе становятся, по свидетельству специалистов [9, с. 101; 13, с. 100–108; 24, с. 586–604; 31, с. 256–274], причиной негативных социально-экономических процессов в европейских государствах, в том числе имеющих границы с Российской Федерацией, а также способствуют проникновению в Россию через эти государства членов террористических и экстремистских структур и ячеек.

В связи с проведением специальной военной операции также наметились две опасные тенденции, которые потенциально могут влиять на распространение экстремистских проявлений. *Первая:* лица, постоянно проживающие на территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области, спасаясь от исходящей от Вооруженных сил Украины угрозы их жизни и здоровью, в экстренном массовом порядке начали прибывать в другие субъекты Российской Федерации, порой создавая социальную напряженность среди местного населения и в этом смысле становясь всё более подверженными влиянию вербовки экстремистских ячеек ввиду возникающего чувства своей незащищенности и ненужности, в том числе путем дистанционной вербовки посредством популяризации экстремистских идей в социальных сетях [22, с. 75], манипуляции информацией в телеграмм-каналах, создания закрытых сообществ из числа «переселенцев».

Вторая: введенная с 5 ноября 2025 г. льготная, без соответствующей проверки на причастность к экстремизму, процедура получения гражданства России иностранными гражданами и лицами без гражданства – участниками специальной военной операции, а также их супругами, родителями, детьми (в том числе усыновленными (удочеренными)) и, соответственно, их последующее льготное зачисление в российские образовательные организации². Вместе с тем международные договоры Российской Федерации напрямую запрещают предоставление статуса беженца (не говоря уже о гражданстве) таким «причастным» лицам³.

Данные факторы не могут не влиять на корректировку мер по реализации миграционной политики на концептуальной основе, однако контроль за так называемым «миграционным» каналом проникновения экстремистских проявлений и вербовки среди молодежи через обучение в образовательных организациях опять «остается за кадром», пожалуй, за исключением «применения мер государственной поддержки системы общественного контроля за выездом российских граждан для обучения в иностранных религиозных образовательных организациях»⁴. Может быть, это происходит еще и потому, что в России политическая наука, по утверждению специалистов [1, с. 180], является относительно молодой дисциплиной с неустоявшимися проблемами институционального развития, содержательные результаты которых являются предметом отдельных исследований [5, с. 151–161; 14, с. 142; 19, с. 79–88; 28, с. 131–150; 6, с. 8–23].

Изменение стратегических задач миграционной политики в России

Если цель и принципы государственной миграционной политики, как уже отмечалось, не претерпели существенных изменений, то стратегические задачи, направленные на достижение цели, с 15 октября 2025 г. изменились.

Так, в 2025 году среди новых стратегических задач миграционной политики по совершенствованию правовых, организационных и иных механизмов появились два новых механизма, регулирующих и обеспечивающих:

– осуществление трудовой деятельности иностранными гражданами исходя из потребности российской экономики в иностранной рабочей силе при условии прозрачности процессов привлечения иностранных работников, осуществления контроля за этими процессами и управления ими;

¹ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы: Указ Президента РФ от 31 окт. 2018 г. № 622 (ред. от 12.05.2023) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2018. № 45. Ст. 6917.

² О временном порядке приема в гражданство Российской Федерации и выдачи вида на жительство в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 5 нояб. 2025 г. № 821 // Российская газета. 2025. 7 нояб. № 252.

³ См.: ст. 21 Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму (вступила в силу 12.10.2019) // Бюллетень международных договоров. 2020. № 4. С. 3–16.

⁴ Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года...

– прохождение иностранными гражданами процедур сбора биометрических персональных данных, медицинского освидетельствования, подтверждения имеющегося образования и квалификации, стажа профессиональной деятельности, а также иных процедур, необходимых для верификации их личных качеств.

При этом из механизма добровольного переселения в Российскую Федерацию исключены лица, которые способны успешно интегрироваться в российское общество, что не может не вызывать озабоченность в успешном решении вопроса пресечения миграционных каналов проникновения экстремистских элементов на территорию Российской Федерации и вербовки ими российской молодежи.

Существенно изменились и приоритеты в отношении иностранных граждан, которые благодаря своим инвестициям, знаниям, умениям и навыкам вносят вклад в развитие российской экономики, науки, профессионального образования, искусства, а также разделяют традиционные российские духовно-нравственные ценности. Если до 2025 года в приоритете было стимулирование въезда и временного пребывания таких лиц в Российской Федерации, то сейчас – стимулирование постоянного проживания и получения гражданства Российской Федерации.

Ввиду того, что в качестве национальных целей развития Российской Федерации с 2025 года провозглашено достижение технологического лидерства и цифровая трансформация системы государственного и муниципального управления¹, среди новых стратегических задач миграционной политики появились развитие цифровой среды государственного управления и внедрение современных информационных технологий для обеспечения контроля в сфере миграции.

Интересно, что прежние задачи по созданию условий для снижения диспропорции в размещении населения и пространственному развитию страны, с которыми Российская Федерация продолжает сталкиваться, а также задачи по созданию благоприятного режима для свободного перемещения обучающихся, научных и педагогических работников в целях развития науки, профессионального образования, повышения уровня подготовки научных кадров и специалистов для отраслей экономики и сферы государственного управления Российской Федерации – уже не ставятся.

Вместе с тем эти проблемы с текущей повестки дня никуда не ушли, а их решение – это явная альтернатива для снижения миграционных потоков

проникновения потенциальных экстремистов и вербовщиков на территорию Российской Федерации, в том числе через сферу высшего образования в среду российской молодежи.

Более того, в контексте национальных целей никто не снимал с высших учебных заведений обязанности по достижению общего показателя по стране – не менее 500 тыс. иностранных обучающихся по образовательным программам высшего образования в российских образовательных организациях высшего образования и научных организациях к 2030 году и ежегодного уровня иностранных обучающихся от всего приведенного контингента – не менее 3 %². Также в новой концепции никак не отражен вопрос снятия административных барьеров с процесса миграционного сопровождения иностранных граждан, обучающихся в высших учебных заведениях.

Так, в целях сокращения временных, организационных и финансовых издержек, связанных с предоставлением государственных услуг и их получением, одним из основных направлений миграционной политики в области совершенствования механизмов профилактики, предупреждения, выявления и пресечения нарушений миграционного законодательства Российской Федерации с 12 мая 2023 г. отмечено «совершенствование административных процедур в сфере миграции, в том числе использование формата многофункциональных центров, перевод государственных и муниципальных услуг в сфере миграции в электронный формат, использование федеральной государственной информационной системы “Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)” (далее – Единый портал), мобильных приложений и иных организационных и технических решений»³. В обновленной 15 октября 2025 г. концепции миграционной политики уже нет такого направления (как будто к 15 октября 2025 г. оно уже реализовано и перестало быть актуальным).

Однако реальное положение дел в этой сфере демонстрирует обратную ситуацию.

Так, на территории Уральского федерального округа нет ни одного образовательного учреждения высшего образования, которое использует в своей деятельности Единый портал. Данное заявленное в 2023 году направление миграционной политики пока носит чисто декларативный характер. Во-первых, доступ к Единому portalу от имени образовательной организации для получения услуги по миграционному учету иностранного гражданина имеет только ее руководитель (ректор), то есть нет возможности поручить выполнение данного функционала конкретному работнику профильного подразделения и делегировать соответствующие полномочия,

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указа Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 (п. 1) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2024. № 20. Ст. 2584.

² Там же. 2024. № 20. Ст. 2584.

³ О внесении изменений в Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 31 окт. 2018 г. № 622: Указ Президента РФ от 12 мая 2023 г. № 342 // Там же. 2023. № 20. Ст. 3534.

например полномочие по постановке на миграционный учет иностранного обучающегося. Во-вторых, ряд услуг (их реализация через Единый портал в электронном формате), как свидетельствуют данные с Единого портала, находится в стадии разработки. Иными словами, данное направление из концепции миграционной политики исключено, но до сих пор не реализовано. Очевидно, что экономические затраты на доработку Единого портала в этой части скромные, а эффект от его функционирования для образовательных организаций огромный. При этом не все полномочия включены в Единый портал, а если и включены, их реализация невозможна ввиду отсутствия специальных цифровых групп из-за их несформированности оператором портала. Отдельные полномочия являются взаимосвязанными. Таким образом, теряется весь смысл перевода отдельных полномочий в электронный формат. В частности, регистрационное действие по продлению срока временного пребывания на территории Российской Федерации осуществляется одновременно с регистрационным действием по постановке на миграционный учет. Последнее полномочие есть на Едином портале, а первое – нет.

Вместе с тем МВД РФ за период с января по сентябрь 2025 года отчиталось, что число предоставленных подразделениями по вопросам миграции территориальных органов МВД России государственных услуг по регистрации и снятию с регистрационного учета по месту пребывания и месту жительства выросло на 50,2 %, а общее число всех оказанных через Единый портал государственных услуг по осуществлению миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации превысило 5,5 млн, то есть выросло на 135,7 %¹. Однако это услуги, оказываемые напрямую иностранным гражданам, самостоятельно себя ставящим на миграционный учет, а не образовательным организациям, выступающим как принимающая сторона.

В итоге получается, что образовательная организация в отсутствие доступа к реализации услуг через Единый портал продолжает нести дополнительные расходы на сотрудников профильных подразделений для обеспечения посещения ими отделов по вопросам миграции и совершения регистрационных действий на бумажном носителе. Введение с 1 сентября 2025 г. государственной пошлины за совершение этих действий еще больше усугубило ситуацию².

Очевидно, что благая цель по снижению и контролю внутренней миграционной активности иностранных граждан экономическими методами привела к возложению на образовательные организации

как принимающую сторону дополнительной финансовой нагрузки – нагрузки, ничем не обеспеченной и не запланированной в федеральном бюджете на 2025 год в части финансирования образовательных организаций (данный закон вступил в силу ровно через месяц после своего официального опубликования).

Сложилась парадоксальная ситуация: достижение цели пополнения доходной части бюджета за счет введения новых пошлин возлагает дополнительную нагрузку на бюджетные образовательные учреждения, которые получают из этого же бюджета денежные средства на осуществление своего основного вида экономической деятельности.

Экономический смысл такого «налогового маневра» в сфере миграционной политики для образовательных организаций не очевиден, чего нельзя сказать про кратное увеличение организационной нагрузки по сопровождению оплаты государственной пошлины. Образовательным организациям становится всё сложнее организационно и невыгоднее экономически увеличивать долю иностранных студентов в общем приведенном контингенте и стремиться к достижению национальной цели в 500 тыс. иностранных обучающихся к 2030 году. Тем более что сопутствующие риски привлечения образовательных организаций и их должностных лиц к ответственности становятся всё более реальными, а профилактика проникновения субъектов экстремистской деятельности по данному каналу в лучшем случае уходит на второй план (у образовательных организаций просто не остается сил и средств этим заниматься, несмотря на постоянные запросы и поручения со стороны антитеррористических комиссий, созданных при высших должностных лицах субъектов РФ).

Так, постановку на учет по месту пребывания и продление срока временного пребывания иностранных студентов, проживающих в общежитиях образовательных организаций высшего образования, осуществляет сама образовательная организация как принимающая сторона, владеющая на праве оперативного управления соответствующими средствами размещения. Согласно пункту 3 статьи 20 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»³ срок представления уведомления о прибытии иностранного гражданина в место пребывания составляет семь рабочих дней со дня прибытия в место пребывания (на практике это означает «с момента пересечения границы»), в случае его нарушения для принимающей стороны наступает административная ответственность по статье 18.9 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Со-

¹ Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь–сентябрь 2025 года. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/72315437>.

² О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 31 июля 2025 г. № 271-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 2025. № 31. Ст. 4625.

³ О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: Федер. закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ (ред. от (ред. от 27.01.2023) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2006. № 30. Ст. 3285.

блюдение указанного срока становится всё более затруднительным ввиду того, что оплата образовательной организацией государственной пошлины через систему федерального казначейства занимает минимум двое суток. При пересечении государственной границы, например, обучающимися из Монголии проходит минимум три дня (при следовании ими железнодорожным сообщением), по истечении которых у прибывшего в Екатеринбург студента появляется реальная возможность для передачи необходимых документов (паспорт, миграционная карта) образовательной организации для подготовки к регистрационным действиям по их постановке на миграционный учет. Как правило, иностранные студенты не отличаются высоким уровнем ответственности и дисциплинированности, не всегда могут сообщить достоверную информацию о датах своего прибытия/убытия и представляют свои документы через 2–3 дня после приезда.

В случае непостановки обучающегося на миграционный учет ввиду неоплаты вузом государственной пошлины отсутствует возможность представить в отдел по вопросам миграции недостающие документы после истечения вышеуказанного семидневного срока, в связи с чем неизбежно наступление для образовательной организации административной ответственности по статье 18.9 КоАП РФ (штраф от 400 до 500 тыс. руб.) за каждый такой случай.

При этом образовательная организация не только не может отказаться оплачивать государственную пошлину в силу требований налогового законодательства, но и обязана производить такую оплату всякий раз, когда иностранный обучающийся будет по своей инициативе покидать территорию РФ (выходные, каникулы, праздничные дни) или перемещаться по территории РФ воздушным путем, заселяться в гостиницы, хостелы и т. п., а потом возвращаться в общежитие образовательной организации.

Образовательная организация, с одной стороны, не может ограничить конституционное право обучающегося на свободу передвижения, с другой – не может не исполнить установленную Налоговым кодексом РФ (далее – НК РФ) обязанность по оплате пошлины, ведь это будет являться нарушением законодательства, поскольку бюджетные (например, УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева) и автономные (например, УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина) образовательные учреждения функционируют на основе государственного задания и субсидии на его выполнение. Все их расходы (ст. 69.2, 78.1 Бюджетного кодекса РФ (далее – БК РФ)) должны быть направлены на выполнение этого задания или на иную деятельность, приносящую доход. Обязанность платить госпошлину за административные действия, связанные с миграционным учетом и продлением

срока временного пребывания иностранного гражданина на территории РФ, не входит в государственное задание по образовательной деятельности и не является коммерческой услугой, оказываемой вузом. Это внешнее обязательство, исполнение которого финансово никак не обеспечено.

Казенные образовательные учреждения (например, Уральский институт МВД России), в свою очередь, действуют на основе бюджетной сметы (ст. 161 БК РФ), которая является планом их расходов. Если в бюджетной смете отсутствует статья на уплату госпошлины за постановку на миграционный учет и продление срока временного пребывания на территории Российской Федерации, то осуществление таких расходов прямо запрещено бюджетным законодательством, то есть расходы, не включенные в бюджетную смету, казенное учреждение произвести не вправе.

При этом действующее налоговое законодательство вразрез с утвержденной 15 октября 2025 г. Концепцией миграционной политики в РФ не возлагает обязанность по оплате государственной пошлины на самого иностранного обучающегося, проживающего в средствах размещения принимающей стороны, несмотря на то что целью данных нововведений в НК РФ является именно экономическое стимулирование уменьшения миграции иностранных граждан внутри страны и надлежащий контроль места их нахождения, в том числе в период обучения в образовательных учреждениях. Как справедливо отмечается специалистами, университеты и так тратят свои ресурсы на обеспечение комфортной жизни иностранного студента в России [3, с. 137].

Вопросы привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере миграции

Уголовное законодательство также контролирует эту сферу, введя уголовную ответственность за фиктивную постановку на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации, изменив при этом с 9 ноября 2024 г. категорию данного преступления с небольшой тяжести на среднюю (ст. 322.3 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ)).

Подобное состояние дел в вышеописанной сфере на современном этапе уже не обходится без уголовного преследования должностных лиц высших учебных заведений, поскольку под фиктивной постановкой на учет иностранных граждан или лиц без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации уголовный закон теперь понимает «постановку иностранных граждан или лиц без гражданства на учет по месту пребывания в Российской Федерации в помещении без их намерения фактически проживать (пребывать) в этом помещении»¹.

¹ См.: Примечание № 1 к ст. 322.3 Уголовного кодекса РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

Таким образом, сопутствующим образом на руководителей образовательных организаций как на принимающую сторону возлагается обязанность фактического контроля прибывающих на обучение иностранных граждан по месту пребывания. А это обстоятельство взаимосвязано с пресечением канала проникновения субъектов экстремистской деятельности под видом обучающихся на территорию Российской Федерации.

О том, что дела в этой сфере обстоят не лучшим образом, свидетельствует правоприменительная практика. Так, согласно сообщениям ТАСС от 14 февраля 2025 г., в ходе следственных действий установлено, что в Нижегородском государственном агро-технологическом университете иностранные граждане зачислялись на бюджетные места без сдачи обязательных экзаменов на знание русского языка, истории и основ законодательства Российской Федерации, после чего фиктивно трудоустраивались на территории области, не проходя при этом в университете какого-либо обучения. Указанные факты послужили основанием для возбуждения в отношении ректора Нижегородского государственного агро-технологического университета уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного пунктами «а» и «б» части 2 статьи 322.1 УК РФ¹.

По сообщениям ТАСС от 11 июня 2025 г.², ректор Гатчинского государственного университета заключил договор с индивидуальным предпринимателем из Московской области о приглашении в университет иностранных студентов, для чего поручил бывшему проректору подготовить фиктивные приглашения на обучение иностранцам из Сирии, Египта, Пакистана. Возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного пунктами «а» и «в» части 2 статьи 322.1 УК РФ.

Согласно сообщениям АО «Росбизнесконсалтинг» от 10 февраля 2025 г.³, в Ульяновском государственном техническом университете с 2022 по 2025 год на бюджетные места необоснованно были зачислены не менее 129 иностранных студентов, не владеющих русским языком и, соответственно, неспособных осваивать образовательную программу, реализуемую на русском языке. Возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного частью 3 статьи 285 УК РФ.

Согласно сообщениям издания «Акценты», в феврале 2025 г. возбуждено уголовное дело в отношении ректора Карачаево-Черкесского государственного университета, подозреваемого в подделке документов о прохождении обучения иностранными гражданами, у которых истек срок временного пребывания на территории Российской Федерации.

Возбуждено уголовное дело в отношении исполняющей обязанности директора Лесниковского филиала Курганского государственного университета, подозреваемой в организации незаконной миграции и превышении должностных полномочий по факту фиктивного зачисления на обучение иностранных студентов, которые не посещали занятия.

В Дагестане приговором суда признан виновным сотрудник отдела международных отношений и внешних связей Дагестанского аграрного университета, организовавший канал нелегальной миграции под видом студентов из числа граждан Сирии⁴.

Таким образом, часто образовательные организации выступают «прикрытием» для легализации нахождения иностранных граждан на территории Российской Федерации, которые с высокой степенью вероятности могут быть субъектами вербовки и вовлечения в экстремистскую деятельность российской молодежи.

Уголовное преследование по связанным преступлениям

Появление достаточно большого числа иностранных граждан, по факту не стремящихся получать образование в российских образовательных учреждениях, не только влечет рост рисков нарушения миграционного законодательства вузом как принимающей стороной, но и возлагает на образовательные организации дополнительные обязанности по контролю фактического места нахождения таких «обучающихся» на территории Российской Федерации, а самое главное – существенно возрастают риски вовлечения такой молодежи в противоправную, в том числе экстремистскую и террористическую, деятельность. При этом такие иностранные студенты могут выступать как в качестве потерпевших, так и в качестве субъектов вовлечения (вербовки) российской молодежи в данный вид преступной деятельности.

В доктрине уголовного процесса такое явление именуется «связанным преступлением» [25, с. 580–589; 26, с. 562; 2, с. 32; 20, с. 9; 27, с. 63–138; 7, с. 47–51; 21, с. 235–240; 15, с. 504–515]. Например, это могут быть связанные с основным составом преступлений экстремистской и террористической направленности такие составы, как вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления экстремисткой направленности (ст. 150 УК РФ), дача и получение взятки за организацию незаконной миграции (ст. 290–291 УК РФ), публичное оправдание терроризма (ст. 205.2 УК РФ) и др. Небезынтересно в этой связи, что негативные последствия, наступающие в

¹ URL: <https://tass.ru/proisshestiya/23230279>

² URL: <https://tass.ru/proisshestiya/24198661>

³ URL: <https://www.rbc.ru/society/10/02/2025/67a9a80c9a7947606f454b83>

⁴ URL: <https://akcent.site/novosti/39771>

результате совершения таких основных преступлений, отражаются не только на безопасности государства, сохранении основ конституционного строя или порядка управления, но и на лице, в отношении которого осуществлялось уголовное преследование по основному уголовному делу (например, на несовершеннолетнем, вовлеченном в организацию незаконной миграции субъектов экстремистской деятельности). Данные вопросы уже поднимались специалистами, в том числе с позиции реляционных аспектов выявления признаков потерпевшего [30, с. 103–124; 29, с. 157–174], но на практике они не всегда имеют однозначное решение.

Так, несмотря на то что современная законодательная конструкция назначения уголовного судопроизводства устанавливает безусловный приоритет защиты прав и законных интересов личности потерпевшего [16, с. 78], в следственной практике в большинстве случаев лица, которым причинен вред «связанным преступлением», допускаются к участию в деле в качестве свидетелей, а не потерпевших. Как верно отмечалось специалистами (до принятия Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ)) [17, с. 10–11], такая практика является порочной: не могут допрашиваться в качестве свидетеля лица, в отношении которых возбуждено уголовное дело, либо в деле имеются показания, на основании которых можно сделать предположительный вывод об их виновности в совершении преступления. Любые процессуальные действия, производимые следователем в ходе досудебного производства: возбуждение уголовного дела, привлечение лица в качестве обвиняемого, избрание меры пресечения и т. д., – являются средствами защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, но никак не реализацией уголовной ответственности [8, с. 60; 4, с. 33], то есть необходимо учитывать фактическое, а не только формальное процессуальное положение лица [18, с. 90, 174].

Справедливости ради отметим, что современная судебная практика постоянно совершенствуется. Конституционный Суд РФ как минимум дважды обратил внимание на особые правила признания потерпевших по уголовным делам по «связанным» преступлениям, указав следующее: во-первых, часть 4 статьи 150 УК РФ и часть 1 статьи 42 УПК РФ предполагают признание лица потерпевшим по возбужденному уголовному делу о его вовлечении в период несовершеннолетия в совершение преступления независимо от способа такого вовлечения¹; во-вторых, часть 1 статьи 42 УПК РФ во взаимосвязи с положениями статьи 290 УК РФ предполагает признание лица, которое отказалось от предложения о даче взятки, сообщило о данном предложении в правоохранительные органы и

содействовало изобличению виновных, потерпевшим по уголовному делу о получении взятки².

Однако, несмотря на позитивные тенденции в этом вопросе, вышеприведенные правовые позиции Конституционного Суда РФ требуют отдельного комментария.

По уголовным делам о преступлении, предусмотренном статьей 150 УК РФ, в соответствии с частью 6 статьи 151 УПК РФ предварительное следствие производится следователями того органа, к чьей подследственности относится преступление, в связи с которым возбуждено соответствующее уголовное дело. Уголовное дело в отношении несовершеннолетнего, участвовавшего в совершении преступления вместе со взрослым, если это возможно, выделяется в отдельное производство; если это невозможно, к несовершеннолетнему обвиняемому, привлеченному по одному уголовному делу со взрослым, применяются правила главы 50 УПК РФ (ст. 422 УПК РФ).

Таким образом, в первом случае на практике сначала, как правило, рассматривается уголовное дело в отношении несовершеннолетнего, а затем дело в отношении взрослого соучастника, вовлекшего несовершеннолетнего в совершение преступления экстремистской направленности. Тогда не происходит по основному и «связанному» преступлению нарушения принципа состязательности, предусмотренного статьей 15 УПК РФ, – вовлеченный несовершеннолетний выступает по одному делу потерпевшим, по другому – обвиняемым.

Другой пример: правоприменитель признает невозможным выделение уголовного дела по статье 150 УК РФ в отношении несовершеннолетнего. В таком случае признание несовершеннолетнего потерпевшим по статье 150 УК РФ может привести к тому, что в одном и том же лице будут совмещены процессуальные статусы двух участников уголовного судопроизводства (со стороны обвинения и со стороны защиты), то есть с прямо противоположными процессуальными функциями, а несовершеннолетний потерпевший вынужден будет давать правдивые показания о собственных преступных действиях, в которые он был вовлечен, завербован (ст. 307, 308 УК РФ).

В этой связи представляется целесообразным ввести запрет на одновременное рассмотрение в рамках одного уголовного дела основного и «связанного» преступления, а также установить процессуальную последовательность: уголовное дело в отношении взрослых соучастников, в том числе с обвинением по статье 150 УК РФ, рассматривается позднее уголовного дела в отношении несовершеннолетнего, вовлеченного в совершение преступления экстремистской направленности или организацию

¹ См.: п. 1 резолютивной части постановления Конституционного Суда РФ от 25 мая 2023 г. №26-П по делу о проверке конституционности ч. 4 ст. 150 УК РФ и ряда положений статей 42, 45, 145, 146 и 222 УПК РФ в связи с жалобой граждан М. В. Золотаревой и В. В. Фроловой // Собр. законодательства Российской Федерации. 2023. № 23 (ч. 2). Ст. 4272.

² См.: п. 1 резолютивной части постановления Конституционного Суда РФ от 1 окт. 2024 г. №42-П по делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 42 УПК РФ в связи с жалобой гражданина А. С. Ткаченко // Там же. 2024. № 41. Ст. 6205.

незаконной миграции субъектов экстремистской деятельности. Такой алгоритм позволит решить вопрос о возможности прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон по части 1 статьи 150 УК РФ, а также исключит вопрос неправомерности приговора по основному делу в случае оправдания взрослого по статье 150 УК РФ.

Отметим, что реализуемая с 2023 года Стратегия комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года в современных условиях относит к одной из основных угроз безопасности детей вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность¹.

Применительно к преступлениям экстремистской направленности, по данным ГИАЦ МВД России, с 2020 по 2024 год было зарегистрировано 6515 таких преступлений (в 2020 г. – 833, 2021 г. – 1057, 2022 г. – 1566, 2023 г. – 1340, 2024 г. – 1719) и выявлено 5089 лиц, их совершивших (в 2020 г. – 664, 2021 г. – 924, 2022 г. – 1078, 2023 г. – 1035, 2024 г. – 1387). Среди них число несовершеннолетних составляет 398 человек. При этом отдельно стоит отметить выявленные случаи вовлечения несовершеннолетнего лица в совершение преступлений экстремистской направленности. Так, по части 4 статьи 150 УК РФ зарегистрировано 21 преступление (в 2020 г. – 0, 2021 г. – 6, 2022 г. – 8, 2023 г. – 2, 2024 г. – 5)².

По данным Росфинмониторинга³ по состоянию на 2025 год, из 18 650 человек, включенных в национальную часть Перечня террористов и экстремистов, число лиц младше 18 лет составляет 251 человек (от 14 до 15 лет – 51 человек, от 16 до 17 лет – 200 человек).

Как показывает практика, одними из традиционных каналов вербовки являются культурные и образовательные обмены, а наиболее распространенными способами вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность, по свидетельству специалистов [11, с. 121; 12, с. 128, 130; 23, с. 148], остаются:

- вовлечение родственником несовершеннолетнего в экстремистскую деятельность;
- вовлечение несовершеннолетнего под предлогом финансовой выгоды;
- вовлечение несовершеннолетнего путем пропагандистского воздействия на личность через сеть

Интернет, формирование молодежных киберсубкультур (аниме и др.).

В сочетании с современными технологиями через социальные сети, мессенджеры, форумы, игровые платформы эти способы позволяют незаметно влиять на подвижное сознание российской молодежи, постепенно подводя к выполнению заданий, которые служат интересам экстремистских сообществ.

Вербовка в деятельность экстремистского сообщества или организации

Не менее интересным образом складывается правоприменительная практика в контексте осмысления собственно понятия вербовки в деятельность экстремистского сообщества или организации.

Первое. Если в отношении экстремистского сообщества трудностей в правоприменении в целом нет, то в отношении экстремистской организации – явно есть. Ведь чтобы завербовать или иным образом вовлечь в деятельность экстремистской организации, ее сначала в соответствии с установленной процедурой надо признать таковой. Именно поэтому законодатель с 23 июля 2025 г. изменил редакцию части 1.1 статьи 282.2 УК РФ⁴.

Второе. С 28 октября 2021 г. вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества или экстремистской организации, совершенное организатором (руководителем) таких сообщества или организации, является видом вербовки⁵, при этом вступление в силу обвинительного приговора по уголовному делу в отношении лица, создавшего или руководившего таким сообществом, является с 23 декабря 2025 г. самостоятельным основанием считать такие сообщества экстремистскими без отдельного предварительного признания таковыми в соответствии с законодательством РФ⁶.

Третье. С 3 ноября 2016 г. в судебной практике выделяются следующие способы вербовки в деятельность экстремистского сообщества или экстремистской организации: уговоры, подкуп, угрозы, убеждение, просьба, предложение, применение физического воздействия, поиск лиц⁷ – несмотря на

¹ О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358 // Собр. законодательства Российской Федерации. 2023. № 21. Ст. 3696.

² Статистика и аналитика. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics>

³ Перечень террористов и экстремистов (весь список). URL: <https://fedsfm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-act>

⁴ О внесении изменений в статью 282.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 393 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 23 июля 2025 г. №216-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 2025. № 30 (ч. 1). Ст. 4365.

⁵ О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 окт. 2021 г. № 32 (п. 8) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 12.

⁶ О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 дек. 2025 г. № 43 (п. 19). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» и от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 3 нояб. 2016 г. № 41 (п. 12) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

то что практика знает и другие способы вербовки, например, такие как шантаж, обещание вознаграждения, обман или злоупотребление доверием¹. Вместе с тем не всегда на практике ясна цель вербовки, хотя для доктрины она достаточно очевидна – это получение согласия потерпевшего на совершение определенных преступных действий экстремистской направленности.

Четвертое. В соответствии с международными договорами РФ, которые по юридической силе выше УК РФ и иных федеральных законов², при вербовке лиц для участия в подготовке либо совершении экстремистских актов под последним понимается не только организация и участие в деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ), но и, например, любое преступное деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, или организация вооруженного мятежа и участие в нем в экстремистских целях; или разжигание политической розни, или пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его политической принадлежности³. Иными словами, данное понятие трактуется более расширительно по сравнению с действующим национальным уголовным законом. Вместе с тем современной судебной практикой с 23 декабря 2025 г. из конструкции экстремизма исключены случаи критики политических или общественных деятелей в связи с исполнением ими своих полномочий или осуществлением иных действий, обусловленных их статусом, а также случаи использования нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и экстремизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацистской и экстремистской идеологии⁴.

Пятое. Не исключается осуществление уголовной юрисдикции в соответствии с национальным законодательством государства – участника Конвенции Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму на территории другой страны (ч. 4 ст. 5 Конвенции).

Выводы

Таким образом, следует сделать вывод о том, что вербовка имеет самостоятельное юридическое значение и ее не следует отождествлять с собственно экстремизмом. Способы вербовки направлены на достижение согласия потерпевшего на совершение экстремистского акта, а национальная уголовная юрисдикция может распространяться за пределами территории страны – участника международного договора РФ.

Проведенный анализ, безусловно, не описывает весь спектр проблем, с которыми сталкиваются (могут столкнуться) образовательные организации высшего образования, а лишь вскрывает предпосылки этих проблем, а также указывает на недостатки существующей Стратегии противодействия экстремизму и принимаемых в ее развитие концепций государственной миграционной политики в Российской Федерации. Стратегические задачи новой концепции государственной миграционной политики требуют корректировки и совершенствования, в частности в сфере образования.

Библиографический список

1. Авдонин В. С., Мелешкина Е. Ю. Российские журналы по политической науке сквозь призму библиометрических показателей // Полис. Политические исследования. 2025. № 1. С. 173–191. DOI 10.17976/jpps/2025.01.13
2. Алексеева Г. А., Прошляков А. Д. Мелкое хищение чужого имущества // Юридический вестник. 2000. № 1–2. С. 32–33.
3. Аникина М. С. Особенности правового положения иностранных граждан, обучающихся на образовательных программах высшего образования // Актуальные вопросы обеспечения национальной безопасности: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 7 декабря 2023 г.). СПб.: С.-Петерб. акад. Следственного Комитета Российской Федерации» 2024. С. 135–138.
4. Аникина М. С., Козубенко Ю. В. Межотраслевой механизм уголовно-правового регулирования и уголовное преследование. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2021. 160 с.
5. Воробьев Д. М. Развитие политологического сообщества в постсоветской России // Полис. Политические исследования. 2004. № 6. С. 151–161. DOI 10.17976/jpps/2004.06.19

¹ О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 дек. 2019 г. № 58 (п. 13) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 3.

² О противодействии экстремистской деятельности: Федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.

³ См.: подп. 3 п. 1 ст. 1 Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. // Бюллетень международных договоров. 2004. №1. С. 29–36; подп. 3 п. 1 ст. 2 Конвенции Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму (вступила в силу 12.10.2019) // Бюллетень международных договоров. 2020. № 4. С. 3–16.

⁴ О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 дек. 2025 г. № 43 (п. 7, 22 (3)). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Гельман В. Я. Политическая наука и современные исследования российской политики: перемены и вызовы // Политическая наука. 2012. № 1. С. 8–23.
7. Зоиров Д. А. Механизмы вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность в сети интернет (по материалам Российской Федерации и Республики Таджикистан) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 2. С. 74–78. DOI 10.23672/SAE.2024.90.57.014
8. Ильницкий А. С. Криминогенный потенциал субкультуры «Аниме» в сети интернет и механизм вовлечения несовершеннолетних в преступное и суицидальное поведение // Передовой опыт мировой криминологии: сб. материалов II Междунар. форума (г. Самарканд, 17–18 ноября 2025 г.) / Ин-т криминологии Республики Узбекистан. Ташкент, 2025. С. 127–132.
9. Ковтун Н. А. Прикосновенность к преступлению и ее отличие от института соучастия // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2020. № 6-1. С. 47–51.
10. Козубенко Ю. В. Уголовно-процессуальные аспекты межотраслевого механизма уголовно-правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 505 с.
11. Кондратьева Т. С. Великобритания: радикализация мусульманского сообщества (обзор) // Актуальные проблемы Европы. 2008. № 4. С. 98–120.
12. Корсаков К. В. Противодействие вовлечению российской молодежи в ряды террористов и экстремистов как элемент системы борьбы с террористической и экстремистской деятельностью // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 205–215. DOI 10.17223/15617793/516/23
13. Миронов С. Н. Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность в интересах иностранного государства // Передовой опыт мировой криминологии: сб. материалов II Междунар. форума (г. Самарканд, 17–18 ноября 2025 г.) / Ин-т криминологии Республики Узбекистан. Ташкент, 2025. С. 120–123.
14. Плещунов Ф. О. Политика мультикультурализма в Великобритании и радикализация мусульманской молодежи в стране // Восток. Афроазиатские общества: история и современность. 2009. № 1. С. 100–108.
15. Политическая наука в России: вчера, сегодня, завтра (Материалы научного семинара) // Полис. Политические исследования. 2006. № 1. С. 141–156. DOI 10.17976/jpps/2006.01.11
16. Русман Г. С., Прошляков А. Д. Потерпевший по взаимосвязанным преступлениям (на примере практики применения норм уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации) // Викимология. 2024. Т. 11, № 4. С. 504–515. DOI 10.47475/2411-0590-2024-11-4-504-515
17. Сафарзода Х. С., Ахёзода Ш. Т. Концептуальные основы общесоциальной профилактики экстремизма // Передовой опыт мировой криминологии: сб. материалов II Междунар. форума (г. Самарканд, 17–18 ноября 2025 г.) / Ин-т криминологии Республики Узбекистан. Ташкент, 2025. С. 145–156.
18. Смирнова И. Г. Уголовно-процессуальная стратегия: конфликт целеполагания // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. №28. С. 76–82. DOI 10.17223/22253513/28/7
19. Татьяна Л. Г. Предварительное расследование многоэпизодных групповых дел о преступлениях несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1998. С. 10–11.
20. Уголовный процесс: учебник / под ред. А. Д. Прошлякова, В. С. Балакшина, Ю. В. Козубенко. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 888 с. DOI 10.12737/1699408
21. Фишман Л. Г. Упадок демократии и «закат» политологии // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. № 3. С. 79–88.
22. Хорищенко Ю. Г. Особенности уголовного судопроизводства по делам о взаимосвязанных преступлениях: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 197 с.
23. Шеслер А. В. Прикосновенность к преступлению как предмет уголовно-правового исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1 (85). С. 235–240. DOI 10.35750/2071-8284-2020-1-235-240
24. Doosje B., Loseman A., van den Bos K. Determinants of Radicalisation of Islamic Youth in the Netherlands: Personal Uncertainty, Perceived Injustice, and Perceived Group Threat // Journal of Social Issues. 2013. Vol. 69. Pp. 586–604. DOI 10.1111/josi.12030
25. Feller S. Z. The Provisions Relating to the Typical Form of an Offence and Their Application to Its Derivative Forms of Criminal Conduct // Israel Law Review. 1967. Vol. 2. Pp. 580–589.
26. Feller S. Z. The Application of Presumptions to the Derivative Forms of an Offence // Israel Law Review. 1968. Vol. 3. Issue 4. Pp. 562–578.
27. Hallevy G. The Matrix of Derivative Criminal Liability. London, 2012. 308 p. DOI 10.1007/978-3-642-28105-1
28. Ilyin M., Malinova O., Patrushev S. Political Science in Russia: Development of a Profession. Political Science in Central-East Europe: Diversity and Convergence. Opladen: Barbara Budrich, 2010. Pp. 131–150.
29. Marshall H. Victim as a Relative Status // Theoretical Criminology. 2024. Vol. 28. № 2. Pp. 157–174. DOI 10.1177/13624806231186393
30. Suárez-Soto E. et al. Víctimas o Delincuentes?: Jóvenes implicados en los sistemas de protección y justicia juvenil en Cataluña: Un estudio exploratorio // Revista de Victimología / Journal of Victimology. 2018. № 8. Pp. 103–124. DOI 10.12827/RVJV.8.04
31. Stekelenburg J., Oegema D., Klandermans P. G. No Radicalization Without Identification: How Ethnic Dutch and Dutch Muslim Web Forums Radicalize Over Time // Identity and Participation in Culturally Diverse Societies. A Multidisciplinary Perspective. Oxford: Blackwell Wiley, 2010. Pp. 256–274.

References

1. Avdonin V. S., Meleshkina E. Yu. Russian Journals on Political Science Through the Prism of Bibliometric Indicators. *Polis. Political Studies*. 2025. Issue 1. Pp. 173–191. DOI 10.17976/jpps/2025.01.13 (In Russ.)
2. Alekseeva G. A., Proshlyakov A. D. *Melkoe khishchenie chuzhogo imushchestva* [Petty Theft of Someone Else's Property]. *Juridicheskij vestnik* – Legal Bulletin. 2000. Issue s 1–2. Pp. 32–33 (In Russ.)
3. Anikina M. S. The Legal Status of Foreign Citizens Studying in Higher Education Programs. *Aktual'nye voprosy obespecheniya nacional'noj bezopasnosti* [Current Issue s in Ensuring National Security]: Proc. of II International Scientific and Practical Conference. St. Petersburg, 2024. Pp. 135–138. (In Russ.)
4. Anikina M. S., Kozubenko Yu. V. *Mezhotraslevoy mekhanizm ugovovno-pravovogo regulirovaniya i ugovovnoe presledovanie* [Intersectoral Mechanism of Criminal Law Regulation and Criminal Prosecution]. Yekaterinburg, 2021. 160 p. (In Russ.)
5. Vorobyov D. M. Development of Political Science Community in Post-Soviet Russia. *Polis. Political Studies*. 2004. Issue 6. Pp. 151–161. DOI 10.17976/jpps/2004.06.19 (In Russ.)
6. Gelman V. Ya. *Politicheskaya nauka i sovremennye issledovaniya rossiyskoy politiki: peremeny i vyzovy* [Political Science and Contemporary Research on Russian Politics: Changes and Challenges]. *Politicheskaya nauka* – Political Science. 2012. Issue 1. Pp. 8–23. (In Russ.)
7. Zoirov D. A. Mechanisms of Involvement of Young People in Extremist Activities on the Internet (based on the materials from the Russian Federation and the Republic of Tajikistan)] *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshhestvennye nauki* – Humanities, Social-Economic and Social Sciences. 2024. Issue . 2. Pp. 74–78. DOI 10.23672/SAE.2024.90.57.014 (In Russ.)
8. Ilitsky A. S. The Criminogenic Potential of the “Anime” Subculture on the Internet and the Mechanism of Involving Minors in Criminal or Suicidal Behavior. *Sbornik materialov II Mezhdunarodnogo foruma “Peredovoj opyt mirovoj kriminologii”* [Proc. of II International Forum “Advanced experience in global criminology” (November 17–18 , 2025, Samarkand). Tashkent, 2025. Pp. 120–123 (In Russ.)
9. Kovtun N. A. Prikosnovennost k prestupleniyu i ee otlichie ot instituta souchastiya [The Connection to a Crime and Its Difference from the Institution of Complicity]. *Obshhestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii* – Public Security, Legality, and Law and Order in the Third Millennium. 2020. Issue 6-1. Pp. 47–51. (In Russ.)
10. Kozubenko Yu. V. *Ugovovno-protsessualnye aspekty mezhotraslevogo mekhanizma ugovovno-pravovogo regulirovaniya* [Criminal Procedure Aspects of the Intersectoral Mechanism of Criminal Law Regulation]. Dr. jurid. sci. diss. Yekaterinburg, 2018. 505 p. (In Russ.)
11. Kondratyeva T. S. Velikobritaniya: radikalizatsiya musulmanskogo soobshchestva (obzor) [Great Britain: Radicalization of the Muslim Community (Review)]. *Aktual'nye problemy Evropy* – Current Issue s in Europe. 2008. Issue 4. Pp. 98–120. (In Russ.)
12. Korsakov K. V. Countering the Involvement of Russian Youth in the Ranks of Terrorists and Extremists as an Element of the System of Combating Terrorist and Extremist Activity. *Tomsk State University Journal*. 2025. Issue 516. Pp. 205–215. DOI 10.17223/15617793/516/23 (In Russ.)
13. Mironov S. N. Prevention of the Involvement of Minors in Unlawful Activities in the interests of a Foreign State]. *Sbornik materialov II Mezhdunarodnogo foruma “Peredovoj opyt mirovoj kriminologii”* [Proc. of II International Forum “Advanced experience in global criminology” (November 17–18, 2025, Samarkand). Tashkent, 2025. Pp. 120–123 (In Russ.)
14. Pleshchunov F. O. Politika multikulturalizma v Velikobritanii i radikalizatsiya musulmanskoy molodezhi v strane [The Policy of Multiculturalism in the UK and the Radicalization of Muslim Youth in the Country]. *Vostok. Afroaziatskie obshhestva: istoriya i sovremennost'* – East. Afro-Asian Societies: History and Modernity. 2009. Issue 1. Pp. 100–108. (In Russ.)
15. Political Science in Russia: Yesterday, Today, Tomorrow (materials of a scholarly seminar). *Polis. Political Research*. 2006. Issue 1. Pp. 141–156. DOI 10.17976/jpps/2006.01.11 (In Russ.)
16. Rusman G. S., Proshlyakov A. D. Victim of Related Crimes (on the example of the practice of applying the norms of the criminal procedure legislation of the Russian Federation). *Victimology*. 2024. Vol. 11. Issue 4. Pp. 504–515. DOI 10.47475/2411-0590-2024-11-4-504-515 (In Russ.)
17. Safarzoda Kh. S., Akhiozoda Sh. T. Conceptual Foundations of General Social Prevention of Extremism. *Sbornik materialov II Mezhdunarodnogo foruma “Peredovoj opyt mirovoj kriminologii”* [Proc. of II International Forum “Advanced experience in global criminology” (November 17–18, 2025, Samarkand). Tashkent, 2025. Pp. 145–156 (In Russ.)
18. Smirnova I. G. Criminal Procedure Strategy: Conflict of the Goal. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*. 2018. Issue 28. Pp. 76–82. DOI 10.17223/22253513/28/7 (In Russ.)
19. Tatyana L. G. *Predvaritelnoe rassledovanie mnogoepizodnykh gruppovykh del o prestupleniyakh nesovershennoletnikh* [Preliminary Investigation of Multi-Episode Group Cases of Juvenile Crimes]. Dis. ... Cand. Law. Sciences. Izhevsk, 1998. Pp. 10–11. (In Russ.)
20. Proshlyakov A. D. et al. *Criminal Proceedings*. Moscow, 2022. 888 p. DOI 10.12737/1699408 (In Russ.)
21. Fishman L. G. Upadok demokratii i “zakat” politologii [The Decline of Democracy and the “Decline” Of Political Science]. *Politiya: Analiz. Xronika. Prognoz*. – Politeia: Analysis. Chronicle. Forecast. 2008. Issue 3. Pp. 79–88. (In Russ.)

22. Khorishchenko Yu. G. *Osobennosti ugolovnogo sudoproizvodstva po delam o vzaimosvyazannykh prestupleniyakh*: [Criminal Proceedings in Cases of Related Crimes]: Cand. jurid. sci. diss. Yekaterinburg, 2003. 197 p. (In Russ.)

23. Shesler A. V. The Implication to Crime as a Subject of Criminal Law Research. *Vestnik of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020. Issue 1 (85). Pp. 235–240. DOI 10.35750/2071-8284-2020-1-235-240 (In Russ.)

24. Doosje B., Loseman A., van den Bos K. Determinants of Radicalisation of Islamic Youth in the Netherlands: Personal Uncertainty, Perceived Injustice, and Perceived Group Threat. *Journal of Social Issues*. 2013. Vol. 69. Pp. 586–604. DOI 10.1111/josi.12030 (In Eng.)

25. Feller S. Z. The Provisions Relating to the Typical Form of an Offence and their Application to Its Derivative Forms of Criminal Conduct. *Israel Law Review*. 1967. Vol. 2. Pp. 580–589. (In Eng.)

26. Feller S. Z. The Application of Presumptions to the Derivative Forms of an Offence. *Israel Law Review*. 1968. Vol. 3. Issue 4. Pp. 562–578. (In Eng.)

Информация об авторе:

Ю. В. Козубенко

Доктор юридических наук, профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П. М. Давыдова, начальник управления международного сотрудничества

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева
620066, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

Заведующий кафедрой права

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620062, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19

ORCID 0000-0002-1725-124X

27. Hallevy G. *The Matrix of Derivative Criminal Liability*. London, 2012. 308 p. DOI 10.1007/978-3-642-28105-1 (In Eng.)

28. Ilyin M., Malinova O., Patrushev S. Political Science in Russia: Development of a Profession. *Political Science in Central-East Europe: Diversity and Convergence*. Opladen: Barbara Budrich, 2010. Pp. 131–150. (In Eng.)

29. Marshall H. Victim as a Relative Status. *Theoretical Criminology*. 2024. Vol. 28. Issue 2. Pp. 157–174. DOI 10.1177/13624806231186393 (In Eng.)

30. Suárez-Soto E. et al. Víctimas o Delincuentes?: Jóvenes implicados en los sistemas de protección y justicia juvenil en Cataluña: Un estudio exploratorio. *Revista de Victimología / Journal of Victimology*. 2018. Issue 8. Pp. 103–124. DOI 10.12827/RVJV.8.04 (In Span.)

31. van Stekelenburg J., Oegema D., Klandermans P.G. No Radicalization Without Identification: How Ethnic Dutch and Dutch Muslim Web Forums Radicalize Over Time. *Identity and Participation in Culturally Diverse Societies. A Multidisciplinary Perspective*. Oxford: Blackwell Wiley, 2010. Pp. 256–274. (In Eng.)

About the author:

Yu. V. Kozubenko

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
21, Komsomolskaya st., Yekaterinburg, 620066, Russia

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
19, Mira st., Yekaterinburg, 620062, Russia

ORCID 0000-0002-1725-124X

Правила оформления и представления рукописей статей в журнал ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

1. Правовые и организационные основы публикации научных статей

Тематика журнала. В журнал могут быть представлены материалы по фундаментальным и прикладным проблемам юридических наук, исследования современного состояния российского, международного, зарубежного законодательства и правоприменительной практики, теоретических и исторических аспектов государственно-правовых явлений, правовых вопросов социальной работы.

Язык и география журнала. Журнал издается на русском языке. На сайте журнала представлена полная версия журнала на английском языке, что позволяет расширить географию читателей и усилить интеграционные процессы в мировом научном сообществе.

Порядок подачи статей. Для подачи статьи автору необходимо пройти *электронную регистрацию* на сайте журнала и направить научную статью путем подачи *онлайн-заявки*.

Редакция принимает статьи (материалы) объемом 100 000 печатных знаков с пробелами.

Плата с авторов, в том числе с аспирантов, за публикацию рукописей не взимается.

Основы правового взаимодействия Издателя и Автора. Издатель (Пермский государственный национальный исследовательский университет) предлагает любому физическому лицу заключить с Издателем безвозмездный лицензионный договор о предоставлении права использования статьи, автором которой он является, на следующих условиях.

Автор безвозмездно предоставляет Издателю (Пермский государственный национальный исследовательский университет) право на использование его статьи (Произведения) в том числе в составе журнала следующими способами:

- воспроизведение произведения, т. е. изготовление одного и более экземпляров произведения или любой его части в любой материальной, в том числе электронной, форме, включая воспроизведение произведения в любых базах данных;
- распространение произведения путем продажи или иного отчуждения его экземпляров в любом их количестве;
- импорт экземпляров произведения в целях распространения;
- перевод или другая переработка произведения;
- доведение произведения до всеобщего сведения, в том числе использование произведения либо любой его части в сети Интернет, иных компьютерных сетях и любых базах данных.

Предоставление Издателю указанных выше прав использования Произведения сохраняет за Автором право выдачи третьим лицам лицензий на аналогичные способы использования (простая, неисключительная лицензия).

Автор предоставляет Издателю указанные выше права на весь срок действия исключительных прав на статью.

Территория, на которой допускается использование Произведения указанными выше способами, не ограничена, т. е. включает в себя территорию всего мира.

Право использования Произведения предоставляется Издателю *безвозмездно*. Гонорар Автору не устанавливается.

Автор дает согласие на то, что Издатель имеет право предоставлять частично или полностью указанные выше права третьим лицам без дополнительного согласования с Автором и без выплаты Автору и иным лицам дополнительного вознаграждения (сублицензия).

Автор Произведения выражает согласие на внесение в Произведение сокращений и дополнений, снабжение Произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями – Издателем или третьими лицами – на основании заключенных с Издателем сублицензионных договоров.

Автор Произведения выражает согласие на внесение Издателем или третьими лицами на основании заключенных с Издателем сублицензионных договоров редакторских и корректорских правок в Произведение, а также на изменение названия Произведения без дополнительного согласования, если эти изменения не приводят к искажению смысла и не нарушается целостность восприятия Произведения.

В соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», Автор Произведения дает Издателю согласие на автоматизированную, а также без использования средств автоматизации обработку путем сбора, систематизации, накопления, хранения, уточнения, использования, передачи и удаления своих персональных данных, сообщенных Издателю при заключении лицензионного договора: фамилия, имя, отчество, паспортные данные, дата рождения, адрес места жительства, контактные данные (телефон, адрес электронной почты), а также другие персональные данные, которые Автор Произведения сообщает с целью заключения с Издателем лицензионного договора.

При использовании Произведения:

- Издатель размещает фамилию, инициалы Автора, название, аннотацию, ключевые слова и текст статьи на сайте журнала;
- Издатель включает полнотекстовые варианты статей в «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ). Направление Автором статьи Издателю является согласие Автора на подобное размещение и включение.

Если в течение двух лет с момента получения Произведения Издатель не начал использование Произведения или не предоставил право использования Произведения третьим лицам, Автор Произведения вправе расторгнуть лицензионный договор в одностороннем порядке, уведомив об этом Издателя электронным письмом по адресу: **vesturn@yandex.ru** не менее чем за 10 рабочих дней до даты предполагаемого расторжения лицензионного договора. В случае, если в указанный срок Автор Произведения не получит мотивированных возражений от Издателя, лицензионный договор считается расторгнутым.

Автор Произведения дает согласие на использование его Произведения на условиях открытой лицензии с указанием авторства CC BY.

Издатель будет считать себя заключившим лицензионный договор с Автором Произведения на вышеуказанных условиях с момента получения от него акцепта.

Акцептом признается согласие с условиями лицензионного договора, которое дается в электронном виде на сайте и предшествует online-подаче статьи.

2. Требования к качеству контента

Соблюдение международных стандартов этики является неотъемлемой частью политики нашего журнала. К публикации принимаются только уникальные научные исследования, не опубликованные ранее. Статьи, поступающие в редакцию, проверяются на уникальность текста с помощью системы **«Антиплагиат»**.

Редакция оставляет за собой право не публиковать статьи с **уникальностью текста менее 75 %**.

Статья должна быть разбита на разделы:

- введение;
- основное содержание*;
- результаты/обсуждение;
- заключение/выводы.

* автор обязан дать самостоятельное оглавление контенту и разбить тело статьи на несколько блоков с присвоением каждому собственного наименования.

3. Требования к оформлению текста статьи

Параметры страницы. Формат листа, используемый для написания статьи, – А4. Поля – 2,5 см со всех сторон. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов – 1,25 см.

Основной текст статьи набирается шрифтом Calibri, размер – 14 пт, междустрочный интервал – полуторный. При оформлении статьи необходимо различать знаки дефис (-) и тире (–). Между цифрами ставится знак тире без отбивки (пробелов), напр.: 12–15.

Заглавие статьи набирается прописными (большими) буквами жирным шрифтом, курсивом и форматруется по центру.

Перед заглавием слева прямым шрифтом набирается УДК, под заглавием жирным шрифтом – И. О. Фамилия, светлым – ученая степень, ученое звание, должность, название вуза и его адрес (с индексом), идентификационные коды автора **ORCID** и **ResearcherID** (обязательно!), информация о статьях автора в БД Scopus или БД Web of Science (при наличии) путем указания DOI таких статей, адрес электронной почты автора.

4. Требования к структуре авторского резюме (аннотации)

Под указанной выше информацией помещается авторское резюме на русском языке (200–250 слов), набранный светлым курсивом.

Авторское резюме к статье является основным источником информации в отечественных и зарубежных информационных системах и базах данных, индексирующих журнал.

Обязательная структура авторского резюме:

- введение;
- цели и задачи;
- методы;
- результаты/обсуждение;
- заключения/выводы.

После текста авторского резюме следует указать 8–10 ключевых слов (словосочетаний), характеризующих проблематику статьи (набрав их светлым прямым шрифтом).

**Вина энергоснабжающей организации
при неправомерном перерыве в подаче энергии**

О. А. Кузнецова

Доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
ORCID: 0000-0001-6880-5604
ResearcherID: D-1066-2016
Статьи в БД Scopus / Web of Science:
DOI 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.9.11540
DOI 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177
E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

Введение: статья посвящена анализу состава вины энергоснабжающей организации как одному из условий ее ответственности за неправомерный перерыв в подаче энергии. Юридическая конструкция состава этого гражданского правонарушения ставит возникновение ответственности лица, осуществляющего деятельность по поставке энергии, в зависимости от наличия вины, что является исключением из общего правила повышенной ответственности предпринимателя. В связи с этим вопросы понимания содержания состава вины энергоснабжающей организации приобретают особое значение. **Цель:** сформировать представление о вине энергоснабжающей организации на основе анализа научных источников и материалов судебной практики привлечения к гражданско-правовой ответственности по пункту 2 статьи 547 ГК РФ. **Методы:** эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. Применялись частнонаучные методы: юридико-догматический и метод толкования правовых норм. **Результаты:** анализ практики применения и научного комментирования пункта 2 статьи 547 ГК РФ показал, что категории неправомерного перерыва в подаче энергии и вины отождествляются, вина «растворилась» в противоправном поведении энергоснабжающей организации и потеряла самостоятельность в составе данного правонарушения. **Выводы:** и в цивилистической науке и в гражданском законодательстве необходимо четко разграничить противоправное поведение должника, в том числе энергоснабжающей организации, и его вину, поскольку это разные условия (элементы состава правонарушения) гражданско-правовой ответственности, способные самостоятельно исключать гражданско-правовую ответственность. Легальное поведенческое понимание вины энергоснабжающей организации совпадает с субъективным признаком ее противоправного бездействия и не имеет собственной юридической ценности.

Ключевые слова: неправомерный перерыв в подаче энергии; вина энергоснабжающей организации; вина в гражданском праве; противоправное поведение энергоснабжающей организации; гражданское правонарушение; гражданско-правовая ответственность; презумпция вины

На первой странице в подстрочнике необходимо указать знак © и Фамилию И. О., год:

© Кузнецова О. А., 2026

5. Оформление сносок и библиографического списка

Библиографический список должен быть построен в **алфавитном порядке**. В нем указываются только научные источники: научные статьи, монографии, диссертации, авторефераты диссертаций, научные комментарии, учебная литература, электронные ресурсы и т. д.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет DOI, то его указание в разделе «References» является **обязательным!**

Ссылки на нормативно-правовые акты и судебно-арбитражную практику помещаются в текст научной статьи в качестве постраничных сносок, однако в библиографическом списке повторно не указываются. Сноски должны быть постраничными, нумерация сносок начинается с каждой страницы.

Сноски набираются шрифтом Calibri, размер – 10 пт, межстрочный интервал – одинарный.

В основном тексте источника, помещенный в библиографическом списке, осуществляется следующим образом: в квадратных скобках указываются номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница источника: [5, с. 216]. Возможно также указание на том многотомного издания: [8, т. 1, с. 216].

Источники в библиографическом списке оформляются в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5–2008.

В библиографическом списке обязательно наличие **не менее половины иностранных источников**, реально используемых при написании научной статьи. При этом иностранные источники указываются в библиографическом списке в алфавитном порядке строго после русскоязычных источников.

Избыточное и необоснованное цитирование не допускается.

Примеры оформления сносок в тексте научной статьи:

- ¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
- ² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 13 июля 2015 г.) // Собр. законодательства Российской Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.
- ³ О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
- ⁴ О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации: Указ Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 (ред. от 29 июля 2014 г.) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2008. № 29 (ч. 1), ст. 3482.
- ⁵ Гражданский кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г. (ред. от 26 нояб. 2001 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24, ст. 407 (утратил силу).
- ⁶ О свободе договора и ее пределах: постановление Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.
- ⁷ Обзор практики применения арбитражными судами статьи 414 Гражданского кодекса РФ: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 21 дек. 2005 г. № 103 // Вестник ВАС РФ. 2006. № 4.
- ⁸ Постановление Президиума ВАС РФ от 9 дек. 1997 г. № 5246/97 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Примеры библиографических записей:

Библиографический список

1. *Бурлака С. А.* Принудительные меры воспитательного воздействия и их реализация в деятельности органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 25 с. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1191676>.
2. *Добрынина С.* Ненадежная субстанция // Российская газета. 2015. 12 февр.
3. *Красавчиков О. А.* Категории науки гражданского права: в 2 т. М.: Статут, 2005. Т. 2. 492 с.
4. *Микрюков В. А.* Ограничения и обременения права собственности и иных гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 214 с.
5. *Плехова О. А.* Проблема понятия объекта должностных преступлений // Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 2. URL: http://www.hses-online.ru/2008/02/12_00_08/13.pdf.
6. *Рабцевич О. И.* Реализация статей 5 и 6 Европейской Конвенции по защите прав и основных свобод человека в российском законодательстве // Право и политика. 2001. № 10. С. 43–51.
7. Содержание и технологии образования взрослых: проблема опережающего образования: сб. науч. тр. / под ред. А. Е. Марона. М.: Изд-во Институт образования взрослых, 2007. 118 с.
8. Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. С. Ф. Мартыновича. Саратов: Изд-во Сарат. гос. ун-та, 1999. 199 с.
9. *Tsai L. L.* Accountability without Democracy: Solidary Groups and Public Goods Provision in Rural China. Cambridge, 2007. 347 p.
10. *Lindsnaes B.* The Global and the Regional Outlook (How Can Global Public Goods Be Advanced from a Human Rights Perspective?) // Towards New Global Strategies: Public Goods and Human Rights; ed. by E. A. Andersen, B. Lindsnaes. Leiden, 2007. Pp. 71–111.

6. Англоязычный контент статьи

После библиографического списка приводятся на английском языке название статьи, И. О. Фамилия автора, место работы и его адрес, идентификационные коды автора (**обязательно!**), адрес электронной почты, аннотация (150–250 слов прямым шрифтом), а также ключевые слова.

После принятия статьи к опубликованию автор **обязан предоставить высококачественный перевод всего текста статьи на английский язык.**

The Guilt of an Electric Power Supply Organization in Case of Illegal Interruption in Power Supply

O. A. Kuznetsova

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia
ORCID: 0000-0001-6880-5604
ResearcherID: D-1066-2016
Articles in Scopus / Web of Science:
DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.9.11540
DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177
E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

Introduction: the article is devoted to analysis of the guilt of an electric power supply organization as one of the conditions of its liability for illegal interruption in power supply. The legal structure of this civil offence makes incurrance of liability of the legal person engaged in power supply activities conditional on the presence of guilt, which is an exception to the general rule of an entrepreneur's enhanced responsibility. Thus, the issues of understanding the content of guilt of a power supply organization acquire particular importance. The **purpose** of the work is to form a concept of the guilt of a power supply organization basing on the analysis of scientific works and court practice material on cases of holding liable in accordance with Clause 2 of Article 547 of the Civil Code of the Russian Federation. **Methods:** empirical methods of comparison, description and interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; specific scientific methods: legal dogmatic method and method of legal norm interpretation. **Results:** the analysis of the practice in the application of Clause 2 of Article 547 of the Russian Civil Code and its scientific commentation shows that the categories of illegal interruption in power supply and guilt are equated, the category of guilt dissolves in the category of unlawful behaviour of a power supply organization and loses its independence within the elements of this offence. **Conclusions:** both in the civil science and civil law, it is necessary to clearly differentiate between the unlawful behaviour of the debtor, including a power supply organization, and his guilt, since these are different conditions (elements of offence) of civil liability, each of which can independently exclude civil liability. The legal behavioural understanding of the guilt of a power supply organization coincides with the subjective indicator of its unlawful failure to act and does not have its own legal value.

Keywords: illegal interruption in power supply; guilt of an electric power supply organization; guilt in the civil law; unlawful behaviour of a power supply organization; civil offence; civil liability; presumption of guilt.

7. Транслитерация

В статье должен содержаться библиографический список на русском языке. Затем должна следовать транслитерация этого списка (т. е. перевод текста библиографического списка на латиницу) с указанием «References». Для этого рекомендуется использовать **специальную программу**. Кроме того, необходимо в квадратных скобках указывать название источника, переведенное на английский язык. Пример оформления библиографического списка на латинице с переводом на английский язык представлен ниже.

Для русскоязычных **статей из журналов** должна быть соблюдена следующая схема библиографической ссылки:

- Авторы (транслитерация);
- Заглавие статьи (транслитерация курсивом);
- [Перевод заглавия статьи на английский язык в квадратных скобках] – каждое слово с заглавной буквы, кроме артиклей;
- Название русскоязычного источника (транслитерация курсивом);
- [Перевод названия источника на английский язык]*;
- Выходные данные (год, номер – Issue, при наличии – том);
- Страницы, на которых расположена статья в журнале (Pp. 17–34)
- Указание на язык статьи (In Russ.).
- Указание на DOI статьи (DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177).

* здесь приведен перечень названий наиболее популярных юридических журналов, а также корректный перевод этих названий на английский язык.

Для **монографий** должна быть соблюдена следующая схема библиографической ссылки:

- Авторы (транслитерация);
- Название монографии (транслитерация курсивом);
- [Перевод названия монографии на английский язык в квадратных скобках] – каждое слово с заглавной буквы, кроме артиклей;
- Выходные данные: место издания на английском языке: Moscow, St. Petersburg (без указания издательства);
- Количество страниц в издании (500 p.);
- Указание на язык статьи (In Russ. / In Eng.).

Примеры транслитерации:

References

1. Vitryanskiy V. V. *Dogovory bankovskogo vklada, bankovskogo shcheta i bankovskiy raschet* [The Contract of Bank Deposit, Bank Accounts and Bank Calculations]. Moscow, 2006. 556 p. (In Russ.).
2. *Grazhdanskoe pravo: uchebnik; pod red. A. P. Sergeeva, Yu. K. Tolstogo* [Civil Law: textbook: in 3 vols; ed. by A. P. Sergeev, Yu. K. Tolstoy]. Moscow, 2001. Vol. 3. 632 p. (In Russ.).
3. Danilenko S. *Nekotorye problemy pravovogo regulirovaniya ob'ekta bankovskoy tayny* [Some Problems of Legal Regulation of the Object of Banking Secrecy]. *Khozyaystvo i pravo – Business and Law*. 2007. Issue 10. Pp. 28–33. (In Russ.).
4. Dobrynina S. *Nenadezhnaya substantsiya* [Unreliable Substance]. *Rossiyskaya gazeta – The Russian Gazette*. 2015. 12 February. (In Russ.).
5. Kuznetsova O. A. *Spetsializirovannye normy rossiyskogo grazhdanskogo prava: Teoreticheskie problemy: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Specialized Norms of the Russian Civil Law: Theoretical Problems: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2007. 24 p. (In Russ.).

6. Makhmadkhonov T. *Problemy pravovogo obespecheniya kommercheskoy tayny v zakonodatel'stve Respubliki Tadzhikistan: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Problems of Legal Support of Commercial Secrets in the Legislation of the Republic of Tajikistan: Synopsis of Cand jurid. sci. diss.]. Dushanbe, 2008. 24 p. (In Russ.).
7. Mikryukov V. A. *Ogranicheniya i obremeneniya prava sobstvennosti i inyyh grazhdanskikh prav: diss. kand. yurid. nauk* [Restrictions and Encumbrance of Property Rights and Other Civil Rights: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2004. 214 p. (In Russ.).
8. Serkova Yu. A. *Ponyatiye yuridicheskoy konstruksii i ego metodologicheskoe znachenie v issledovanii pravovykh system* [The Concept of Juridical Construction and Its Methodological Significance in Studying Legal Systems]. *Yuridicheskiy mir* – The Juridical World. 2013. Issue 7. Pp. 64–67. (In Russ.).
9. Golubtsov V. G., Kuznetsova O. A. Russian Federation as the Subject of the Civil Liability. *World Applied Sciences Journal*. 2013. Vol. 24. Issue 1. Pp. 31–34. (In Eng.). DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177.
10. Tsai L. L. Accountability without Democracy: Solidary Groups and Public Goods Provision in Rural China. Cambridge, 2007. 347 p. (In Eng.).
11. Lindsnaes B. The Global and the Regional Outlook (How Can Global Public Goods Be Advanced from a Human Rights Perspective?). *Towards New Global Strategies: Public Goods and Human Rights*; ed. by E. A. Andersen, B. Lindsnaes. Leiden, 2007. Pp. 71–111. (In Eng.).

8. Информация для цитирования

В конце статьи указывается наименование Вашей статьи с полными выходными данными на русском и английском языках для облегчения цитирования Вашей статьи.

Пример:

Информация для цитирования:

Кузнецова О. А. Вина энергоснабжающей организации при неправомерном перерыве в подаче энергии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2026. Вып. _____. С. ____.

Kuznetsova O. A. *Vina energosnabzhayushchey organizatsii pri nepravomernom pereryve v podache energii* [The Guilt of an Electric Power Supply Organization in Case of Illegal Interruption in Power Supply]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2026. Issue _____. Pp. _____. (In Russ.).

9. Порядок и сроки рассмотрения рукописей

Представленная автором рукопись направляется члену редакционной коллегии на рецензирование в соответствии с тематикой статьи. Рецензирование рукописей производится в соответствии с «Порядком рассмотрения и рецензирования рукописей научных статей, поступивших в редакцию журнала “Вестник Пермского университета. Юридические науки”».

Срок рассмотрения рукописи – 2–3 месяца.

Научные статьи не допускаются к опубликованию в случае наличия двух или более **типичных ошибок научных статей**, а также по причине несоответствия тематике выпуска, которая определяется редакционной коллегией с учетом поступивших в редакцию статей и политики журнала.

Преимущество при формировании очередного выпуска Издания отдается статьям, выполненным на английском языке.

Научные статьи, направленные авторам на доработку с помощью электронной почты, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный редактором срок через электронную почту редакции: **vesturn@yandex.ru**.

Статьи публикуются в порядке общей очередности и по мере поступления от авторов.

Средний объем одного номера журнала: 25,0–30,0 усл. печ. л.

10. График выхода журнала в 2026 г.

Журнал является ежеквартальным изданием; выходит **в марте, июне, сентябре и декабре**.

Выпуск	Дедлайн подачи онлайн-заявки	Литературное редактирование и вычитка контента РИО ПГНИУ	Формирование макета журнала	Полиграфическая печать бумажной версии журнала (дата выхода)	Выгрузка электронной версии на сайт журнала	Выгрузка электронной версии в РИНЦ	Рассылка авторам, подписчикам, в РГБ и по библиотекам ведущих научных центров
1(71)	10 января	24 января – 7 марта	10–28 марта	31 марта	31 марта	1 апреля	31 марта – 7 апреля
2(72)	10 апреля	24 апреля – 10 июня	11–27 июня	30 июня	30 июня	1 июля	30 июня – 7 июля
3(73)	10 июля	24 июля – 10 сентября	11–28 сентября	30 сентября	30 сентября	1 октября	30 сентября – 7 октября
4(74)	10 октября	24 октября – 10 декабря	11–26 декабря	25 декабря	26 декабря	29 декабря	28 декабря – 10 января

После выхода очередного выпуска журнала Издатель обеспечивает рассылку журнала в организации, получающие от производителей печатных изданий обязательный экземпляр, а также в ведущие российские и зарубежные научные центры.